ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Научный журнал

THE PROBLEMS OF ORIENTAL STUDIES

Journal of Academic Studies

ISSN 2223-0564

2021/3(93)

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Шәрҡиәт проблемалары

THE PROBLEMS OF ORIENTAL STUDIES

2021. № 3 (93)

Научный журнал
(гуманитарного, социально-экономического и политико-правового направлений)

Издается с февраля 1995 г. как «Ядкяр» («Наследие»), с сентября 2008 г. – современное название.
Выходит 1 раз в квартал

Journal of the Humanities, Socio-economic, Political and Legal Studies

First published in February 1995 as *The Yadkyar* (*The Heritage*), since September 2008 – under the present title. Published quarterly

Учредители:

Академия наук Республики Башкортостан (Уфа)

Башкирский государственный университет (Уфа)

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа)

Founders:

Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Bashkir State University (Ufa)

M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University (Ufa)

Главный редактор:

Альфис Суфиянович Гаязов,
доктор педагогических наук, профессор,
академик АН РБ,
член-корреспондент РАО

Ответственный секретарь:

Ирек Фаритович Амантаев,
кандидат исторических наук

Editor-in-Chief:

Alfis S. Gayazov, Prof. Dr.Sc. (Pedagogics), Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Associate Member of the Russian Academy of Education

Secretary-in-Chief:

Irek F. Amantaev,
Cand.Sc. (History)

© ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан», 2021
© Издательство «Мир печати», 2021
© Редакция журнала «Проблемы востоковедения», 2021

Журнал включен в Перечень рецензируемых изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по следующим группам специальностей: исторические науки и археология; литературоведение; языкознание; философские науки.
Полнотекстовая версия выпуска размещена в Научной электронной библиотеке (НЭБ) www.elibrary.ru
Издание зарегистрировано в Международной базе данных Ulrich's Periodicals Directory американского издательства Bowker.
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–44557 от 8 апреля 2011 года.
Подписной индекс в официальном каталоге Почты России «Подписные издания» – 33074.
Подробности на сайте: www.pvanrb.ru

Редакционный совет

М.А. Аюпов, доктор политических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (председатель; Уфа)

А.И. Гоголев, доктор исторических наук, профессор, академик АН Республики Саха (Якутия), вице-президент АН РС (Якутия)

М.З. Закиев, доктор филологических наук, профессор, академик АН РТ (Казань)

Е.И. Зеленев, доктор исторических наук, профессор, почетный академик АН РБ (Санкт-Петербург)

М.А. Ильгамов, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик АН РБ (Уфа)

Исенбике Тоган, доктор философии, профессор, почетный член Турецкой академии наук, иностранный член АН РБ (Стамбул)

Р.Г. Искужин, председатель Евразийского центра «Самрау» (Уфа)

М.Н. Исянбаев, доктор экономических наук, профессор, академик АН РБ (Уфа)

И.Л. Кызласов, доктор исторических наук (Москва)

Ф.А. Надршина, доктор филологических наук, почет-ный академик АН РБ (Уфа)

В.В. Наумкин, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

Ф.М. Раянов, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа)

Мурадгелди Соегов, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Туркменистана (Ашхабад)

Г.Б. Хусаинов, доктор филологических наук, профессор, академик АН РБ (Уфа)

Редакционная коллегия

А.И. Акманов, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа)

Р.Г. Буканова, доктор исторических наук, профессор (Уфа)

Г.Х. Бухарова, доктор филологических наук, профес-сор (Уфа)

Editorial Council

Mansur A. Ayupov, Prof. Dr.Sc. (Political Sciences), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Chairman; Ufa)

Anatoly I. Gogolev, Prof. Dr.Sc. (History), Full Member of the Academy of Sciences of the Sakha Republic (Yakutia), Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)

Mirfatykh Z. Zakiev, Prof. Dr.Sc. (Philology), Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan)

Evgenij I. Zelenev, Prof. Dr.Sc. (History), Honorary Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Saint Petersburg)

Marat A. Ilgamov, Prof. Dr.Sc. (Physics and Mathematics), Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Isenbike Togan, Prof. Dr., Honorary Member of the Turkish Academy of Sciences, Foreign Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Istanbul)

Rudik G. Iskuzhin, Chairman of the *Samrau* Euroasian Centre (Ufa)

Mazgar N. Isyanbaev, Prof. Dr.Sc. (Economics), Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Igor L. Kyzlasov, Dr.Sc. (History) (Moscow)

Fanuza A. Nadrshina, Dr.Sc. (Philology), Honorary Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Vitaliy V. Naumkin, Prof. Dr.Sc. (History), Full Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Fanis M. Rayanov, Prof. Dr.Sc. (Law Studies), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Muradgeldi Soyegov, Prof. Dr.Sc. (Philology), Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Turkmenis-tan (Ashgabat)

Gaysa B. Khusainov, Prof. Dr.Sc. (Philology), Full Member of Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Editorial Board

Aytugan I. Akmanov, Prof. Dr.Sc. (History), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Roza G. Bukanova, Prof. Dr.Sc. (History) (Ufa)

Gulnur Kh. Bukharova, Prof. Dr.Sc. (Philology) (Ufa)

Д.Д. Васильев, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

Р.Ф. Исламов, доктор филологических наук (Казань)

М.Дж. Киекбаев, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа)

М.М. Кульшарипов, доктор исторических наук, профессор, почетный академик АН РБ (Уфа)

Г.С. Кунафин, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа)

М.Х. Надергулов, доктор филологических наук (Уфа)

Д.Р. Орлова, доктор экономических наук, доцент (Уфа)

А.В. Псянчин, доктор географических наук, профессор (Уфа)

Г.Г. Салихов, доктор философских наук, доцент (Уфа)

В.К. Самигуллин, доктор юридических наук, профессор (Уфа)

Ф.С. Файзуллин, доктор философских наук, профессор, академик АН РБ (Уфа)

Ф.Г. Хисамитдинова, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа)

Г.Р. Хусаинова, доктор филологических наук (Уфа)

Л.Н. Шаймухаметова, доктор искусствоведения, профессор (Уфа)

Dmitriy D. Vasilyev, Prof. Cand.Sc. (History) (Moscow)

Ramil F. Islamov, Dr.Sc. (Philology) (Kazan)

Murat Dzh. Kiekbaev, Prof. Dr.Sc. (Social Sciences), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Marat M. Kulsharipov, Prof. Dr.Sc. (History), Honorary Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Giniyatulla S. Kunafin, Prof. Dr.Sc. (Philology), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Minlegali Kh. Nadergulov, Dr.Sc. (Philology) (Ufa)

Dinara R. Orlova, Dr.Sc. (Economics), Associate Pro-fessor (Ufa)

Aybulat V. Psyanchin, Prof. Dr.Sc. (Geography) (Ufa)

Gafur G. Salikhov, Dr.Sc. (Philosophy), Associate Pro-fessor (Ufa)

Venir K. Samigullin, Prof. Dr.Sc. (Law Studies) (Ufa)

Fanil S. Fayzullin, Prof. Dr.Sc. (Philosophy), Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkor-tostan (Ufa)

Firdaus G. Khisamitdinova, Prof. Dr.Sc. (Philology), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Gulnur R. Khusainova, Dr.Sc. (Philology) (Ufa)

Lyudmila N. Shaymukhametova, Prof. Dr.Sc. (Arts Studies) (Ufa)

Редактор: Р.С. Акманова. Редактор-переводчик: А.П . Маслова . Дизайн обложки: М.Л. Ахмадуллин.
Технический редактор: Д.Н. Махмутова, компьютерная верстка: К.Р. Валеева.

Подписано в печать 29.09.2021. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «TimesNewRoman».
Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 9,52. Тираж 70 экз. (печатное издание и его электронная форма).
Тип. заказ № 211478.

Адрес редакции и издателя: 450008, г. Уфа, ул. Кирова, 15. Тел.: (347) 276-40-77
e-mail: pvanrb@mail.ru

Отпечатано в КП РБ Издательство «Мир печати».
450076, г. Уфа, ул. Аксакова, 45. Тел.: 251-72-95.
alander@list.ru
Цена свободная

Воспроизведение или распространение (полностью или частично) текстов журнала «Проблемы востоковедения» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. При цитировании ссылка на журнал «Проблемы востоковедения» обязательна. Ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также иной информации несут авторы.

Позиция редакции не всегда совпадает с мнениями авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОГРАФИЯ

Ю.Н. Смирнов (Самара)
Статус и границы башкирских земель в Степном Заволжье в конце XVIII – XIX вв. 8

А.М. Багаутдинов (Уфа)
Подвиг Александра Матросова: анализ советских и немецких документов 15

В.А. Гайкин (Владивосток)
Минсендан и репрессии компартии Китая против корейских коммунистов в Маньчжурии 1932–1936 гг. (к 90-летию японской агрессии в Маньчжурии в 1931 г.). 23

И.Г. Петров (Уфа)
Похоронно-поминальная обрядность чувашей Урало-Поволжья в исследованиях XVIII века 29

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ғ.С. Ҡунафин (Уфа)
М. Ғафури ижадында модернизм күренештәре: символизм, импрессионизм (Явления модернизма в творчестве М. Гафури: символизм, импрессионизм) 35

Г.Х. Абдрафикова (Уфа)
Арабографичное сочинение башкирского поэта-просветителя Г. Киикова «‘Айн ар-риза» 41

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Л.Х. Самситова (Уфа)
С.Х. Мухамедова (Ташкент)
Диминутивы в башкирском и узбекском языках 48

Н.А. Ласынова (Сибай)
Башҡорт телендә һәм уның диалекттарында «сәс» компонентлы лексик берәмектәрҙең мәғәнә үҙенсәлектәре (Семантические особенности лексических единиц с компонентом «волос» в башкирском языке и его диалектах) 53

Л.К. Ишкильдина (Уфа)
Фонема [л] башкирского языка: экспериментальные данные, история развития 58

ОБЗОРЫ

А. Токтаган (Нур-Султан)
С. Баженеева (Нур-Султан)
А. Абдинуров (Нур-Султан)
Дина Нурпеисова как представительница женщин-кюйши в казахской музыкальной культуре 65

М.А. Гизбулаев (Кудали)
Арабские источники о средневековой истории Северного Кавказа: «Му'джам ал-булдан» Йакута ал-Хамави о Дагестане 72

НАУЧНАЯ СМЕНА

Л.Х. Казыева (Бирск)
Мотив дома в рассказе А. Генатулина «Изба» 79

С.С. Байбулатова (Уфа)
Нравственно-этические проблемы в поэме Р. Бикбаева «Письмо моему народу» 84

ЮБИЛЕИ

Академику Академии наук Республики Башкортостан Исянбаеву Мазгару Насиповичу – 85 лет 89

CONTENTS

HISTORY

Yu.N. Smirnov (Samara)
The status and boundaries of Bashkir lands in the Steppe Transvolga region in the late 18th–19th centuries 8

A.M. Bagautdinov (Ufa)
The heroic deed of Alexander Matrosov: Analysis of Soviet and German documents of 1943 15

V.A. Guykin (Vladivostok)
Mingsendang and the repressions of the Communist Party of China against the Korean com-munists in Manchuria, 1932-1936 (on the 90th anniversary of Japanese aggression in Manchuris in 1931) 23

I.G. Petrov (Ufa)
Burial ceremonies and funeral rites of the Chuvashs of the Ural-Volga region in the studies of the 18th century 29

LITERARY STUDIES

G.S. Kunafin (Ufa)
The phenomenon of modernism in the works by Mazhit Gafuri: Symbolism, impressionism 35

G.Kh. Abdrafikova (Ufa)
Arabographic book of Bashkir poet and educator Garifulla Kiikov «‘Ain ar-riza» 41

LINGUISTICS

L.H. Samsitova (Ufa)
S.Kh. Mukhamedova (Tashkent)
Diminutives in the Bashkir and Uzbek languages 48

N.A. Lasynova (Sibay)
Semantic features of lexical units with the «hair» component in the Bashkir language and its dialects 53

L.K. Ishkildina (Ufa)
The foneme [l] bashkir language: experimental data, history of development 58

REVIEWS

Toktagan Aitolkyn (Nur-Sultan)
Sania Bazheneeva (Nur-Sultan)
Alibi Abdinurov (Nur-Sultan)
Dina Nurpeisova as a representative of kuishi women in Kazakh musical culture 65

M.A. Gizbulaev (Kudali)
Arabic sources on medieval history of the North Caucasus: *Mu'jam al-buldan* of Yaqut al-Hamawi about Daghestan 72

YOUNGER GENERATION

L.H. Kazyeva (Birsk)
The image of the house in the story «Izba» by Anatoly Genatulin 79

S.S. Baybulatova (Ufa)
Moral and ethical problems in Ravil Bikbayev's poem «A Letter to My People» 84

JUBILEES

Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan Mazgar N. Isyanbayev celebrates his 85th birthday 89

DOI 10.24412/2223-0564-2021-3-8-14
УДК 94(47).07/08

Ю.Н. Смирнов

СТАТУС И ГРАНИЦЫ БАШКИРСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СТЕПНОМ ЗАВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XVIII – XIX в.

Аннотация

Статья посвящена изучению участия башкир в освоении Степного Заволжья наряду с другими этническими группами. Эти земли на территории образованной в 1851 г. Самарской губернии были самыми западными в России, где компактно проживало башкирское население. Вопрос о статусе и принадлежности этих земель решался различными путями и на разных уровнях власти в течение первой половины и середины 19-го столетия. Изучение вопросов истории данного края в конце XVIII – XIX в., обитавшего здесь населения, включавшего и башкирскую составляющую, обеспечено документами из центральных архивов и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, а также опубликованными источниками. Изучение этнической истории в «имперский период», рассматриваемый в работе, усложняется в силу расселения различных народов на значительные расстояния и по разным территориям. Уже в середине XIX в. более пяти тысяч башкир проживали в Степном Заволжье, далеко отстоящем от основной территории указанного этноса. При определении «имперских народов» по предложенному В.А. Юрчёнковым признаку активного участия в генезисе империи, в том числе, в процессе включения в нее окраинных земель, к их числу, безусловно, относятся башкиры. В свою очередь, Степное Заволжье стало «имперской окраиной» именно с участием башкир, впрочем, как и прочих народов, включенных в административное и хозяйственное пространство России, а это имело большое значение и далеко идущие последствия для дальнейшего развития этого региона многонациональной страны.

Ключевые слова: история России XVIII–XIX вв., колонизация, Самарское Заволжье, этническая история, локальная история, земельные споры, «имперский народ»

Yury N. Smirnov

THE STATUS AND BOUNDARIES OF BASHKIR LANDS IN THE STEPPE VOLGA REGION IN LATE 18th–19th CENTURIES

Abstract

The article is devoted to the participation of the Bashkirs, among other ethnic groups, in the development of the Steppe Transvolga region. These lands of the Samara Province were the most western in Russia, where the Bashkir population lived compactly. The issue on the status and ownership of these lands was resolved in different ways and at different levels of authority during the first half and the mid-19th century. The study on the history of this region in the late 18th and 19th centuries in regard of the population that lived here, including the Bashkir component, is provided with documents from the central archives and the Department of Manuscripts of the Russian National Library, as well as published sources. The study of ethnic history in the «imperial period» considered in this work is complicated due to the settlement of various peoples over considerable distances and across different territories. In the mid-19th century more than 5,000 Bashkirs lived in the Steppe Transvolga region, far from the main territory of the said ethnic group. When defining the «imperial peoples» according to the principle of their active participation in the genesis of the Empire proposed by V.A. Yurchenkov, including the process of involving the peripheral lands, the Bashkirs were certainly

Смирнов Юрий Николаевич, *доктор исторических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева (Самара), e-mail: smirnov195503@yandex.ru*

Yury N. Smirnov, *Dr. Sci. (History), Professor of the Korolev Samara National Research University (Samara), e-mail: smirnov195503@yandex.ru*

© Смирнов Ю.Н., 2021

among them. The Steppe Transvolga region became an «imperial outskirts» with the participation of the Bashkirs, as well as other peoples included in the administrative and economic space of Russia. It was of great importance and had far-reaching consequences for further development of this region of the multinational state.

Key words: history of Russia in the 18th and 19th centuries, colonization, Steppe Transvolga region, ethnic history, local history, land disputes, «imperial people»

Этнический состав Степного Заволжья кардинально изменился и сложился заново в ходе его освоения в составе России в XVIII–XIX вв. В заселении территорий, лежащих к югу от р. Самары, наряду с представителями других народов приняли участие и башкиры. Специалисты называют здешних башкир по протекающим тут степным рекам иргизско-камеликскими. Их земли в современных Самарской и Саратовской областях являются самыми западными, где компактно проживает башкирское население. Определенная изоляция этой группы башкир наложила свой отпечаток на ее облик. На нем также сказались особенности процесса ее формирования.

Башкиры явились одним из элементов единого общероссийского процесса освоения юго-восточной окраины Европейской России. Частью этого процесса стало движение на южные земли Степного Заволжья, оставленные калмыками-ламаистами после исхода их основной массы из России в 1771 г. [6, с. 87]. Башкирский этнос участвовал в их массовом заселении вместе с русскими крестьянами и казаками, немецкими и другими иностранными колонистами, украинскими чумаками и казахами.

Согласимся с мнением видного знатока этнической и региональной истории В.А. Юрчёнкова об определении «имперского народа» по признаку активного участия «в генезисе империи как таковой», в том числе в процессе «поглощения» окраинных земель [19, с. 219]. С этой точки зрения башкиры, безусловно, являются «имперским народом», без которого нельзя представить строительство многоязычного и поликультурного Российского государства, а Степное Заволжье оказывается как раз среди тех земель, которые, благодаря этому этносу, были включены в политическое и экономическое пространство державы [17, с. 170].

История складывания и функционирования в разноэтничном окружении группы иргизско-камеликских башкир привлекает внимание историков, вызвав появление специальных исследований, в том числе, диссертаций [8; 10; 11]. Однако считаем необходимым дополнить их рассмотрением хода обсуждения во властных структурах России вопроса о статусе и границ земель, занятых этой группой башкир с конца XVIII до середины XIX в.

Участие башкир в общероссийском колонизационном процессе имело важные последствия для этого народа. Модернизация в России XVIII–XIX вв. транслировалась в среду этнических групп населения страны, включая кочевые народы, преимущественно через российские управленческие, языковые, образовательные и иные практики [3, с. 17–20].

Башкирских учеников особенно старался привлечь в русские школы оренбургский и самарский генерал-губернатор В.А. Перовский. Преподаватели Закона Божьего тех приходских училищ, где они обучались, могли приглашать этих детей на свои занятия только по добровольному согласию и «должны были не допускать споров между учениками о вере, насмешек над чужою» [7, с. 252–253]. Яркой страницей взаимодействия и взаимовлияния культур стало пребывание среди иргизских башкир Л.Н. Толстого, приезжавшего к ним для лечения кумысом и оставившего произведения, навеянные башкирским бытом и фольклором [1, с. 152–153].

В этнографической литературе было высказано предположение о начале расселения здесь башкир с XVI в. и даже в более ранние времена [9, с. 53]. Однако это расселение стало невозможным в реальной обстановке, сложившейся в XVII–XVIII вв., когда степи к югу от р. Самары контролировались более многочисленными и сильными калмыками. Невозможно представить на занятых ими землях наличие территорий постоянного обитания башкир. До исхода большей части калмыков за российские пределы здесь могли появляться время от времени лишь небольшие группы башкирских скотоводов и охотников.

В отличие от некоторых этнографов местный краевед П.Я. Русяев формирование этой группы башкир представлял более точно: «Башкиры переселились ... в конце XVIII века. В 1804 году их здесь насчитывалось всего 125 семейств... Часть башкир осела здесь в 30-х годах XIX века, прибыв из Белебеевского уезда Уфимской губернии,

другие в 1866–1868 годы перекочевали с берегов реки Чижи (Узень) Новоузенского уезда. До сих пор различают «старых» (XVIII век) и «новых» башкир (XIX век)... Деревни Кочкиновка, Утекаевка, Имилеевка и Муратшино Имилеевской волости основали «старые» башкиры; Денгизбаево, Хасьяново, Кинзягулово и Таш-Кустьяново – «новые». В настоящее время деревни Муратшино и Таш-Кустьяново входят в состав Большеглушицкого, остальные – Большечерниговского района» [16, с. 15–16].

Статистики 19-го столетия также указывают 1797 г. и 1865–1868 гг. в качестве этапных дат переселения башкир в степи бывшего Николаевского уезда Самарской губернии [18, с. XV]. Достоверность такого хода переселения подтверждается также на основании материалов из архивов Саратова, Оренбурга, Уфы [11, с. 118–119].

Два источника первой половины и середины XIX в. следует признать первостепенными по значению для нашей темы. Официальная политика властей раскрывается в деле, возникшем по докладу комиссии генерал-майора Черкасова и полковника Бутовского (1834–1839). Этот доклад вызвал возражения со стороны оренбургского военного губернатора В.А. Перовского в рапорте военному министру от 29 мая 1840 г. с приложением особого «Мнения» о заключении комиссии, «утвержденной для размежевания Саратовских башкир, Букеевских киргизов и Уральских казаков» [14, л. 243–321 об.].

Наблюдения очевидца и современника тех событий отражены в очерке «Башкирцы», написанном в августе 1854 г. казачьим офицером и историком И.И. Железновым. Он хорошо знал состояние дел с землями, занятыми башкирами, по делам службы: «Первоначальное поселение их на настоящей земле, носящей название “Башкирское отделение”, завелось с разрешения и утверждения Правительства в конце прошедшего [*восемнадцатого* – Ю.С.] или в начале нынешнего столетия. Так, по крайней мере, говорят старожилы, помнящие времена переселения; но и письменных документов нет, да и быть не может в отделении у такого народу, каковы башкирцы, боящиеся, как чумы, всякой формальной письменности» [5].

Таким образом, Железнов среди старожилов встретил только переселенцев, пришедших на рубеже XVIII–XIX вв., а потому однозначно отнес как раз к этому времени начало складывания здешнего башкирского населения, с чем трудно не согласиться. Свою роль в побуждении к переселению сыграли среди прочих такие факторы, как изъятие в казну ряда земель в лесостепной части Заволжья и на Южном Урале, прежде принадлежавших башкирам, и, особенно, отмена с 1736 г. запрета на продажу их исконных вотчинных земель [6, с. 86]. Данной отменой воспользовались, прежде всего, помещики для расширения своих владений, но покупали эти земли также государственные крестьяне различной этнической принадлежности [17, с. 165–167].

В поисках новых земель в заволжской степи башкиры расселились на 400 верст от верховьев Иргиза до Узеней и Камыш-Самарских озер. Основную их часть составили выходцы из Курпеч-Табынской волости [14, л. 243–321 об.].

При этом начались конфликты как с другим потоком переселенцев, состоявшим из русских, украинцев и других земледельческих народов, так и со старинными обитателями края – уральскими казаками. Споры башкир с казаками приняли острые формы, но сравнительно быстро были разрешены: «Они вторглись в двадцатых годах нынешнего столетия [*девятнадцатого* – Ю.С.] в земли Уральских казаков около Камыш-Самарских озер, где текут реки Большой и Малый Узени… Остались бы они тут навсегда, если бы атаман Уральских казаков Д.М. Бородин не ... велел сказать Башкирцам, чтобы они убирались восвояси; но когда они не послушались, он прогнал их вооруженной силой» [5].

В конфликте с пришлыми русскими крестьянами и украинскими чумаками до применения оружия дело не дошло, но зато судебная тяжба тянулась не одно десятилетие. Во время проведения Генерального межевания в 1806 г. башкиры подали землемерам претензии на «Приузенские, Чижинские и Иргизские земли» тогдашней Саратовской губернии. В доказательство башкиры стали предъявлять грамоты разных царей на владение землей, которые оказались к делу не относящимися, поскольку касались иных территорий.

Дело прошло различные инстанции: Оренбургскую межевую контору (1825), столичную Межевую канцелярию (1826), наконец, Межевой Департамент Правительствующего Сената (1831), которые отвергли законность башкирских земельных претензий. Однако «в уважении долговременного жительства их на сих землях и неудобности переселения башкир в отдаленные вотчины» власти сочли возможным наделить их частью спорной земли из расчета 206 десятин на душу мужского пола. Для сравнения,

русский крестьянин-переселенец мог получить максимум 15 дес., украинский солевозчик – 30 дес. Первоначально речь шла о наделении землей 762 душ м. п. К 1840 г. численность башкир в заволжской степи возросла до 1790 душ м. п., включая 11 семей присоединившихся к ним каракалпаков [14, л. 243–321 об.].

Другим предметом спора стало место земельного отвода. Сенат поддержал предложение саратовского губернатора Белякова, выдвинутое еще в 1806 г., чтобы расселить башкир «на вершинах Иргиза и Каралыка». Башкиры же просили произвести отвод при уже существующих местах жительства, в т.ч. при более южных Чижах и Узенях, упирая, прежде всего, на то, что они повсеместно переходят к земледелию и оседлости. Как говорит современник, «следуя примеру русских, они и сами начали строить деревни и в них мечети, в той уверенности, что из оседлых мест выгнать их будет трудно, и что земли, таким образом, незаметно останутся и укрепятся за ними» [5].

На сторону башкир Степного Заволжья склонился оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен, при котором в 1832 г. они были перечислены из войска Башкирского в Уральское казачье войско. По роду и месту новой службы башкиры получили дополнительные основания для закрепления за собой степных земель. В 1834 г. император Николай I утвердил решение Комитета Министров о временной передаче во владение каждому существующему башкирскому зимовью по 10 тыс. десятин. Комиссия Черкасова – Бутовского в 1839 г. сочла за лучшее оставить за башкирами земли по Чижам и другим южным степным речкам, считая в тягость переселение всех на Иргиз и Каралык [14, л. 243–321 об.].

В тот момент, когда удовлетворение просьб башкир казалось близким, с возражениями выступил новый военный губернатор В.А. Перовский, требуя перевода башкир на север занятой ими территории – на Камелик и верховья Иргиза. Требуемый им вывод не был тогда осуществлен, но и добиться окончательного утверждения за собой земель близ всех своих зимовий-деревень на юге Заволжья, башкирам не удалось. Оба главных аргумента башкир в земельном споре, оседлость и служба, оказались под серьезным сомнением.

Сельскохозяйственные занятия самих башкир, как правило, ограничивались кошением нескольких стогов сена для двух-трех коней и коров. Остальной скот находился круглый год в поле, добывая зимой корм из-под снега, а иногда погибая от бескормицы. Посев обычно составляли 1–2 десятины проса. Луга и пахотные земли при этом вовсе не лежали втуне, но приносили пользу не башкирам. Многие русские крестьяне разбогатели на аренде башкирских земель, некоторые сделались купцами. Башкиры сдавали земли за бесценок. Крестьяне их распахивали, заводили скот на правильном содержании, сдавали полученные от башкир участки в субаренду за гораздо большую плату.

В 1841 г. управляющим Башкирским отделением стал войсковой старшина Е.М. Матвеев. С разрешения властей, он ввел упорядоченную, основанную на законах отдачу башкирских земель в аренду. За десять лет из сборов за земли, арендованные крестьянами, скопилось в Башкирском отделении до 40 тыс. руб. серебром.

Среди башкир выделялись своим достатком Акировы. Одним из источников их богатства стало серьезное занятие хлебопашеством. У Акировых имелись волы, на которых распахивали землю. Прочие башкиры не умели обращаться с плугом или сохой, а распашку производили наймом крестьян. Вначале плата работникам была незначительной. Соседи-крестьяне часто работали даже не за деньги, а за предоставление им в пользование башкирских лошадей во время обмолота. Однако в середине XIX в. работников уже нанимали за довольно высокую плату. Уборка хлеба также делалась через наем, отчего свой хлеб стал обходиться башкирам не дешевле купленного.

На всю башкирскую деревню приходилось 2–3 косы, которыми жители пользовались поочередно. В основном сено заготовляли опять-таки руками крестьян. Первоначально последние соглашались на получение малой доли из накошенного. Однако в 1850-е гг. крестьяне уже нанимались на сенокос исполу, но и то редко, предпочитая арендовать луга за дешевую плату, свозя все сено на свои дворы или на продажу.

Что касается аргумента оседлости, то он тоже выглядел неубедительным. В конце 1830-х гг. отмечалось, что деревни заволжских башкир «состоят из ветхих и в беспорядке разбросанных не столько изб, сколько землянок и иных разного рода хозяйственных обзаведений, которые почти все покрыты сеном, соломою или вовсе без кровель с земляными насыпями». Только в четырех из 27 поселков имелись хорошие дворы, куплен-

ные готовыми у русских крестьян. Принадлежали они «главным и самым богатым лицам» [14, л. 243–321 об.].

Положение в 1850-е гг. изменилось мало. По описанию очевидцев, «больше чем три четверти домов и две мечети построены из дерна и из воздушного кирпича; остальные дома и мечети деревянные. Но вообще все строения в Башкирском отделении отличаются бедностью, безвкусием и неудобством, исключая домов некоторых чиновников» [5].

Оседлое хозяйство степных заволжских башкир не смогло за короткий срок приблизиться к уровню русских соседей. Обширные угодья, предоставленные башкирам, реально переходили в другие руки. Это видело и правительство, нуждавшееся в пополнении фонда казенных земель в Заволжье для увеличения доходов от аренды и переселения государственных крестьян.

В отчете комиссии действительного статского советника Райского, направленном в заволжские Николаевский и Новоузенский уезды Саратовской губернии (1843), территории, на которые претендовали башкиры, именовались «так называемыми Башкирскими землями». Они занимали свыше 650 тыс. дес., в том числе 440 тыс. дес., удобных для сельскохозяйственного освоения. На них, по подсчетам комиссии, можно было водворить более 34 тыс. душ муж. пола переселенцев из числа государственных крестьян. Между тем в 1846 г. во всем Башкирском отделении Уральского войска числилось 2382 мужчины, 2507 женщин, а всего 4889 душ обоего пола [13, л. 26 об.; 15, л. 117 об.].

В 1850-е гг. численность мужского населения башкир Степного Заволжья превысила 2500 душ. Башкиры проживали по своим деревням в Самарском, Николаевском, Новоузенском уездах, заселенных в конце XVIII – начале XIX в. и числились по-прежнему в Уральском казачьем войске [4, с. 28, 34].

Однако служба башкир все меньше учитывалась властями, поскольку объем её был не очень велик. Считаясь казаками Уральского войска, башкиры не пользовались его правами, но зато и не несли обязанностей природных уральцев. Единственной их службой были наряды в г. Уральск для городских работ и для усиления иногда местной полиции. Наряд длился с мая по октябрь и выпадал каждому башкиру только раз в 4–5 лет. Кроме того, башкиры содержали в трех-четырех пунктах своего отделения пикеты, где круглый год жили от пяти до десяти человек и отправляли гоньбу подвод и почты.

Судьба значительной части занятых башкирами на рубеже XVIII–XIX вв. земель была предрешена. В 1851 г. в Заволжье была образована новая Самарская губерния [7, с. 9]. Это активизировало деятельность властей по решению ряда насущных хозяйственных, административных и культурных задач [2, с. 157]. Еще больший импульс выработке таких решений был дан в ходе Великих реформ.

В 1863–1865 гг. башкиры перестали считаться военным сословием и «получили статус свободных сельских обывателей, на них были распространены реформы и русское законодательство, в низших административных единицах разрешалось ведение дел на родном языке» [12, с. 219]. В этой ситуации, не опасаясь широкого недовольства из-за ущемления интересов отдельной локальной группы, власти переселили башкир из южного Новоузенского уезда к их единоплеменникам в Николаевский уезд на берега Иргиза, Каралыка и Камелика. Это не означало ни ликвидации, ни заметного стеснения сферы обитания самых западных башкир России. Отведенные им угодья в целом соответствовали хозяйственным потребностям имевшихся налицо жителей. Две волости, населенные башкирами в Николаевском уезде, были составлены в основном по национальному признаку. За исключением небольших крестьянских хуторов, башкирскими были все селения Имилеевской волости на Иргизе, Каралыке и Глушице. Подавляющее большинство селений Кузябаевской волости на Камелике, Таловой и Челыкле также были башкирскими. Именно в башкирских населенных пунктах располагалась волостная администрация. Во всех башкирских деревнях имелись мечети. Фактически в рамках обычного для России волостного самоуправления башкирам Николаевского уезда предоставлялась определенная национально-культурная автономия.

Таким образом, спор о границах башкирских земель на юге Заволжья отошел в прошлое. Его решение было не произвольным, в итоге объективно отразив людскую численность и экономические возможности локальной этнической группы. Правовой и административный статус этих территорий определился вне рамок военно-сословного дискурса, свойственного дореформенному времени, и был приведен в соответствие с социальным и административ-

ным устройством России в эпоху модернизационного перехода от традиционного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдрафикова Г.Х., Хуббитдинова Н.А.* Лев Толстой и Башкирия: взгляд русского писателя на башкирский народ // Материалы Толстовских чтений 2018 года в Государственном музее Л.Н. Толстого. Москва: РГ-Пресс, 2019. С. 150–155.

2. *Артамонова Л.М.* Просветительская деятельность самарского губернатора К.К. Грота: столичный чиновник в культурном пространстве провинции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 156–161.

3. *Артамонова Л.М.* Учителя-мусульмане в государственных школах юго-востока России в XVIII веке // Россия и исламский мир: история и перспектива цивилизационного взаимодействия. Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 120-лет. Карима Хакимова: сб. ст. и материалов. Уфа: Антаир, 2011. С. 17–20.

4. *Воронов Н.А.* Описание волжского прибрежья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.). СПб.: РНБ, 2015. 118 с.

5. *Железнов И.И.* Башкирцы // Очерки быта уральских казаков. Ч. 1. М.: Тип. Александра Семена, 1858. URL: http://books.e-heritage.ru/book/10012374 (дата обращения 17.06.2021).

6. *Кабытов П.С., Дубман Э.Л. и др.* Земля Самарская. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. (2-е изд.). 320 с.

7. *Кабытов П.С., Дубман Э.Л. и др.* История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Самара: Слово, 2020. Т. 2. Самарское Поволжье во второй половине XIX – начале XX века. (2-е изд.). 480 с.

8. *Кржижевский М.В.* Башкиры Самарской области (расселение, численность, особенности материальной и духовной культуры): дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2001. 168 с.

9. *Кржижевский М.В.* К истории расселения башкир в Самарском Заволжье // Самарский край в истории России. Материалы юбилейной научной конференции. Самара: СОИКМ, 2001. С. 53–54.

10. *Маннапов М.М.* Башкиры Степного Заволжья (история расселения, родоплеменная структура, хозяйство): дисс. … канд. ист. наук. Уфа, 2009. 186 с.

11. *Маннапов М.М.* Демографические процессы среди башкир в Степном Заволжье в XIX–XXI вв. // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 1. С. 118–122.

12. *Миронов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.

13. Научный архив Русского географического общества (НА РГО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 187.

14. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 608. Д. 136. Т. 1.

15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 381. Оп. 2. Д. 523.

16. *Русяев П.Я.* Земля Глушицкая. Куйбышев: Кн. изд-во, 1989. 159 с.

17. *Смирнов Ю.Н.* Башкиры Самарского Заволжья: включение в имперское пространство России XVIII–XIX вв. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 161–173.

18. Список населенных мест Самарской губернии, по сведениям 1889 года. Самара, 1890. XXVII, 243, 17, V с.

19. *Юрчёнков В.А.* Начертание мордовской истории. Саранск: НИИГН. 612 с.

REFERENCES

1. Abdrafikova, G.Kh., Khubbitdinova, N.A. *Lev Tolstoy i Bashkiriya: vzglyad russkogo pisatelya na bashkirskiy narod* [Leo Tolstoy and Bashkiria: A Russian writer's view of the Bashkir people]. *Materialy Tolstovskikh chteniy 2018 goda v Gosudarstvennom muzee L.N. Tolstogo* [Materials of the Tolstoy Readings of 2018 at the State Museum of L.N. Tolstoy]. Moscow: RG-Press, 2019, pp. 150–155 (in Russ.).

2. Artamonova, L.M. *Prosvetitelskaya deyatelnost samarskogo gubernatora K.K. Grota: stolichnyy chinovnik v kulturnom prostranstve provintsii* [Educational activity of Samara Governor Konstantin Grot: Metropolitan official in the cultural space of the province]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* – Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts, 2014, no. 2 (19), pp. 156–161 (in Russ.).

3. Artamonova, L.M. *Uchitelya-musulmane v gosudarstvennykh shkolakh yugo-vostoka Rossii v XVIII veke* [Muslim teachers in public schools in the southeast of Russia in the 18th century]. *Rossiya i*

islamskiy mir: istoriya i perspektiva tsivilizatsionnogo vzaimodeystviya [Russia and the Islamic world: History and prospects for civilizational interaction]. Ufa: Antair, 2011, pp. 17–20 (in Russ.).

4. Voronov, N.A. *Opisaniye volzhskogo pribrezhya Samarskoy gubernii i zamechatelneyshikh ego mestnostey (1857 g.)* [Description of the Volga bank area of the Samara Province and its most remarkable localities (1857)]. St. Petersburg: Rossiyskaya natsionalnaya biblioteka, 2015. 118 p. (in Russ.).

5. Zheleznov, I.I. *Ocherki byta uralskikh kazakov* [Essays on the life of the Ural Cossacks]. Part 1. Moscow: Tipografiya Aleksandra Semena, 1858. URL: http://books.e-heritage.ru/book/10012374 (accessed June 17, 2021) (in Russ.)

6. Kabytov, P.S., Khramkov, L.V., Matveeva, G.I., Smirnov, Yu.N., Dubman, E.L., Artamonova L.M., Savelyrv P.I., Karevskaya A.G., Kabytova N.N., Kleyn N.L., Medvedev E.I., Leonov M.I. *Zemlya Samarskaya. Ocherki istorii Samarskogo kraya s drevneyshikh vremen do pobedy Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Samara Land. Essays on the history of the Samara region from ancient times to the victory of the Great October Socialist Revolution]. 2nd edition. Kuibyshev: Knizhnoe izdatelstvo, 1990. 320 p. (in Russ.).

7. Kabytov, P.S., Artamonova L.M., Barinova, E.P., Dubman, E.L., Eliseev, A.I., Zavalny, A.N., Kabytova, N.N., Kazarin, V.N., Kobozeva, Z.M., Leonov, M.I., Leonov, M.M., Leontyeva, O.B., Matveev, M.N., Savelyev, P.I., Smirnov, Yu.N., Tatirova, N.F., Turganova, O.V., Tyurin, V.A. *Istoriya Samarskogo Povolzhya s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of the Samara Volga region from ancient times to the present day]. Vol. 2. 2nd edition. Samara: Slovo, 2020. 480 p. (in Russ.).

8. Krzhizhevsky, M.V. *Bashkiry Samarskoy oblasti (rasseleniye, chislennost, osobennosti materialnoy i dukhovnoy kultury)* [Bashkirs of the Samara region (settlement, number, features of material and spiritual culture)]: PhD Thesis in History. Ufa, 2001. 168 p. (in Russ.).

9. Krzhizhevsky, M.V. *K istorii rasseleniya bashkir v Samarskom Zavolzhye* [On the history of the settlement of the Bashkirs in the Samara Transvolga region]. Samarskiy kray v istorii Rossii [Samara region in the history of Russia]. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey, 2001. P. 53–54 (in Russ.).

10. Mannapov, M.M. *Bashkiry Stepnogo Zavolzhya (istoriya rasseleniya, rodoplemennaya struktura, khozyaystvo)* [Bashkirs of the Steppe Transvolga region (history of settlement, tribal structure, economy) PhD Thesis in History. Ufa, 2009. 186 p. (in Russ.).

11. Mannapov, M.M. *Demograficheskie protsessy sredi bashkir v Stepnom Zavolzhye v XIX–XXI vv.* [Demographic processes among the Bashkirs in the Steppe Transvolga region in the 19th–21st centuries]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* – Bulletin of the Bashkir University, 2008 vol. 13, no. 1, pp. 118–122 (in Russ.).

12. Mironov, B.N. *Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossiyskoy imperii.* [Ethnic diversity management of the Russian Empire]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2017. 640 p. (in Russ.).

13. *Nauchnyy arkhiv Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Scientific Archive of the Russian Geographical Society]. Fond 2, opis 1, delo 187, list 26 ob. (in Russ.).

14. Otdel rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Fond 608, delo 136, tom 1, list 243–321 ob. (in Russ.).

15. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military Historical Archive]. Fond 381, opis 2, delo 523, list 117 ob. (in Russ.).

16. Rusyaev, P.Ya. *Zemlya Glushitskaya* [The land of Glushitsa]. Kuibyshev: Knizhnoe izdatelstvo, 1989. 159 p. (in Russ.).

17. Smirnov, Yu.N. *Bashkiry Samarskogo Zavolzhya: vklyucheniye v imperskoye prostranstvo Rossii XVIII-XIX vv.* [Bashkirs of the Samara Transvolga region: Inclusion into Russian imperial space in the 18th–19th centuries]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* – Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 2: Humanities, 2020, vol. 22, no. 4 (202), pp. 161–173 (in Russ.).

18. *Spisok naselennykh mest Samarskoy gubernii, po svedeniyam 1889 goda* [List of populated areas of the Samara Province, according to information from 1889]. Samara, 1890, XXVII, 243, 17, V p. (in Russ.).

19. Yurchenkov V.A. *Nachertaniye mordovskoy istorii [*Description of Mordovian history]. Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya, 2012. 612 p. (in Russ.).

DOI 10.24412/2223-0564-2021-3-15-23
УДК 801.4: 809434.3

А.М. Багаутдинов

ПОДВИГ АЛЕКСАНДРА МАТРОСОВА: АНАЛИЗ СОВЕТСКИХ И НЕМЕЦКИХ ДОКУМЕНТОВ

Аннотация

В статье исследуются обстоятельства подвига Александра Матросова в феврале 1943 г. в бою за деревню Чернушки. Анализируются рассекреченные в 2018 г. советские и зарубежные архивные документы – журналы боевых действий советских и немецких воинских частей, позволившие уточнить хронологию боев у деревни Чернушки. Данные документы из Центрального Архива Министерства обороны РФ и Национального архива и управления документации США в настоящее время находятся в открытом доступе на сайтах: https://pamyat-naroda.ru; https://wwii.germandocsinrussia.org; https://www.gutenberg-e.org и на специально созданном сайте Министерства обороны РФ: https://matrosov.mil.ru.

В научный оборот вводятся новые источники – трофейные немецкие документы подразделений вермахта, которые противостояли 91-ой отдельной стрелковой бригаде и 6-му стрелковому корпусу. Важной задачей, решенной в настоящей статье, является выявление неизвестных ранее фактов, связанных с героическим подвигом А. Матросова. Установлено, что А. Матросов совершил подвиг в своем первом и последнем бою при прорыве опорного пункта немецкой линии обороны в 1 км 200 метров восточнее деревни Чернушка (южная) на восточной опушке леса рано утром 25 февраля 1943 г. Доказано, что 2-й батальон 91-й стрелковой бригады дважды освобождал деревню Чернушки: 25 февраля и 26 февраля 1943 г. Установлено, что деревни Чернушка (южная) и Чернушка (северная) с 10 февраля по 27 февраля 1943 г. обороняла немецкая 11-я рота 3-го батальона 113-го охранного полка 285-й охранной дивизии.

Ключевые слова: подвиг Александра Матросова, хроника боев 91-й стрелковой бригады имени Сталина, бои за деревню Чернушки, героизм советских воинов в ходе боев в районе Великих Лук

Airat M. Bagautdinov

THE HEROIC DEED OF ALEXANDER MATROSOV: ANALYSIS OF SOVIET AND GERMAN DOCUMENTS

Abstract

The article examines the circumstances of the feat of Alexander Matrosov in February 1943 in the battle for the village of Chernushki. The Soviet archival documents declassified in 2018 are analyzed, which made it possible to clarify the chronology of the battles of the Soviet troops near the village of Chernushki. These documents from the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation and the National Archives and Documentation Administration of the United States are currently in the public domain at the sites: https://pamyat-naroda.ru; https://wwii.germandocsinrussia.org; https://www.gutenberg-e.org and on a specially created website of the Ministry of Defense of the Russian Federation: https://matrosov.mil.ru.

New sources are now introduced into scientific use. These are captured German documents of the Wehrmacht units, which fought against the 91st Separate Rifle Brigade and the 6th Rifle Corps. An important task solved in this article is to identify previously unknown facts related to the heroic deed of Alexander Matrosov. It is established that Alexander Matrosov accomplished a feat in his first (and last) battle when breaking through the stronghold of the German defense line 1,200 metres east of the village of Chernushki (southern) on the eastern edge of the forest early in the morning on February 25, 1943. It is proved that the 2nd Battalion of the 91st Rifle Brigade liberated the village

Багаутдинов Айрат Маратович, *историк, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета (Уфа), e-mail: airat900@mail.ru*

Airat M. Bagautdinov, *historian, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Political Science, Bashkir State University (Ufa), e-mail: airat900@mail.ru*

© Багаутдинов А.М., 2021

of Chernushki twice: on February 25 and February 26, 1943. It is shown that the village of Chernushki (southern) and Chernushki (northern) were defended from February 10 to February 27, 1943 by the German 11th Company of the 3rd Battalion of the 113th Security Regiment of the 285th Security Division.

Key words: heroic deed of Alexander Matrosov, combat chronicle of the 91st Stalin Infantry Brigade, battles for the village of Chernushki, heroism of Soviet soldiers during the battles in the Velikie Luki region

Героический подвиг знаменитого земляка, Героя Советского Союза Александра Матросова, совершенный им в годы Великой Отечественной войны, широко известен не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Согласно исследованию, проведенному Насыровым Р.З., настоящее имя и фамилия Александра Матросова – Шакирьян Юнусович Мухамедьянов, уроженец деревни Кунакбаево Учалинского района Башкирской АССР.

Факт подвига и героизма А. Матросова зафиксирован во многих советских исторических документах, и он признан всеми и даже не подлежит обсуждению. Но есть ряд вопросов, который связан с датой и местом подвига. Так, в советское время в качестве даты подвига А. Матросова называлось 23 февраля 1943 г., что не подтверждается архивными документами. Из наградного листа известно, что Матросов служил во 2-м батальоне 91-й отдельной стрелковой бригады, и в качестве даты его подвига в документе указано 25 февраля 1943 г. В базе данных ОБД «Мемориал» А. Матросов числится погибшим 27 февраля. В качестве места совершения им подвига была обозначена восточная часть Чернушки, где возведен обелиск.

В настоящее время ряд российских историков и журналистов, взяв за основу дату гибели А. Матросова 27 февраля 1943 г., утверждают, что он совершил свой подвиг в бою за д. Плетень. Такая трактовка является существенным отходом от традиционной и принятой в советской историографии Великой Отечественной войны позиции, что А. Матросов совершил подвиг в бою за деревню Чернушки. Вместе с тем, как нам удалось установить, список безвозвратных потерь, в котором зафиксирована дата гибели А. Матросова – 27 февраля 1943 г., вступает в противоречие со множеством советских и немецких исторических документов, в которых зафиксирована хроника боевых действий 91-й Отдельной стрелковой бригады имени Сталина и 2-го батальона.

Деревня Чернушки в годы ВОВ размещалась в двух частях и поэтому на картах того времени была Чернушка (южная) и Чернушка (северная). В немецких документах и картах Чернушка (южная) отмечается как Чернушка (основная), чтобы отделить ее от Чернушки (северная).

В результате проведенного исследования, установлено, что деревни Чернушки, Глубино, Плетень, Черное были захвачены немецким 89-м полком 12-й пд (далее пд) 23 июля 1941 г. Здесь воевали советские войска – 23-я и 256-я стрелковые дивизии 27-й армии. Они вели оборонительные бои севернее н.п. Касавицы.

В журнале боевых действий немецкой 93-й пд от 1 января 1943 г. в 21.30 часов зафиксировано, что место прорыва 91-й стрелковой бригады и 2-го батальона А. Матросова, а именно – район южнее Пункта 95.1, утром 25 февраля 1943 г. был заранее пристрелян немецкой артиллерией. Немецкое командование в начале января 1943 г. примерно определило место возможного прорыва советских войск на южном фланге 93-й пд.

Из воспоминаний участников боя и подвига А. Матросова известно, что всего немецких деревоземляных огневых точек (дзотов) было три. Это также подтверждается и немецкими документами. Так, приказ 93-й пд № 923/42 от 28 августа 1942 г. фиксирует расположение укрепленной линии обороны – дзотов на зимний период обороны 1942–1943 гг. Предусмотрено два варианта расположения дзотов – «А» и «В». Расстояние между дзотами от 200 до 300 м, каждый дзот окружен проволочным заграждением и подступы заминированы.

Известно, что А. Матросов совершил свой подвиг, закрыв своим телом амбразуру среднего дзота. Чтобы подобраться к дзоту, нужно было разрушить и пройти через ограждение. Из воспоминаний участников боя мы знаем, что Матросов бросил несколько гранат, которые, как выяснилось теперь, разрушили проволочное заграждение и мины у немецкого дзота. Согласно статье, которая была опубликована в 1943 г. в газете «Красноармейская правда», Матросов стреляя в сторону немецкого дзота, «*попал в мину и произошел взрыв*».

Следовательно, А. Матросов уничтожил проволочное заграждение и немецкие мины у дзота

гранатами, а также стрельбой из автомата. Когда он, наконец, оказался у самого дзота, то все боеприпасы им были израсходованы. Тогда он и совершил героический подвиг – бросился на амбразуру вражеского дзота и дал возможность солдатам и офицерам советского 2-го батальона занять немецкие укрепления.

В журнале боевых действий 93-й пд от 8 января 1943 г. удалось найти очень важную информацию: линия обороны немцев и укрепленный район проходит в 1 км и 200 м восточнее Чернушка (южная) [2, с. 486–488]. Один из приказов 93-й пд фиксирует важные моменты: 1) В январе 1943 г. линия немецкой обороны от запада Чернушек до высоты 95.1 обороняет 2-й батальон 270-го полка 93 пд. 2) В д. Черное, около церкви, располагаются немецкая артиллерийская и минометная батареи. Немецкий наблюдатель и корректировщик огня находится на чердаке одного из домов хутора Геллеровские. Корректировщик огня мог быть на своем посту и 25 февраля 1943 г., когда батальон А. Матросова атаковал укрепленный район на поляне юго-западнее высоты 95,1 [2, с. 486–488].

Другой приказ 93-й пд фиксирует передачу линии обороны в районе Чернушки: севернее высоты 95.1 – Тропов Бор немецкой ягдкоманде 218 (ягдкоманда – команда охотников – немецкие мобильные отряды егерей численностью от 100 до 200 человек, вооруженные большим количеством пулеметов и другого стрелкового оружия. Питаясь только сухим пайком неделями не выходили из лесов и днем и ночью охотились на советских партизан, устраивая засады и облавы. Отличались особой жестокостью и, как правило, не брали пленных), которая не являлась структурным подразделением 93-й пд, но в тот момент составляла часть немецкой Оперативной Группы генерала Тимана [2, с. 468–469]. 5 февраля 1943 г. происходит новая перегруппировка немецких подразделений в районе Чернушек. Подступы к Чернушке (южная) и Чернушке (северная) теперь обороняет 113-й охранный полк. [2, с. 400].

На немецкой карте Верховного командования сухопутных сил вермахта от 1 февраля 1943 г. зафиксировано состояние боевых действий на севере Восточного фронта. На ней обозначен опорный пункт обороны 113-го охранного полка, при взятии которого совершил свой подвиг А. Матросов. Данный опорный пункт немцев обозначен также на немецкой карте от 15 января 1943 г. в журнале боевых действий 93-й пд как зона ответственности 270-го полка 93-й пд.

Ушедшему добровольно на войну с Кировского военного комиссариата г. Уфы 26 октября 1942 года А. Матросову 5 февраля 1943 г. исполнилось 19 лет. 12 февраля 1943 г. он прибыл служить в 91-ю отдельную стрелковую бригаду им. Сталина. Матросов был направлен служить стрелком-автоматчиком 2-го отдельного стрелкового батальона. Впереди был первый и единственный бой будущего Героя – 25 февраля 1943 г.

С 11 февраля 1943 г. в зоне ответственности немецкой Группы Тимана в направлении «Чернушка – Прудцы» был окончательно развернут 113-й охранный полк. «*1-й батальон 270-го гренадерского полка передал участок фронта 1-му батальону 113-го полка и сейчас выступает в качестве резерва 93-й дивизии в тылу правого фланга дивизии. Участок "Чернушка – Тропов Бор" закреплен за 113-м охранным полком. Штаб 113-го охранного полка – Осипово Село*» [3, с. 8207997].

На левом крыле 3-го батальона 113-го охранного полка размещалась ягдкоманда 218 из состава 218-й пд. Ягдкоманды в составе пехотных дивизий воевали с советскими партизанами в тылу регулярных немецких воинских частей. Командиром ягдкоманды 218 на конец 1942 г. был гауптман Претцел. Нами установлено, что ранее данное немецкое подразделение носило обозначение «ягдкоманда 207» и входила в состав 8-й танковой дивизии, обеспечивая охрану ее тыла от советских партизан. В октябре 1942 г. «ягдкоманда 207» была преобразована в «ягдкоманду 218» и вошла в состав 218-й пд. Вооружение ягдкоманды – 24 ручных пулемета, 4 станковых пулемета, 6 шестиствольных реактивных минометов, 2 пушки 3,7-сантиметровые и 2 миномета.

На сегодняшний день хорошо известно, что задачей, стоявшей перед советскими войсками в феврале 1943 г., после взятия Великих Лук был захват Локня и уничтожение войск немцев в районе г. Холм. Локня имела значение как транспортный узел и взять его должен был 6-й стрелковый корпус (далее – ск).

В соответствии с первым пунктом боевого распоряжения штаба 6-го корпуса от 24 февраля, подписанным командиром 6-го Сталинского добровольческого стрелкового корпуса сибиряков генерал-майором С.И. Поветкиным (С.И. Поветкин – уроженец Воронежской области, в начале ВОВ возглавлял 47-й стрелковый корпус, 29 июня 1941 г. был тяжело ранен.

После излечения с ноября 1942 г. – командир 6-го стрелкового корпуса. С апреля 1943 г. – генерал-лейтенант) и начальником штаба корпуса полковником Н.В. Ереминым. (Н.В. Еремин – уроженец Свердловской области, в начале ВОВ начальник штаба 41-й стрелковой дивизии. С июня 1942 г. – начальник штаба 6-го стрелкового корпуса. С октября 1944 г. – генерал-майор, командир 4 гвардейской воздушно-десантной дивизии), командирам 54-й, 46-й, 74-й, 91-й ОСБр и 150-й сд ставилась задача: «*с наступлением темноты действия авангардов не прекращать, выполняя ранее поставленную задачу и к рассвету 25.2.43 г. выйти на рубеж р. Локня и р. Чернушка*». Второй пункт гласил: ***«Главные силы соединения к 2.00 25.2.43 сосредоточить в районах: “91 ОСБр – лес 1 км юго-западнее Бол. Ломоватый Бор”».***

По прежнему боевому распоряжению 6-го ск от 21 февраля 1943 г. 91 ОСБр, выступив в 20.00 22.2.43 г., должен был выйти «*в район леса западнее Большого Ломоватого Бора, высота 101,0 где и войти в соприкосновение с противником*».

23 февраля 1943 г. с помощью авиаразведки немцы узнали о предстоящем крупном наступлении советских войск [2, с. 518]. Согласно немецким данным, «*Атака русских началась утром 24 февраля. Противник первоначально прорвался на участок “Тропов Бор – Прудцы – Бор” при поддержке пехоты и легкой артиллерии, но был отбит. Поскольку русские постоянно вводили новые силы, то давление врага заметно усилилось. На Бол. Ломоватый Бор наступала вражеская группа из 200 человек, за которой следовали другие группы на марше на запад. В утренние часы противник прорвался на участке “Дощеры – Заход” между равномерно представленными двумя отдельными опорными пунктами*» [1, с. 1073].

Согласно журналу боевых действий немецкой 93-й пд, советские войска наступали 24 февраля широким фронтом на участке «Геллеровские – Игнатово». С северо-западного направления Большого Ломоватого Бора с утра немцами были замечены несколько советских групп, которые готовились идти на запад. Немецкие разведчики сумели уклониться от окружения. С 11.30 часов начался советский мощный артиллерийский обстрел района деревни Черное [1, с. 1073]. С 14 часов начинается наступление советских войск в направлении «Тропов Бор – Прудцы». В 21.50 часов штаб немецкой 93-й пд получает радиосообщение от ягдкоманды 218 (сосед по левому флангу), переданное через 270-й полк: «*Советская дивизия, напротив, по сведениям пленных, составляет 10 000 человек*». Речь шла о советской 150-й сд. Таким образом, фактически наступление 91 ОСБР началось 24 февраля и 2-й батальон А. Матросова наступал через район Самушенки на Большой Ломоватый Бор.

Согласно боевому приказу советского штаба 6-го корпуса № 19 от 25 февраля 3 часа 25 минут, «91 ОСБр наступать в прежней полосе. Атаковать на фронте ЧЕРНУШКА, ГЕЛЛЕРОВСКИЕ. *К исходу дня выйти на рубеж ВЕРЕГИНО, МАКСИМИХА и ПЕРЕВОЗ. Поставленную задачу выполнять двумя стрелковыми батальонами и до двух рот батальона автоматчиков. 4 ОСБ с одной ротой автоматчиков иметь в резерве бригады в районе ЧУЛИНИНО, ГРИХНЕВО».*

Согласно оперативной сводке № 206, в 4.00 25 февраля «*Части корпуса продолжали выполнять поставленную задачу и к 23.00 занимает положение: 150-я сд – главные силы 2.00 25.2.43 г. отм. 95,1. 91 ОСБр своим авангардом достигла рубежа ЛЮБОМИРОВСКИЕ, отм. 93,6. Противник, оборонявший ЛЮБОМИРОВО, поспешно отошел в направлении ЧЕРНОГО. Главные силы в пути движения в районе лес юго-западнее 1 км БОЛ. ЛОМОВАТОГО БОРА*».

Оперативная сводка штаба 6-го корпуса № 208: «*Части 6 СК, преодолевая сопротивление противника, продолжали выполнять поставленную задачу и 23.00 25.02.43 г. вышли на рубежи: 150-я сд – 1 б-н. 856 сп на рубеже 95,1, что севернее Глубино, Малыгин Бор. Резерв в р-не высоты 95, 1. 91 ОСБР в результате боя вышел на рубеж: 3 ОСБ – х. ГИЛЛЕРОВСКИЙ, отм. 98,2; 1 и 2 ОСБ восточнее ЧЕРНУШКИ, ЧЕРНОГО*».

Согласно журналу боевых действий 6-го корпуса, 25 февраля «*авангардный 3 ОСБ 91 ОСБР развернут на фронте Черное (южное), Геллеровские. 2-я ОСБ – на опушке леса севернее Любомировские. 4 ОСБ – за 2 ОСБ. 1 ОСБ – западная опушка леса восточнее отм. 93, 6, левее его – автоматный батальон*».

Согласно воспоминаниям военного фельдшера 4-го батальона 91-й ОСБр Г.М. Судновой от 19 мая 1978 г., «*22 февраля наша часть получила приказ взять деревню Чернушка. Бой за нее начался утром 23 февраля 1943. В избушке лесника соорудили лазарет, а после обеда я поползла в сторону боя. На другом конце деревни на высотке находился немецкий дзот, из которого стреляли из пулемета и миноме-*

та. Я увидела, как один из бойцов в полушубке ползет зигзагами и вскоре встал, побежал в сторону дзота. Пулемет замолчал и все встали в атаку и подбежали к дзоту – на амбразуре лежал простреленный пулеметом Саша Матросов без шапки. Его похоронили на опушке леса. После этого батальон пошел дальше вперед». В эти воспоминания закралась ошибка, поскольку, согласно и советским и немецким документам, впервые бои за деревню Чернушка начались утром 25 февраля.

В немецких документах события отражены следующим образом: «*Ночью 25 февраля противник атаковал несколькими волнами, потеряв на участке Любомировские около 150 человек, атаку отразили прямой наводкой с применением артиллерии.* ***Примерно в 2 км к северо-востоку от Черное вражеские силы прорвались через собственные линии обороны численностью 200–300 человек и проникли в лес на 1 км к северо-западу от Черное***» [2, с. 518].

В журнале боевых действий 93-й пд отмечено: «***Ночной противник в районе Чернушка численностью около 150 человек сумел пройти через передний край.*** *Успешная атака собственной штурмовой роты против Любомировского. При слабых собственных потерях (2 убитых) советские войска понесли потери в количестве 15 убитых, также нами захвачены трофеи*» [1, с. 1075].

В течение ночи с 24 на 25 февраля советские войска провели три мощные атаки на линии «Любомировские – Осипово Село». Согласно немецким данным, «*В каждой атаке принимали участие около 200–300 человек при мощной поддержке артиллерии. Атаки были отбиты 2-м батальоном 270-го полка 93-й пд. Временами наша артиллерия била прямой наводкой, что нанесло войскам противника большие потери. Наши потери малые*» [1, с. 1077].

«*Против просочившихся советских частей севернее Черное проведена успешная операция. Противник оказался в ловушке и сосредоточился на небольшой территории. У противника пока 40 убитых, в том числе 1 офицер. Есть несколько пленных. Всего за день на фронте 270-го полка – 14 пленных. Оборона на общей линии "Глубино – Касавицы" и на севере в районе Осипово Село также удерживается*» [1, с. 1077].

К концу дня 25 февраля немцы практически ликвидировали авангард 2-го батальона А. Матросова в количестве 80 человек, которые сумели прорваться через линию фронта севернее д. Черная и южнее д. Чернушка (южная): «*В результате противник понес крупные потери 25 февраля (только у сел "Рожново-Осипово Село" около 1000–1500 человек) на участке восточнее Черного и на участке юго-запада Глубино, где на противника обрушиваются объединенные удары огнем из всех видов оружия.* ***Севернее Черное, где просочился противник на небольшой территории, около 70 человек было убито, захвачено 8 пленных, остальные ушли на восток*** [2, с. 518].

«***Прорвавшиеся на запад д. Чернушка (основная) советские части (около 100 человек) были окружены. В результате боя 80 человек было убито. Около 15–20 человек отступили на восток Чернушка. 8 человек захвачено в плен***» [1, с. 1079].

По немецким данным, потери советских войск за 25 февраля на участке фронта «Игнатово – Любомировские» составили: «***215 взято в плен, 1660 подтвержденных убитых, от действий люфтваффе и немецких войск. Трофеи: 25 пушек, 43 противотанковых ружей, 158 пулеметов, 422 автомата, 23 миномета, 7 аэросаней, 1404 лыж. Температура воздуха плюс 3 градуса***» [4, с. 137].

Нами установлено, что деревни Чернушка (южная) и Чернушка (северная) с 10 февраля по 27 февраля обороняла немецкая 11-я рота 3-го батальона 113-го охранного полка 285-й охранной дивизии, которая воевала в составе Группы Тимана под руководством и в оперативном подчинении 93-й пд. Командиром 3-го батальона был майор Теодор Ванке. Командиром 11-й роты был гауптман Роберт Стратман. В составе 11-й роты было два взвода. Командиром первого взвода был оберлейтенант Макс Доринг, а второго взвода – лейтенант Макс Рабл [5, с. 77]. Именно солдаты одного из этих двух взводов находились в дзотах у деревни Чернушка и противостояли 2-му батальону Матросова.

113-й охранный полк создавался в 1939 г. как полк особого назначения, воевал на западном фронте. С апреля 1941 г. полк в составе 285-й охранной дивизии. С 1 августа 1941 г. – на Восточном фронте. С 1 июня 1942 г. полк особого назначения переименован в 113-й охранный полк и фактически использовался как резерв на угрожающих участках восточного фронта группы армии «Север». Личный состав 113-го охранного полка состоял из опытных бойцов старшего возраста. 3-й батальон 113-го охранного полка был ликвидирован в декабре 1944 г. в Бельгии.

3-й батальон 113-го охранного полка оборонял район Чернушек до 27 февраля и затем передислоцировался севернее – в район д. Касавицы. 27 февраля и в последующие дни в районе Чернушек воевали роты 2-го батальона 270-го полка 93-й пд совместно с батальоном быстрого реагирования Фришкнехта. Район Чернушка (южная) и южнее обороняла немецкая кампфгруппа охранного подразделения Херманна из состава 93 пд. С 28 февраля 270-й полк 93-й пд также получил поддержку в виде прибывавших на фронт частей 123-й пд, которые размещались на линии обороны второго эшелона западнее деревни Плетень.

Согласно журналу боевых действий 6-го корпуса, «*6 СК развивая с утра 26.2.43 г. успешно начатое наступление и к полудню вышел 46,74, 91 ОСБр и 150 СД на основной рубеж обороны противника р. Локня, р. Чернушка»*.

«91 ОСБр – частью сил 2 батальона вышла в р-н д. ПЛЕТЕНЬ (северные), имея задачей ударом во фланг уничтожить противника, обороняющего д. ЧЕРНУШКА и ЧЕРНАЯ, и овладеть ими. С фронта на ЧЕРНУШКА (северная и южная) наступает 4 ОСБ. 3 ОСБ атакует на ЧЕРНОЕ (южное), БРУТОВО. 1 ОСБ в районе отм. 93,6, имея задачей развивать успех батальонов первой линии. Батальон автоматчиков – в лесу южнее отм. 93.6. обеспечивает фланг бригады». «150 СД. 674 сп – овладел ГЛУБИНО (западная) и вышел на восточный берег р. ЛОКНЯ, левый фланг полка встретил сильное огневое сопротивление с направления ЧЕРНУШКА, ПЛЕТЕНЬ (северная)».

Согласно журналу боевых действий Калининского фронта, 26 февраля «*91-я сбр, встретив упорное сопротивление противника на рубеже "Черное–Брутово", овладела дд. Плетень, Чернушка, Черное, продолжает бой за опорный пункт Чулнино, Грехнево*».

26 февраля к немецкой Группе Тимана присоединились и вместе с ней противостояли советским войскам: охранный батальон 865 (1-я и 3-я роты), 2-я рота 657-го саперного батальона, 3-я рота 21-го саперного батальона из 21-й полевой дивизии люфтваффе, 281-я охранная дивизия [4, с. 139].

Согласно журналу боевых действий немецкой 93-й пд, создан «*оборонительный рубеж на линии "северный край Черное – восточный край Шерово – Касавицы". На северном фронте обороны на линии "Касавицы – юг Козлова" есть 6 км незакрытой территории обороны из-за нехватки сил*» [1, с. 1081]. Потери советских войск на этом участке фронта с 24 февраля по 9 марта, по немецким данным, составили 4 500 человек [2, с. 290].

Согласно журналу боевых действий 6-го корпуса, «*27 февраля 91-й ОСБр – силами 4-й ОСБ в 13.00 овладела ЧЕРНУШКА и высотой с отм. 85,4. 2-й ОСБ обороняется в лесу, что западнее ЧЕРНУШКА фронтом на ПЛЕТЕНЬ (южное и северное). Немецкая бомбардировочная авиация группами в 16-17 самолетов в течение дня действовала по боевым порядкам и путям подвоза в основном 74-й ОСБр и 150-й СД*».

150-я сд (правый сосед 91-й ОСБр) находилась в д. Глубино и на линии «к Глубино» – высота 95,1 и севернее. Порядки данной дивизии бомбила немецкая авиация. Расстояние от Глубино до Чернушка южная (высота 85,4) – 2 км. Согласно воспоминаниям участников боев, в день подвига А. Матросова немецкая авиация не бомбила советские части. В районе Чернушек немецкая авиация появляется впервые 27 февраля.

27 февраля в помощь 93-й пд прибыли части 12-й и 123-й пд, которые высвободились, ускользнув из Демьянского котла. Приказ на отступление из Демьянска немецкие подразделения получили 1 февраля 1943 г. после окружения и разгрома советскими войсками немецкой 6-й армии под Сталинградом. К сожалению, советским войскам не удалось провести такую же успешную операцию под Демьянском и Старой Руссой.

27 февраля немецкие бомбардировщики провели бомбардировки юго-восточной части Глубино. При этом немецкие истребители сбили несколько советских самолетов [4, с. 143]. К 20 часам 27 февраля 150-я сд овладела д. Плетень (южная) и юго-востоком д. Царево.

Согласно журналу боевых действий 6-го корпуса, «28 февраля *2 ОСБ – обороняет северную и западную опушку леса, что восточнее ЧЕРНУШКИ (северная). 4 ОСБ – обороняет ЧЕРНУШКА (западный берег р. ЧЕРНУШКА, отм. 95,1»*. 1 марта *2 ОСБ со средствами усиления наступает в направлении ПЛЕТЕНЬ, лес, что западнее (д.) ПЛЕТЕНЬ. 4 ОСБ наступает лес западнее ЧЕРНУШКИ, на ЛЯХНОВО, ЖАРОВНИЦЫ*».

К исходу дня 28 февраля советское наступление под Локней было остановлено. Локня была освобождена только через год – 26 февраля 1944 г.

В немецком сообщении от 1 марта 1943 г. отмечено: «*Размещение укреплений противника*

юго-восточнее Чернушки» [4, с. 185]. 1 марта советские войска предприняли несколько атак на Осипово Село. В этот день в своем командном пункте у кладбища села Осипово Село от огня советской артиллерии умер командир немецкого 113-го охранного полка полковник Вильгельм Краут (родился 15.03.1879 г. в городе Гильдесгейм в Нижней Саксонии. Кадровый военный – в июле 1921 г. – майор рейхсвера, в августе 1940 . – подполковник вермахта, с апреля 1942 г. – полковник. Возглавлял 113-й охранный полк с 14 ноября 1939 г. по 1 марта 1943 г. За большие заслуги в борьбе с советскими войсками на Восточном фронте, в марте 1943 г. посмертно было присвоено звание генерал-майора).

С 1 марта немецкая Группа Тимана была реорганизована во 2-й армейский корпус, который объединил 12-ю, 123-ю и 93-ю пехотные дивизии.

Согласно документам немецкой 16-й армии за июнь 1943 г., линия фронта проходила в районе Чернушек следующим образом. Линия советского переднего края с проволочными заграждениями проходила восточнее деревни Чернушка (южная) у самой кромки и опушки леса. Южнее советские позиции проходили западнее хуторов Любомировские. Севернее – передний край проходил южнее Глубино и «разрезал» пополам деревню Шипово, и далее следовал на запад и север. Немецкий передний край фронта проходил восточнее деревни Черное и далее следовал на север до южной части д. Плетень (южная) и далее через север Царево и запад Сохино на север.

Таким образом, между советским передним краем и немецким передним краем фронта находилась нейтральная территория шириной от 1 до 3 км. Все упомянутые деревни были уничтожены артиллерийским и минометным огнем, а также от действий самолетов люфтваффе, поэтому речь идет о тех местах, где они находились. На немецких картах рядом с названиями деревень в скобках отмечено – «уничтожен». Установившаяся в марте 1943 г. оборонительная немецкая линия фронта стала именоваться в немецких документах «Panter-stellung» («Линия обороны «Пантера»).

Из воспоминаний участников боя, в частности сослуживца и друга, земляка из Уфы А.В. Воробьева, известно, что А. Матросов был похоронен в тот же день возле дзота на опушке леса. В донесении начальника политотдела 10-й гвардейской армии гвардии полковника Овчинникова о проведении проверки состояния и оборудования могилы Матросова в сентябре 1944 г. и мерах, предпринятых для установления точного места его погребения, отмечается, *что «место погребения А. Матросова было установлено с участием младшего лейтенанта Воробьева А.В. – участника боя 23 февраля 1943 г., лично знавшего Александра Матросова и присутствовавшего при его похоронах. Могила Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матросова находится на восточной опушке леса от д. ЧЕРНУШКА в 75 метрах западнее дороги, идущей из ЧУЛИНИНО на д. ТРОПОВ БОР, в 200 метрах юго-западнее хутора БЫСТРОВА. Дзот, у которого погиб Александр Матросов, находится на юго-западной опушке леса в 500 метрах от восточной окраины д. ЧЕРНУШКА*».

Таким образом, данный документ, на основании показаний участника похорон А. Матросова, окончательно устанавливает место первого погребения А. Матросова на восточной опушке леса от д. Чернушка (южная). На наш взгляд, в данном документе две нестыковки и две ошибки, которые были сделаны по идеологическим или иным соображениям. Во-первых, дата подвига А. Матросова указана 23 февраля. Сегодня мы знаем, что это не так. Подвиг был совершен в другой день. Согласно наградному листу – 25 февраля, согласно списку безвозвратных потерь – 27 февраля 1943 г.

Во-вторых, указано, что дзот, у которого погиб А. Матросов находится на западной опушке леса в 500 метрах от д. Чернушка. На наш взгляд, это сделано для того, чтобы приблизить место подвига Матросова к д. Чернушка. Место же первоначального захоронения А. Матросова находится на восточной опушке леса. Расстояние между дзотом и могилой, таким образом, примерно 500 метров. Сложно представить, что в условиях войны будут через заболоченный лес нести погибшего товарища вместо того, чтобы поступить намного проще – похоронить его здесь же на опушке леса.

На фотографиях фотокорреспондента газеты «Комсомольская правда» от сентября 1944 г. хорошо видно, что за могилой А. Матросова располагался дзот, амбразуру которого закрыл собой А. Матросов. Следовательно, немецкий дзот находился на восточной опушке леса от д. Чернушка (южная) и А. Матросов был похоронен здесь же на опушке леса, рядом с дзотом. И бой, во время которого был совершен героический подвиг, произошел на восточной опушке леса. Если посмотреть довоенные советские карты, то мы

увидим эту изгородь, которая находится на восточной опушке леса д. Чернушка (южная), где героически погиб А. Матросов. Данный факт подтверждается также статьей журналиста В. Викторова «Деревня Чернушки», опубликованной в журнале «Смена» (№ 14 за июль 1944 г.). В журнале также напечатана фотография, на которой в феврале 1944 г. была запечатлена первая могила Героя Советского Союза А. Матросова.

Доступные сегодня архивные документы немецкого вермахта подтверждают данные обстоятельства. Так, на оперативной карте 93-й пд за 25 февраля отчетливо видны расположения немецких опорных пунктов. Очень важно, что расположение двух немецких опорных пунктов обороны южнее высоты 95,1 и на советской военной карте 6-го стрелкового корпуса, и на немецкой карте 93-й пд совпадают. На советской карте отмечена линия немецкого переднего края. Данная карта подтверждает местонахождение немецкой укрепленной линии обороны немцев восточнее деревни Чернушка (южная) в 1 км 200 м. Долговременных укреплений и линий немецкой обороны непосредственно у самой деревни Чернушки нет [6, с. 1224]. Согласно советским и немецким картам, на месте первой могилы Матросова проходила линия фронта 23–26 февраля 1943 г.

Согласно немецким данным, прорыв немецкой линии обороны у Чернушка (южная) советскими войсками произошел в ночное время – в ночь с 24 на 25 февраля в 2 км к северо-востоку от села Черное. Необходимо иметь в виду разницу во времени. Так, согласно советским документам, бой за Чернушка (южная) начался утром. Раннее утро – это 6 часов по московскому времени, а немецкие войска воевали и вели журнал боевых действий по берлинскому времени. 25 февраля 1943 г. в Германии и в немецких частях на Восточном фронте действовало зимнее берлинское время, которое отставало от московского времени на 2 часа. Следовательно, 6 утра – это 4 часа по берлинскому времени, что можно трактовать как ночное время.

Согласно советской военной карте 1939 г., расстояние от села Черное до высоты 95,1 – 4 км. Указанное в журнале боевых действий немецкой 93-й пд место – 2 км северо-восточнее Черное – полностью совпадает с данными немецких укрепленных опорных пунктов обороны немцев, которые обозначены на карте 93-й пд от 15 января 1943 г.

В результате проведенного исследования установлено:

1. Дата подвига Александра Матросова – утро 25 февраля 1943 г. 2-й стрелковый батальон 91-ой отдельной стрелковой бригады прорвал немецкую линию обороны у Чернушек рано утром в 6–7 часов 25 февраля по московскому времени (ночью 25 февраля в 4–5 часов – по берлинскому времени) в 2 км к северо-востоку от села Черное. Место прорыва совпадает с месторасположением немецких укрепленных пунктов обороны южнее высоты 95,1.

2. Александр Матросов уничтожил проволочное заграждение и немецкие мины у дзота гранатами, а также стрельбой из автомата. Когда он, наконец, оказался у самого дзота, то все боеприпасы им были израсходованы. Тогда Матросов совершил героический подвиг – бросился на амбразуру вражеского дзота и дал возможность солдатам и офицерам советского 2-го батальона занять немецкие укрепления.

3. После подвига А. Матросова 2-й стрелковый батальон проник в лес на 1 км к северо-западу от Черное и на западе д. Чернушка (южная). Части 2-го батальона (около 100 человек) были окружены немцами. В результате боя 80 советских солдат было убито. Около 15–20 человек отступили на восток Чернушка (южная). 8 человек попали в немецкий плен.

4. Деревни Чернушка (южная) и Чернушка (северная) с 10 февраля по 27 февраля 1943 г. обороняла немецкая 11-я рота 3-го батальона 113-го охранного полка 285-й охранной дивизии, которая воевала совместно с 93-й пехотной дивизии в составе немецкой Группы генерала Тимана. Командир 3-го батальона – майор Теодор Ванке, командир 11-й роты – гауптман Роберт Стратман, командир первого взвода – оберлейтенант Макс Доринг, командир второго взвода – лейтенант Макс Рабл. Солдаты одного из этих двух взводов находились в дзотах у деревни Чернушка и противостояли 2-му батальону, в котором воевал А. Матросов.

5. Место совершения подвига А. Матросовым удалось установить на основании журнала боевых действий и оперативной карты немецкой 93-й пд – 1 км 200 метров восточнее деревни Чернушка (южная) на восточной опушке леса. Оно совпадает с расположением южного укрепленного пункта обороны немцев.

6. Советская комиссия по установлению местонахождения могилы Героя Советского Союза А. Матросова в 1944 г. установила точное место

первоначального захоронения героя. При сравнении карты – схемы Комиссии с немецкой картой 93-й пд место могилы А. Матросова совпадает с южным пунктом обороны немцев, где располагались три немецких дзота.

7. Согласно советской карте 6-го ск и картам немецких 93-й пд и 16-й армии, на месте первой могилы А. Матросова проходила немецкая линия фронта 23–26 февраля 1943 г.

8. Деревня Чернушки с 26 февраля 1943 г. до 24 февраля 1944 г. оставалась на нейтральной территории, между советским и немецким передним краем фронта. С 27 февраля по 1 марта 1943 г. западный район д. Чернушка (северная) и д. Чернушка (южная) оборонял 2-й батальон 270-го полка 93-й пд.

ИСТОЧНИКИ

1. Национальный архив и управление документации США. Микрофильм Т-315. Ролл 1166.
2. Национальный архив и управление документации США. Микрофильм Т-315. Ролл 1167.
3. Национальный архив и управление документации США. Микрофильм Т-312. Ролл 588.
4. Национальный архив и управление документации США. Микрофильм Т-314. Ролл 138.
5. Национальный архив и управление документации США. Микрофильм Т-315, Ролл 1881
6. Центральный архив Министерства обороны РФ. Фонд 213. Опись 2002. Дело 1224.
7. Сайт https://matrosov.mil.ru.

REFERENCES

1. *US National Archives and Records Administration.* Microcopy T-315. Roll 1166.
2. *US National Archives and Records Administration.* Microcopy T-315. Roll 1167.
3. *US National Archives and Records Administration.* Microcopy T-312. Roll 588.
4. *US National Archives and Records Administration.* Microcopy T-314. Roll 138.
5. *US National Archives and Records Administration*. Microcopy T-315. Roll 1881.
6. *Central Archives of the Ministry of Defense*. Fond 213, opis 2002, delo 1224.
7. Website: https://matrosov.mil.ru

DOI 10.24412/2223-0564-2021-3-23-28
УДК 325.36

В.А. Гайкин

МИНСЕНДАН И РЕПРЕССИИ КОМПАРТИИ КИТАЯ ПРОТИВ КОРЕЙСКИХ КОММУНИСТОВ В МАНЬЧЖУРИИ 1932–1936 гг. (К 90-ЛЕТИЮ ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ В МАНЬЧЖУРИИ В 1931 г.)

Аннотация

Дата начала Второй мировой войны на Дальнем Востоке до сих остаётся дискуссионной. Китайские историки настаивают, что война началась в 1937 г. с агрессии Японии в Китае. В Японии период 1931–1945 гг. называют военным пятнадцатилетием. После агрессии Японии в Северо-Восточном Китае оккупационные власти в 1932 г. создали в Восточной Маньчжурии из корейских землевладельцев, купцов, богатых крестьян антикоммунистическую организацию Минсендан (Корейский корпус) в качестве противовеса многочисленным ячейкам Компартии Китая, состоявших в основном из корейских иммигрантов. Прояпонский Минсендан заявлял о себе, как о представителе маньчжурских корейцев, одновременно являясь шпионской группировкой, направленной на разложение антияпонского, коммунистического движения в районах, населённых корейскими переселенцами.

Маньчжурский провинциальный комитет КПК перевёл борьбу против Минсендана на рельсы тотальной войны против корейцев-членов КПК, и партизан. Были расстреляны десятки корейцев, изгнан и присоединился к националистам секретарь Восточно-Маньчжурского комитета КПК Ли Сан Мук. Оценка числа «вычищенных» корейцев в процессе борьбы с Минсенданом колеблется от нескольких сотен до нескольких тысяч. Страх

Гайкин Виктор Алексеевич, *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (Владивосток), e-mail: Unara49@mail.ru*

Viktor A. Gaikin, *Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Vladivostok), e-mail: Unara49@mail.ru*

© Гайкин В.А. , 2021

за свою жизнь заставил более 2000 чел. (из которых 1953 корейца) перебежать на сторону японцев между сентябрем 1934 и мартом 1936 года. К маю 1935 г. количество корейцев в организациях КПК и партизанских отрядах значительно сократилось, как на уровне руководства, так и среди рядовых бойцов.

Ключевые слова: Минсендан, корейские коммунисты, Маньчжурия, партизаны, японская агрессия

Viktor A. Gaikin

MINGSENDANG AND THE REPRESSIONS OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA AGAINST THE KOREAN COMMUNISTS IN MANCHURIA, 1932–1936 (ON THE 90TH ANNIVERSARY OF JAPANESE AGGRESSION IN MANCHURIA IN 1931)

Abstract

The date of the beginning of World War II in the Far East is still debatable. Chinese historians insist that World War II began in 1937 with Japan's aggression in China. In Japan, the period of 1931 to 1945 is called the wartime decade and a half. After the Japanese aggression in Northeast China, the occupation authorities in 1932 created the anti-communist organization Mingsendang (Korean Corps) in eastern Manchuria from Korean landowners, merchants, and wealthy peasants as a counterbalance to the numerous cells of the Chinese Communist Party (CCP), which consisted mainly of Korean immigrants. The pro-Japanese Minsandang declared itself as a representative of the Manchu Koreans, at the same time being an espionage group aimed at disintegrating the anti-Japanese, communist movement in areas inhabited by Korean settlers.

The Manchu Provincial Committee of the CCP has put the fight against Mingsendang on the lines of an all-out war against Koreans (members of the CCP) and guerrillas. Dozens of Koreans were shot; the secretary of the East Manchu Committee of the CCP Li Sang Muk was expelled and joined the nationalists. Estimates of the number of «purged» Koreans in the fight against Mingsendang range from a few hundred to several thousand. Fear for their lives made more than 2,000 people (of whom 1,953 were Koreans) to go over to the Japanese side between September 1934 and March 1936. By May 1935, the number of Koreans in the CCP organizations and guerrilla groups had dropped significantly both at the leadership level and among the rank and file fighters.

Key words: Mingsendang, Korean communists, Manchuria, guerillas, Japanese aggression

Введение

Более 300 лет назад первые группы обнищавших корейских крестьян перешли корейско-китайскую границу и поселились на пустующих плодородных землях в долинах пограничных рек Тумыньцзян и Ялуцзян. Главным фактором резкого увеличения численности корейцев, покидавших родину в период 1905–1945 гг., стал колониальный гнет Японии. Если в 1907 г. численность корейской диаспоры Северо-Восточного Китая составляла около 100 тыс. человек [4, с. 326], то к 1945 г. она увеличилась до 1,5 млн. человек. Территория основного проживания корейцев в Маньчжурии, прилегающая к реке Туманган, получила название Цзяньдао.

Конец 20-х гг. XX в. характерен отходом корейских крестьян в Восточной Маньчжурии от военно-политических организаций националистов и перехода их под знамёна корейских коммунистов. Коммунисты не отделяли задач национального освобождения от решения социальных проблем. Выставив конкретную программу аграрной революции в условиях ухудшения положения крестьян, вызванного последствиями экономического кризиса 1929–1933 гг., коммунисты завоевывали симпатии корейского населения, на 65% состоящего из арендаторов и полуарендаторов.

В 1932–1933 гг. в уездах Яньцзи, Ванцин, Хэлун, Хунчунь Маньчжурский комитет компартии Китая (МПК) создал пять советских районов, которые управлялись районными советами. Население советских районов, по японским данным, составляло 4400 человек [1, с. 249].

25 января 1933 г. Восточно-Маньчжурский особый комитет компартии Китая принял «программу создания советских районов» [1, с. 250]. Предлагалось конфисковывать землю и имущество землевладельцев, распределять изъятое среди бедных крестьян, укреплять союз бедняков и середняков.

Создание Минсендана

Радикальные реформы (конфискация земли

и пр.), проводимые в советских районах Цзяньдао, привели к тому, что часть землевладельцев (около 1000 чел.) [6, с. 201], активно сотрудничавших с японцами, объединились 15 февраля 1932 г. в организацию «Минсендан» (Корейский корпус) [7, с. 162]. Минсендан получил поддержку от Министерства иностранных дел Японии, японских консульств в Маньчжурии и генерал-губернаторства Корея. 15 февраля 1932 г. на первом заседании руководства организации были декларированы основные цели Минсендана: получение права представлять корейскую диаспору в создаваемом государстве (Маньчжоу-го); создание автономной корейской области (на территории Цзяньдао); поощрение экономического развития: создание хозяйств крестьян-собственнников, организация союзов фермеров, развитие кредитно-финансовых организаций, улучшение жизни корейцев в Маньчжурии.

В официальном бюллетене Восточно-Маньчжурского комитета КПК за май 1933 г. была помещена большая статья о Минсендане, в которой он характеризовался как прояпонская организация корейских землевладельцев, богатых крестьян, ростовщиков и купцов, которые под покровительством государственных органов Маньчжоу-го и Японских колониальных учреждений вели борьбу с коммунистической революцией. В Минсендан входили корейские националисты и религиозные деятели, занимавшие в его структурах руководящие должности. По мнению Восточно-Маньчжурского комитета КПК, Минсендан был угрозой для коммунистических партизан в Цзяньдао, заражая средних и бедных корейских крестьян идеей самоуправления корейской диаспоры в Китае [6, с. 223].

Китайские коммунисты подозревали лазутчиков, проникших в ряды компартии Китая (КПК), в шпионаже в пользу японцев, пропаганде корейского самоуправления в Цзяньдао. Пропаганда Минсендана была рассчитана на корейских крестьян, надеявшихся на гарантии стабильной работы на земле и возможность арендаторов стать собственниками участка земли. Эти желания формировали их политическое поведение (и возможные симпатии к обещавшим золотые горы японцам), что естественно беспокоило китайцев-членов КПК.

Маньчжурский провинциальный комитет компартии Китая пытался разорвать связи корейцев с японскими колониальными органами. В феврале 1932 г. Маньчжурский комитет Компартии Китая предложил самоопределение корейской диаспоры в качестве альтернативы национальному самоуправлению, которого добивались корейцы, участвовавшие в движении Минсендан. МПК декларировал: «Как может Минсендан обеспечить свободу и жилье людям, обещая самооборону, автономию и независимость? … только китайская революция и политика КПК по самоопределению национальных меньшинств обеспечит свободу и равенство всем корейцам в Маньчжурии» [6, с. 212]. В своём обращении к корейским массам в декабре 1933 г. Восточно-Маньчжурский комитет критиковал корейских коммунистов за фракционность и поддержку идеи корейского самоуправления [6, с. 212].

По мнению Хюн Ок Парк, «Вплоть до закрытия своих офисов в июле 1932 г. (по другим данным, в октябре – В.Г.), основная работа Минсендана заключалась в обеспечении политической и психологической поддержки японской агрессии в Маньчжурии» [6, с. 203]. Однако, по мнению японских авторов, а также данным полицейских отчётов, синхронных событиям, члены этой группировки, занимались конкретной подрывной деятельностью, сотрудничая с японской полицией, в целях шпионажа внедрялись в партизанские отряды. Даже после официального роспуска Общества в октябре 1932 г., теперь уже призрак Минсендана сеял деструкцию и хаос в коммунистических организациях Цзяньдао.

Компартия Китая против Минсендана

В соответствии с указаниями Маньчжурского провинциального комитета КПК (МПК), Восточно-Маньчжурский комитет КПК в ведении которого были четыре уезда в Цзяньдао и два в Дунбяньдао (Аньту и Тунхуа), активно работал по выявлению «проникших в партию членов Минсендана» с октября 1932 г. по февраль 1936 г. Маньчжурский провинциальный комитет КПК перевёл борьбу против Минсендана на рельсы тотальной войны против корейцев-членов партии и корейских бойцов и командиров партизанских отрядов КПК. В конце 1933 г. представитель МПК объявил, что более половины членов Минсендана были фракционерами, проникшими в организации КПК в Восточной Маньчжуриии для ведения контрреволюционной работы [6, с. 223]. Поскольку китайское руководство Маньчжурского провинциального комитета КПК предполагало инфильтрацию членов Минсендана во все структуры КПК в Цзяньдао, комитет рассматривал едва ли не всех членов партии в Цзяньдао как шпионов Минсендана.

Ревизор, посланный в 1934 г. Маньчжурским провинциальным комитетом в Восточно-Маньчжурский специальный комитет, совершенно безосновательно, видимо следуя линии Маньчжурского провинциального комитета КПК, докладывал: «Минсендан использовал нашу [КПК] организацию чтобы на её базе развернуть свою собственную организацию, он использует наши системы связи, чтобы на их основе создать свою систему связи и информации, посредством своей системы патрулирования купирует борьбу против Минсендана. Поэтому наш (Восточно-Маньчжурский) комитет уже превратился в их комитет. Наши уездные комитеты, райкомы и отделения на местах стали их уездными комитетами, райкомами и отделениями, соответственно. Члены Минсендана в Восточной Маньчжурии (Цзяньдао) составляют по меньшей мере 50 – 60% членов партийных организаций КПК, народно-революционной армии и различных массовых организаций [6, с. 223]. В конце 1934 г. представитель Маньчжурского провинциального комитета заявил, что партизанские базы КПК продолжают выступать в качестве территорий инфильтрации агентов Минсендана даже после года успешной борьбы с Минсенданом. По его оценке, около 70% членов партии и ее массовых организаций были связаны с Минсенданом. В молодёжном коммунистическом движении таковых было около 50% [6, с. 224].

1 июля 1934 г. Восточно-Маньчжурский особый комитет КПК, видя решение проблемы в отстранении корейцев от руководящей работы, опубликовал в первом выпуске «Известий народа Северо-Востока» следующее указание: «В прошлом партия (в Маньчжурии) состояла в основном из корейских крестьян. Впредь следует принимать в партию главным образом рабочих и китайцев… При подборе руководящих кадров партии необходимо 70% выдвигать из рабочих и 30% из крестьян и интеллигентов. Массовые организации должны состоять на 30% из рабочих» [2, с. 464]. Учитывая, что рабочих-корейцев членов партии насчитывалось мало, это означало призыв к китаизации компартии и её руководства в Маньчжурии.

В «программе обследования экономического положения и деятельности партии в производственной сфере», составленной Маньчжурским комитетом КПК, говорилось: «В прошлом среди корейцев-членов партии было много колеблющихся, фракционеров. Постепенно их вычистили или расстреляли. В последнее время среди членов партии – корейцев появилось много агентов японо-маньчжурских спецслужб. Нужно проводить чистку корейских коммунистов» [3, с. 59].

Репрессии КПК против корейских коммунистов и партизан

Проверкам, репрессиям и судебным преследованиям подвергались как руководящие работники-корейцы, так и рядовые коммунисты ячеек Восточно-Маньчжурского комитета, командиры партизанских соединений, едва ли не все корейцы, участвовавшие в антияпонском, коммунистическом движениях их родственники, и даже дети на партизанских базах.

Были расстреляны десятки корейцев, среди которых лидер бывшей «марксистско-ленинской группировки» Хан чин. Изгнан и присоединился к националистам секретарь Восточно-Маньчжурского комитета КПК Ли Сан Мук. Бежал и сдался японцам заподозренный в предательстве командир второй армии Чу Чин. Необузданная жестокость сопровождала чистки и репрессии. Даже такие «отклонения», как короткие стрижки женщин в партизанских отрядах расценивались как следствие влияния Минсендана [6, с. 222]. Несчастные случаи вследствие случайных выстрелов из пистолета, орфографические ошибки в докладах, потери при транспортировке зерна трактовались как акты контрреволюции и проявление поддержки Минсендана. Малейшая критика партии, выражение сочувствия беженцам, рассматривалась как вражеская агитация агентов Минсендана [6, с. 225]. КПК не признавала наличие националистической составляющей в корейских «погромах» хотя чистки проходили только в Цзяньдао, где участниками революционной антияпонской борьбы были в основном корейцы.

Национализм имел мощные корни, как в КПК, так и среди корейских коммунистов. Это объяснялось и положением Кореи как японской колонии и слабостью Китая, уступавшего в столкновениях, как европейским странам, так и Японии. И те и другие мечтали освободить свою родину от японских агрессоров. Для многих из них компартия (за которой стоял СССР и Коминтерн) были лишь орудием для осуществления своей мечты. Случай с Минсенданом проявлял не очень глубоко спрятанное националистическое мировоззрение, в какой-то степени влиявшее на корейские «погромы» (репрессии и чистки), не сильно отличавшихся от еврейских погромов в Европе первой половины

XX в. Неспособность корейских революционеров бегло говорить по-китайски, их обычаи, предпочтения в еде, не способствовали дружбе с китайцами в партизанских армиях, вызывали подозрения. Функционеры Маньчжурского провинциального комитета КПК (МПК) называли корейских коммунистов «фракционерами» и «националистами», надевшими коммунистические маски». Для восстановления доверия китайских комбатантов корейцы-командиры отрядов и секретари партийных ячеек приняли активное участие в этой антишпионской компании, травле представителей своего этноса.

Результаты борьбы против Минсендана

Трехлетняя борьба против шпионов Минсендана сократила представительство корейцев в Восточно-Маньчжурском комитете КПК. В апреле 1931 г. в организациях, подведомственных Восточно-Маньчжурскому комитету в Цзяньдао, насчитывалось 636 членов КПК, и только 18 из них были китайцы, остальные – корейцы. Численность коммунистов выросла до 11000 чел. в конце 1931 г. (возможно эта цифра преувеличена). К сентябрю 1933 г. после чисток число членов компартии сократилось до 965 чел. При этом доля корейцев немного увеличилась (с 96,5% до 97,9%). Эта тенденция наблюдалась и в Организации коммунистической молодежи, в которой корейцы составляли большинство. В мае 1935 г. в организациях Восточно-Маньчжурского комитета остался лишь 131 член партии. Численность китайских коммунистов за этот период (1931–1935 гг.) не уменьшилась, а выросла на 10–20% на фоне общего снижения численности коммунистических организаций [6, с. 206].

Оценка числа «вычищенных» корейцев в процессе борьбы с Минсенданом колеблется от нескольких сотен до нескольких тысяч. Страх за свою жизнь заставил более 2000 чел. (из которых 1953 корейца) перебежать на сторону японцев между сентябрем 1934 и мартом 1936 г. Когда Восточно-Маньчжурский особый комитет КПК в мае 1935 г. перегруппировал свои вооружённые формирования количество корейцев в них значительно сократилось как на уровне руководства, так и среди рядовых бойцов. Только два корейца, в том числе, Ким Ир Сен (будущий лидер КНДР) остались в руководстве в общей сложности восьми партизанских отрядов. Теперь корейцы составляли только 50–60% от общего числа 1200 партизан (командиров и рядовых бойцов). Резкое сокращение членов партии-корейцев было результатом антиминсендановских репрессий [6, с. 206].

Чистка корейских комбатантов грозила уничтожением коммунистической организации в Цзяньдао. Ослабление коммунистического движения в Цзяньдао приводило к снижению влияния КПК в Маньчжурии в целом, потому что корейцы составляли костяк Восточно-Маньчжурского комитета КПК и его партийной организации в Цзяньдао. Трехлетняя охота на ведьм против Минсендана вместе с японской программой «усмирения» (военные и полицейские операции против партизан) значительно ослабили партизанские базы в Цзяньдао. Не имея поддержки корейских крестьян, партизанские отряды не могли купить одежду, еду, предметы первой необходимости. Один из свидетелей констатировал: «Прежде нам было легко купить всё необходимое, но у нас для этого не было достаточно денег, теперь у нас есть деньги, но мало кто из крестьян соглашается продать нам что-либо. Раньше у нас было много людей, но не было оружия; теперь у нас много оружия, но нет людей. Раньше мы обычно останавливались в деревнях, теперь мы всегда в движении в горах (чтобы уйти от преследования японцев). Раньше мы легко узнавали о местонахождении наших врагов, теперь наши враги легко узнают о наших передвижениях» [6, с. 206]. Таких репрессий как в Восточной Манчжурии (Цзяньдао) не было в Южной Маньчжурии и потому, что корейцев здесь было гораздо меньше, и потому, что здесь китайское коммунистическое руководство более руководствовалось принципами интернационализма, чем в Восточной Маньчжурии и более тесно интегрировалось с корейцами [6, с. 206].

Только почти через два года Маньжурский провинциальный комитет изменил свою позицию. В середине 1935 г. член МПК указал на сильно преувеличенные представления о влиянии Минсендана, заявив, что если членами Минсендана было 60–70% инсургентов на партизанских базах в Цзяньдао, это означает, что Япония уже практически уничтожила эти базы [6, с. 206]. Пытаясь выправить положение, в феврале 1935 г. КПК провела совещание китайских и корейских лидеров под председательством Вэй Чжень Мина. Было принято открытое письмо к корейским коммунистам, призывавшее их к сотрудничеству с китайскими товарищами [8, с. 282]. Несмотря на попытку сгладить происшедшее, этот инцидент негативно

отразился на китайско-корейском сотрудничестве в антияпонском движении.

В результате влияние корейцев в коммунистическом движении в Маньчжурии упало. Но даже после 1935 г. многие корейские коммунисты продолжали сражаться в НРА, в том числе в качестве командиров, а Вторая армия состояла в основном из корейцев. С марта 1935 г. 1-й дивизией Первой армии НРА командовали корейцы Хан Хо и Чон Му. Политкомиссаром 1-й дивизии был Ким Чак (впоследствии председатель совета министров КНДР) [5, с. 70–71].

В 1936 г. МПК принял новую резолюцию, которая прекращала борьбу против Минсендана. Резолюция рекомендовала создать отдельное корейское соединение для рейдов на территорию Кореи. [6, с. 225].

Заключение

Инцидент с Минсенданом следует трактовать: 1. как желание руководства Маньчжурского комитета КПК (с помощью террора) подчинить себе многочисленную партийную организацию (в Цзяньдао), состоящую в основном из корейцев, которая возможно претендовала в силу своей многочисленности и значимости на особое положение (в Цзяньдао действовал Восточно-Маньчжурский особый комитет КПК). 2. Поощряемое японцами движение за самоуправление в Цзяньдао было популярно не только среди корейских землевладельцев, но и у части простых крестьян, и возможно, имело последователей среди корейских коммунистов, что не совпадало с курсом КПК и было чревато появлением фракций, что, в условиях антияпонской войны, представлялось опасным. 3. Не следует преуменьшать существование националистического мотива в репрессиях (в силу обстоятельств КПК с момента её создания до сегодняшнего дня имеет сильную националистическую окраску, что подтверждает её нынешний курс на поощрение капитализма в экономике вопреки марксистским догмам). 4. И, на последнем месте стоит борьба с агентами Минсендана, масштабы которой были несоизмеримы с реальной опасностью шпионажа, ставшего жупелом для террора против корейских членов китайской компартии.

Вышесказанные выводы подтверждаются тем, что после нескольких лет яростной «борьбы с агентами Минсендана» кампания внезапно закончилась; и тем, что в 1936 г. была создана так называемая 6-я дивизия 2-й армии НРА, состоящая в основном из корейцев, под командованием Ким Ир Сена, и чисто корейское «Общество возрождения отечества» (которое реально возглавил опять-таки Ким Ир сен), который сам чуть не стал жертвой репрессий и относился весьма прохладно к кампании по выявлению «врагов народа».

ЛИТЕРАТУРА

1. Мансю сангё кэнсэцу гакуто кэнкюдан хококу (Доклады студенческой группы по изучению экономики Маньчжурии). Б.м., б.г. Т. 3. 184 с.

2. Сайкин Сина оёби Мансю канкэй сёмондай тэкиё (Современные проблемы Китая и Маньчжурии). Б.м., 1934. Т. 2. 252 с.

3. Табацу дзёхо (Информация о карательных операциях). Б.м., 1938. 236 с.

4. Тёсэн тодзи сирё (Материалы по истории управления Кореей). В 10 т. Токио, 1970.

5. *Chong-sik Lee.* Korean worker's party: a short history. Stanford (Ca1.), 1978. 365 p.

6. *Hyun Ok Park.* Two dreams in one bed. Duke university press. Durham and London. 2005. 308 p.

7. *Scalaplno R.A., Chong-sic Lee.* Communism in Korea. Berk1ey-Los Angeles, 1972. Part 1. 290 p.

8. *Suh Dae Sook.* The Korean communist movement 1918-1948. Princeton (N.J.), 1967. 308 p.

REFERENSES

1. *Mansu sangyo kensetsu gakuto kenkyudan hokoku* [Reports of the student group for the study of the economy of Manchuria]. S.l., n.d. Vol. 3. 184 p.

2. *Saykin Shina oyobi Mansu kankei shomondai tekiyo* [Modern problems of China and Manchuria]. S.l., 1934. Vol. 2. 252 p.

3. *Tabatsu joho* [Information on punitive operations]. S.l., 1938. 236 p.

4. *Chosen toji shiryo* [Materials on the history of the government of Korea]. In 10 vols. Tokyo, 1970.

5. Chong-sik, Lee. Korean Workers' Party: A short history. Stanford (Ca1.), 1978. 365 p.

6. Hyun Ok, Park. Two dreams in one bed. Duke University Press. Durham and London. 2005. 308 p.

7. Scalapino, R.A., Chong-sic, Lee. Communism in Korea. Berkley-Los Angeles, 1972. Part 1. 290 p.

8. Suh Dae Sook. The Korean communist movement 1918–1948. Princeton (N.J.), 1967. 308 p.

DOI 10.24412/2223-0564-2021-3-29-34
УДК 393.05

И.Г. Петров

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ЧУВАШЕЙ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ XVIII ВЕКА*

Аннотация

По сравнению с другими ритуалами жизненного цикла, похоронно-поминальные обычаи и обряды сохраняют в себе много архаических элементов, уходящих в глубокую древность. Они отражают веками сложившиеся духовные и мировоззренческие представления народа и являются одним из показательных и устойчивых этнических признаков. Поэтому эта область традиционной культуры всегда была и остается объектом исследовательских интересов ученых.

В указанной статье рассмотрена история изучения похоронно-поминальных обрядов чувашей Урало-Поволжья в трудах ученых, путешественников, а также некоторых чиновников административно-управленческих учреждений, которые изучали быт и культуру чувашского народа в XVIII в. К ним относятся Ф.И. Страленберг, Т. Кёнигсфельд, И.Г. Готлиб, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, И.Г. Георги, И.И. Лепехин, П.И. Рычков, Н.П. Рычков, К.С. Милькович. Значительная часть этих данных была собрана во время экспедиций, которые были организованы Санкт-Петербургской Академией наук в 1733–1743 и 1768–1774 гг. В трудах ученых сведения об обряде похорон и поминок чувашей приводятся в обобщенном и фрагментарном виде. Это было связано с тем, что они не ставили своей целью всестороннее описание каждого народа. Поэтому в своих путевых заметках и экспедиционных записях они обходились лишь общими замечаниями. Тем не менее их труды представляют большую источниковую ценность. С одной стороны, это обусловлено тем, что они являются самыми первыми научными исследованиями о чувашах, с другой – в них описаны и зафиксированы многие старинные обычаи и обряды, которые не встречаются в других источниках. Другой положительной стороной исследований данного периода является то, что обычаи и обряды чувашского народа, связанные со смертью человека, рассматриваются в сравнении с обрядовыми традициями других народов.

Ключевые слова: чуваши, этнография, похоронно-поминальные обычаи и обряды, исследования, историография

Igor G. Petrov

BURIAL CEREMONIES AND FUNERAL RITES OF THE CHUVASHS OF THE URAL-VOLGA REGION IN THE STUDIES OF THE 18th CENTURY

Abstract

Compared to other rituals of the life cycle, burial and funeral customs and rites retain many archaic elements that go into deep antiquity. They reflect centuries-old spiritual and existential concerns and serve as indicative and stable ethnic characteristics. Therefore, this area of traditional culture has always been and still remains the object of scientific inquiry.

This article considers the history of the studies on burial and funeral rites of the Chuvashs of the Ural-Volga region in the works of scientists, travellers and some officials of administrative and managerial institutions that described life

Петров Игорь Георгиевич, *кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа), e-mail: ipetrov62@yandex.ru*

Igor G. Petrov, *Cand. Sci. (History), Leading Scientific Researcher, Department of Ethnography, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences (Ufa), e-mail: ipetrov62@yandex.ru.*

* Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН на 2021 год (№ АААА-А21-121012290086-0).

© Петров И.Г., 2021

and culture of the Chuvash people in the 18th century. Among them are F.I. Stralenberg, T. Koenigsfeld, I.G. Gottlieb, G.F. Miller, P.S. Pallas, I.G. Georgi, I.I. Lepekhin, P.I. Rychkov, N.P. Rychkov and K.S. Milkovich. A considerable part of these data were collected during expeditions organized by the St. Petersburg Academy of Sciences in 1733-1743 and 1768-1774. The scientists gave information about the burial and funeral rites of the Chuvashs in a generalized and fragmentary manner. This was because they did not aim to comprehensively describe each ethnic group. Therefore, they used to make only general comments in their travel notes and expedition records. Nevertheless, their works are of great source value. On the one hand, this is due to the fact that they were the very first scientific studies about the Chuvashs, on the other hand, they described and recorded many ancient customs and rites unable to be found in other sources. Another positive aspect of the studies on this period is that the customs and rites of the Chuvash people associated with the death of a person are considered in comparison with traditional rituals of other peoples.

Key words: Chuvashs, ethnography, burial ceremonies and funeral customs and rites, research, historiography

История изучения чувашского народа отражена во многих монографиях, статьях и очерках историографического профиля. В них показывается процесс накопления научных знаний о чувашах в различные хронологические периоды, а также дается оценка деятельности ученых, внесших большой вклад в изучение истории и этнографии чувашского народа. Тем не менее не все темы, касающиеся истории и культуры чувашей, оказались изученными основательно. К таковым относится обряд похорон и поминок, который является одним из существенных и устойчивых этнических маркеров.

Цель настоящей статьи – показать историю изучения похоронно-поминальной обрядности чувашей Поволжья и Приуралья в XVIII в. Постановка такой цели обусловлена несколькими причинами. Во-первых, погребально-поминальные обряды чувашей, в том числе история их изучения, исследованы в недостаточной мере. Во-вторых, именно XVIII век характеризуется началом системного и масштабного собирания сведений о народах Российской империи. В-третьих, путешественникам и ученым этого периода удалось зафиксировать немало архаических элементов, которые в последующие века либо сильно изменились, либо исчезли совсем. В-четвертых, вводимые в научный оборот материалы по данной теме позволят углубить историю этнографического изучения чувашей и обогатить ее новыми фактами и сведениями.

Из исследователей народов Поволжья и Сибири первой половины XVIII в. необходимо упомянуть Филиппа Иоганна (Юхана) Табберта фон Страленберга (1676–1747) – автора книги «Das Nord und Östlische Theil von Europa und Asia…» (Северная и Восточная часть Европы и Азии…), которую он на немецком языке опубликовал в 1730 г. [17]. В ней научный интерес представляет составленный им словарь с переводом 60 общеупотребительных слов на 32 языках народов Российской империи, в который среди прочих вошли также 28 чувашских слов. В книге имеются также этнографические данные. Об этом свидетельствует статья неизвестного автора, в которой сжато изложены сведения о народах Поволжья и Сибири [3, с. 241–245]. По чувашам в ней приводится короткая информация об обряде похорон: «Чуваши. Языческий народ в России. Они погребают своих умерших в пустынных и диких местах, обертывают трупы в тонкий войлок, делают яму, кладут на дно доски, на них перину или ковер и на это труп, который потом с боков обкладывают досками и сверху засыпают землей» [3, с. 248].

Любопытные этнографические сведения о чувашах Поволжья содержатся в дневниковых записях Тобиаса Кёнигфельса – участника путешествия астронома Николая Иосифа Делиля в Берёзов в 1740 г. По разысканиям А.К. Салмина, фамилия исследователя в документах Санкт-Петербургской Академии наук оказалась зафиксированной в самых разных вариантах: Кёнигфельс, Кёнигсфельд, Кенигфельт, Кенингфелс и т.д. Приняв во внимание, что в обнаруженных им архивных документах на немецком и русском языках он везде расписывался как Тобиас Кёнигфельс, А.К. Салмин предлагает взять за основу фамилию в данной транскрипции [13, с. 59]. Дневник Т. Кёнигсфельса вместе с материалами Делиля впервые был опубликован на французском языке в 1779 г. в Амстердаме [15]. В 1849 г. часть бумаг Делиля с дневниковыми записями Т. Кёнигсфельса под названием «Voyage de Koenigsfels et Delile à Bérésoff, 1740» (Путешествие Кёнигсфельса и Делиля в Березов, 1740) оказалась в Русском Географическом обществе. На русском языке рукопись сочинения впервые была опубликована П.П. Пекарским [10]. В записях ученого имеется небольшая информация об обряде чувашских похорон: «Погребение их очень просто: тело, завернутое в холст, зарывается в землю, и на могиле ставится столб, выдолбленный к востоку. По окончании этого все удаляются. На чувашских кладбищах виднеются сотни подобных столбов; некоторые из них из обтесанного камня с какими-то буквами, не похожими ни на русские, ни на татарские» [10, с. 60].

Разнообразные сведения о чувашах Казанской губернии оставил ученый-натуралист, доктор медицины, профессор химии и натуральной истории Санкт-Петербургской Академии наук Иоганн Георг Готлиб (1709–1755). В России он находился с 1727 по 1747 г. В 1733 г. вместе с Г.Ф. Миллером он был включен в состав Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) и внес большой вклад в изучение географии и при-

родных богатств Сибири. По пути в Сибирь И.Г. Готлиб и Г.Ф. Миллер остановились в Казанской губернии и пробыли здесь с середины октября до середины декабря 1733 г. Результаты своих исследований И.Г. Гмелин изложил в книге «Путешествие по Сибири с 1733 по 1743 гг.» в четырех томах, которая была издана в Геттингене. Сведения о татарах, черемисах, вотяках и чувашах Казанской губернии вошли в первый том книги [16]. Однако этот труд на русский язык до сих пор не переведен. Поэтому, говоря о результатах исследований И.Г. Гмелина в Казанской губернии, исследователи ссылаются на работу К. Харламповича [14]. По Харламповичу, И.Г. Гмелин не ставил своей целью собирание сведений о быте, нравах, религии и других сторонах жизни инородцев. Поэтому, по сравнению с Миллером, сведений о народах края в его сочинении гораздо меньше и они даются «в отрывочном виде» [14, с. 15]. Такая же фрагментарность характерна записям И.Г. Гмелина о чувашах. Он оставил краткие сведения о численности чувашей в Чебоксарах и Чебоксарской округе, остановился на интерьере жилища и образе жизни чувашей, дал описание богослужения чувашей-язычников и места моления в местности между Чебоксарами и Козьмодемьянском. Других каких-либо сведений о чувашах, в том числе о ритуале похорон и поминок в сочинении И.Г. Гмелина не имеется.

В трудах его компаньона по экспедиции Г.Ф. Миллера (1705–1783) – историка и археолога, действительного члена Санкт-Петербургской академии наук сведений о народах края намного больше. В Казанской губернии с помощью толмачей ему удалось собрать немало ценных сведений по истории, хозяйству, быту и культуре черемис, вотяков и чувашей. Впоследствии эти наблюдения он обобщил и подготовил этнографический труд, посвященный этим народам. Он был издан в 1791 г. [6]. Сведения о похоронно-поминальных обрядах чувашей содержатся в заключительной главе книги «О их светских поведениях и обыкновениях». Г.Ф. Миллер отметил, что черемисы и чуваши умерших хоронят без гроба: «…погребают умерших в том платье, которое они носили, и кладут в могилу между двумя досками, а сверх оных накрывают еще доскою и напоследок могилу засыпают землею» [6, с. 78]. Здесь же Миллер отметил об отправлении вместе с умершим разных бытовых предметов: «Туда же кладут они всякой домовой скарб, а именно котлы, ложки, ножи и прочая» [6, с. 78]. Заслуживает также внимания старинный обычай, который чуваши и черемисы соблюдали на поминках по умершему: «На дворе вколачивают они в землю две палки, и между оными протягивают толстую нить, и вздевают на оную кольцо. Потом все молодые люди из сродников или из гостей, не доходя до помянутого места шагов на десять, в кольцо стрелами стреляют, и кто первой в оное кольцо попадет, тот берет лошадь, на которой покойник езжал; ежели же будет женщина, то берет иную какую-нибудь лошадь со всем убором и ездит на ней вскачь до трех раз на могилу и оттуда назад. Потом оную лошадь у Черемис на дому, а у Чуваш на кладбище в память умершего заколовши варят и едят, причем бывает много плача, игры, пляски, питья» [6, с. 79]. Касательно надмогильных памятников чувашей Г.Ф. Миллер, как и предыдущие исследователи, отметил, что они ставили деревянные столбы: «В знак памяти у Черемис на кладбищах обыкновенно раскидываются на жердях плашки, а Чуваши на могилу ставят деревянные столбы…» [6, с. 79–80].

Разнообразные сведения о народах России оставили ученые и путешественники второй половины XVIII в. – П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.Г. Георги. Большей частью их сочинения написаны на основе собственных наблюдений и поэтому отличаются основательностью и объективностью.

Петр-Симон Паллас (1741–1811) – академик, географ, путешественник, профессор натуральной истории Санкт-Петербургской Академии наук. В 1767 г. по приглашению Санкт-Петербургской Академии наук прибыл в Россию и стал трудиться во благо российской науки. В 1768–1774 гг. возглавлял Первую Оренбургскую экспедицию, которая обследовала Поволжье, Приуралье, Зауралье, Сибирь и юго-восточные окраины Российской империи. Результаты многолетних научных исследований и наблюдений ученый обобщил в фундаментальном труде «Путешествие по разным провинциям Российской империи». Он написан в форме путевого дневника, в котором по ходу маршрута ученый подробно записывал все увиденное. Сведения о народах Поволжья вошли в первую часть сочинения ученого, вышедшего в 1773 г. [9]. О похоронах и поминках чувашей Паллас сообщил сжато в общем контексте с другими семейными обрядами. В частности, ученый отметил, что чуваши умерших хоронят в гробах головой к западу и снабжают его необходимыми вещами: «Чувашане кладут своих покойников в худые гробы во всем одеянии и хоронят оборотя голову к западу. Сказывают, что еще и ныне кладут они мужчинам в гроб всякую мелочь, а наипаче лапти, кочатык, ножик, несколько лык и огниво» [9, с. 143]. Также ученый перечислил общие поминальные или родительские дни, когда чуваши поминали своих усопших: «…среду на страстной неделе, семик, то есть четверток пред пятидесятницею, и осьмое число ноября, которое *юбуих* они называют» [9, с. 143]. Важным также является пояснение исследователя о том, что на осенних поминках на кладбище чуваши в память умерших устраивали не только тризны, но и устанавливали деревянные столбы.

Совокупность разнообразных сведений об образе жизни народов России собрал и запечатлел И.И. Лепехин (1740–1802) – академик, известный русский естествоиспытатель и путешественник. В 1768–1772 гг. он руководил Второй Оренбургской экспедицией. Часть с Палласом, часть самостоятельно он обследовал территории Поволжья, Урала, Западной Сибири, Русского Севера, а также западных российских губерний. Ре-

зультаты путевых записей и наблюдений он положил в основу своего труда под названием «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства». Сочинение было издано в 4 частях в 1771–1805 гг. О чувашах он сообщил в первой части исследования, куда внес сведения о народах, проживающих в бассейне р. Черемшан [4]. Кроме чувашей он описал также хозяйственные занятия, ремесла, нравы, обычаи и верования татар и мордвы. Однако все эти данные приводятся в обобщенном виде, т.е. без выделения самостоятельных глав, посвященных тому или иному народу. Тем не менее, затрагивая те или иные стороны быта и культуры народов Причермешанья, Лепехин в меру имеющихся возможностей старался указать их этнические особенности. Также обобщенно Лепехиным приведены сведения о родильных, свадебных и погребальных обрядах, что создает определенные трудности при выделении из них этнических особенностей. Сказанное относится и к описанию обряда похорон, так как в данном разделе Лепехин основное внимание акцентировал на обряде похорон у мордвы [4, с. 177–178].

В изучении народов России яркий след оставил Иоганн Готлиб Георги (1729–1802) – ученый, путешественник, химик, натуралист, профессор минералогии и академик Санкт-Петербургской Академии наук. В 1768 г. он участвовал в экспедиции Палласа. В 1770 г. Георги был назначен в помощь профессору И.П. Фальку в 5-ю Академическую экспедицию, которая ставила своей целью изучение Оренбургской губернии. Ученый исследовал Поволжье, Среднее и Южное Приуралье, Западную Сибирь, Прибайкалье, Даурию. Путешествуя по Казанской губернии, ученый собрал значительные материалы о поволжских народах. Завершив экспедиционные исследования, он вскоре приступил к написанию обобщающего труда о народах России. Работая над книгой, он использовал собственные наблюдения, а также ранее опубликованные книги, прежде всего Г.Ф. Миллера, И.Г. Готлиба, П.С. Палласа, И.И. Лепехина и др. В итоге им впервые в 4-х частях было подготовлено фундаментальное энциклопедическое издание о народах, населяющих Российскую империю [1]. Книга состоит из четырех частей. Сведения о чувашах И.Г. Георги опубликовал в первом томе издания «О народах финского племени». Он ошибочно полагал, что чувашский язык произошел от финского языка, который сильно смешался с татарским, а сами чуваши по самым разным признакам культуры «чрезвычайно подобны черемисам» [1, с. 41]. Про обряды чувашей, связанные со смертью, Георги написал в разделе, посвященном ритуалам жизненного цикла: рождению ребенка, свадьбе, похоронам и поминкам. В частности, он сообщил, что чуваши своих умерших погребают «по Черемисскому обыкновению» и снабжают их всем необходимым. На могилах зажигают восковые свечи, на землю кладут блины, кусок вареной курицы и при этом говорят: «Это тебе пригодится!». Покидая кладбище, на могиле оставляют одежду покойника. Вернувшись в дом, моются и приступают к поминкам. Поминки справляют на третий и седьмой дни, а в октябре месяце отмечают общее поминовение, для чего у могилы закалывают овцу, корову, бычка или лошадь. Варят и едят там же. После этого на могилу ставят остатки пищи и пиво в небольшой посуде. В четверг на Страстной неделе умерших поминают еще раз, для чего на двор в небольшом количестве выносят пищу и каждому поминаемому зажигают по одной восковой свече. Напоследок остатки пищи отдают собакам, так как считают, что вместе с ними питаются и умершие [1, с. 45].

Во второй половине XVIII в. в научный оборот были введены также этнографические сведения о народах Оренбургской губернии, в том числе о чувашах. Среди ученых, внесших вклад в изучение народов края, следует указать П.И. Рычкова (1712–1777) – видного государственного деятеля, географа, историка и краеведа. Одним из широко известных его трудов является «Топография Оренбургской губернии», вышедшая в двух частях [12]. В книге дана всестороння характеристика природы, населения и хозяйства губернии в XVIII в. В четвертой главе книги «О разности народов внутри Оренбургской губернии находящихся, по древнему и нынешнему их состоянию» П.И. Рычков представил обзор этнического состава населения края. В нее он включил 12 параграфов, каждый из которых посвящен истории и современному состоянию народов, проживающих в крае. В одиннадцатом параграфе П.И. Рычков кратко описал чувашей. В нем он указал, в каких губерниях Российской империи они проживают, сколько чувашей числится в Оренбургской губернии и откуда они сюда прибыли. Далее он кратко остановился на некоторых этнографических характеристиках: религии, семье и особенностях одежды [12, с. 187–189]. Других сведений о чувашах, в том числе о ритуале похорон и поминок, в книге П.И. Рычкова нет.

Изучением народов Оренбургского края занимался и Н.П. Рычков (1746–1784) – путешественник и географ, сын П.И. Рычкова. В 1769–1770 гг. он принял участие в экспедиции П.-С. Палласа. Объездил значительную часть Казанской, Оренбургской, Вятской и Пермской губерний. Результаты своих наблюдений и научных исследований в виде путевых заметок изложил в книге «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году». В отличие от других народов края, например, марийцев и удмуртов, чуваши не попали в поле зрения исследователя. Он лишь ограничился тем, что упомянул их в составе тептярского населения Оренбургской губернии [11, с. 129, 140].

Ценным и уникальным трудом XVIII в. о быте и религиозных верованиях чувашей является очерк К.С. Мильковича «О чувашах». Он был написан в 1783 г., когда его автор трудился землемером в Симбир-

ском и Буинском уездах Симбирского наместничества. Впервые без указания автора труд Мильковича был опубликован в 1827 г. в журнале «Северный архив» [7]. В 1888 г. В.К. Магницкий переиздал его как сочинение неизвестного автора XVIII в. [5]. В начале XX в. на труд К.С. Мильковича вновь обратил внимание Н.В. Никольский и опубликовал его со своим предисловием, но уже с указанием автора [8]. В этнографическом очерке К.С. Мильковичем описаны быт чувашей Симбирского наместничества. Достаточно основательно и подробно он изложил особенности похоронного обряда чувашей. Так, он отметил, что при приближении смерти чуваши к умершему приглашали знахаря-ворожея, при котором он всенародно каялся в совершенных грехах, а потом распоряжался, каким домашним животным и когда его следует помянуть после смерти. Здесь же он упомянул о старинном обычае, согласно которому над головой покойника липовой палочкой разбивали яйцо и выкидывали на улицу, а глаза, ноздри, рот и уши умершего затыкали кусочками шелка. Кроме этого, автор описал одеяние покойника («… одевают тело в лучшее платье, руки перевязывают поперек кушаком и надевают на них рукавицы, а на голову шапку»), перечислил предметы, которые отправляли вместе с умершим («… сыр, деньги и пресный хлеб: деньги на торговлю, а хлеб для пропитания; а чтоб и в царстве мертвых он занимался работою, то опускают в могилу еще ножик и орудие для плетения лаптей»), а также обрядовые действия с одеждой покойника («… одежду же, в которой он умер, на нем лежал, из чего омывали его тело, – все бросают на дорогу») [5, с. 14–15]. Не остался незамеченным также обычай чувашей оставлять на могиле вещи которые были в контакте с покойником или ему принадлежали («…еще вывозят и оставляют на могиле покойного телегу, сани, хомут, со всею упряжью, и топор, а если умерший был плотник, то и весь прочий его инструмент». Здесь же он добавил, что иногда по завещанию умершего на его могиле ставили лачугу около которой оставляли привязанную лошадь, пока она не умрет с голоду [5, с. 15]. С большим знанием особенностей обряда чувашей автором написаны разделы, касающиеся поминок. К.С. Милькович заметил, что чуваши поминали покойника в день погребения, на третий и седьмой дни, а также еженедельно в каждый четверг до наступления больших поминок [5, с. 15–16].

Таким образом, работы исследователей XVIII в. содержат немало ценных материалов о жизни и быте чувашей. Однако многие из них написаны обобщенно, а сведения носят отрывочный и фрагментарный характер. Это было обусловлено тем, что большинство исследователей этого периода являлись естествоиспытателями и не ставили своей целью глубокое и всестороннее описание быта и нравов каждого народа. Поэтому «ряд явлений культуры и быта они приводят как бы в обобщенном виде, не всегда выделяя, что присуще тому или иному народу» [2, с. 11].

Тем не менее вклад ученых XVIII столетия огромен. Во-первых, благодаря их исследованиям, было положено начало сбору и накоплению достоверных научных знаний о проживающих в России народах и особенностях их культуры. Во-вторых, в том числе на базе этих знаний в середине XIX в. сформировалась и получила дальнейшее развитие российская этнографическая наука. В-третьих, исследователям XVIII столетия удалось увидеть и описать множество этнографических явлений и фактов, которые впоследствии перешли в разряд архаизмов или исчезли. Все эти исследователи вне всякого сомнения внесли заметный вклад в изучение чувашского народа и фиксацию разнообразных сведений о них, в том числе об обряде похорон и поминок. Благодаря этим данным современным исследователям удается не только глубже познать особенности данного ритуала в XVIII в., но и проследить его дальнейшую эволюцию в XIX–XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповедений и других достопамятностей. В 4 ч. Ч. 1. СПб.: Имп. Академия наук, 1799. 76 с.

2. *Иванов В.П.* История этнографии чувашского народа. Очерки. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2011. 112 с.

3. Известия иностранных писателей о народах в России // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1893. Т. XI. Вып. 1–6. С. 241–251.

4. *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб.: Имп. Академия наук, 1771. 538 с.

5. *Магницкий В.К.* О чувашах. Этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия. С предисл. и примеч. В. Магницкого. Казань: Тип. Губ. правления, 1888. 35 с.

6. *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков… СПб.: Имп. Академия наук, 1791. 99 с.

7. [*Милькович К.С.*] О чувашах // Северный архив. 1827. Ч. 27. № IX. С. 47–67; № X. С. 120–139; № XI. С. 210–232.

8. *Никольский Н.В.* Этнографический очерк Мильковича, писателя конца XVIII века, о чувашах. Казань: Типо-лит. Казан. ун-та, 1906. 36 с.

9. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Имп. Академия наук, 1773. 657 с.

10. *Пекарский П.П.* Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 году // Приложение к 6 тому Записок Императорской Академии наук. № 3. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1865. 74 с.

11. *Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки пу-

тешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб.: Имп. Академия наук, 1770. 190 с.

12. *Рычков П.И.* Топография Оренбургская: то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Ч. 1–2. СПб.: Имп. Академия наук, 1762.

13. *Салмин А.К.* Изучение Среднего Поволжья в Санкт-Петербургской Академии наук в XVIII веке. СПб.: Нестор-История, 2020. 176 с.

14. *Харлампович К.* Известия И. Гмелина о Казани и казанских инородцах. Казань: Имп. ун-т, 1904. 26 с.

15. *Koenigsfeld T.* Extrait d'un Voyage fait en 1740 à Beresow en Sibérie, aux dépens de la Cour de Ruffie, par M. De Lisle, Doyen de l'Academie Royale des Sciences // Histoire Générale des Voyages. Vol. 24. Amsterdam: T. Van Yarrevelt, D. J. Chuguguion, 1779. P. 500–544.

16. *Gmelin J. G.* Reise durch Sibirien. Th. 1. Von dem Jahr 1733 bis 1743. Göttingen: Verlegts Abram Bandenhoecfs seel., 1751. 467 p.

17. *Strahlenberg Ph. J.* Das Nord- und Östlische Theil von Europa und Asia… Stockholm, 1730. 438 p.

REFERENCES

1. Georgi, I.G. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknovenyj, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey* [Description of all peoples living in the Russian state: Their everyday rites, customs, clothes, dwellings, exercises, entertainments, faiths and other memorabilia]. In 4 vol. Vol. 1. St. Petersburg, 1799. 76 p. (in Russ.).

2. Ivanov, V.P. *Istoriya etnografii chuvashskogo naroda. Ocherki* [The history of ethnography of the Chuvashs. Essays]. Cheboksary, 2011. 112 p. (in Russ.).

3. Izvestiya inostrannykh pisateley o narodakh v Rossii [News of foreign writers about the peoples in Russia]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii* – Bulletin of the Society of Archeology, History and Ethnography, 1893, vol. 11, issue 1–6, pp. 241–251 (in Russ.).

4. Lepekhin, I.I. *Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii nauk adyunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva, 1768 i 1769 godu* [Daily notes of the journey of Doctor and Academy of Sciences Adjunct Ivan Lepekhin to various provinces of the Russian state, 1768 and 1769]. St. Petersburg, 1771. 538 p. (in Russ.).

5. Magnitsky, V.K. *O chuvashakh. Etnograficheskiy ocherk neizvestnogo avtora XVIII stoletiya.* S predisloviem i primechaniyami V. Magnitskogo [On the Chuvashs. Ethnographic essay of an unknown author of the 18th century. With a preface and comments by V. Magnitsky]. Kazan, 1888. 35 p. (in Russ.).

6. Miller, G.F. *Opisanie zhivushchikh v Kazanskoy gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov…* [Description of pagan peoples living in the Kazan Province, such as Cheremises, Chuvashs and Votyaks...]. St. Petersburg, 1791. 99 p. (in Russ.).

7. [Milkovich, K.S.] *O chuvashakh* [On the Chuvashs]. Severnyy arkhiv – Northern Archive, 1827, part. 27, no. 9, pp. 47–67; No. 10, pp. 120–139; No. 11, pp. 210–232 (in Russ.).

8. Nikolsky, N.V. *Etnograficheskiy ocherk Milkovicha, pisatelya kontsa XVIII veka, o chuvashakh* [Ethnographic essay by Milkovich, writer of the late 18th century, about the Chuvashs]. Kazan, 1906. 36 p. (in Russ.).

9. Pallas, P.S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii* [Travel to different provinces of the Russian Empire]. Part 1. St. Petersburg, 1773. 657 p. (in Russ.).

10. Pekarsky, P.P. *Puteshestvie akademika Nikolaya Iosifa Delilya v Berezov v 1740 godu* [Travel of Academician Nikolai Joseph Delil to Berezov in 1740]. In: *Prilozhenie k 6 tomu Zapisok Imperatorskoy Akademii nauk. № 3.* [Appendix to volume 6 of the Notes of the Imperial Academy of Sciences. No. 3]. St. Petersburg, 1865. 74 p. (in Russ.).

11. Rychkov, N.P. *Zhurnal ili dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Rychkova po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva, 1769 i 1770 godu* [Journal, or Daily notes of Captain Rychkov's journey to various provinces of the Russian state, 1769 and 1770]. St. Petersburg, 1770. 190 p. (in Russ.).

12. Rychkov, P.I. *Topografiya Orenburgskaya: to est obstoyatelnoe opisanie Orenburgskoy gubernii, sochinennoe kollezhskim sovetnikom i Imperatorskoy Akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym* [Orenburg topography: That is a detailed description of the Orenburg Province composed by a Collegiate Counselor and the Imperial Academy of Sciences Correspondent Peter Rychkov]. Vol. 1–2. St. Petersburg, 1762. (in Russ.).

13. Salmin, A.K. *Izuchenie Srednego Povolzhya v Sankt-Peterburgskoy Akademii nauk v XVIII veke* [Study of the Middle Volga region at the St. Petersburg Academy of Sciences in the 18th century]. St. Petersburg, 2020. 176 p. (in Russ.).

14. Kharlampovich, K. *Izvestiya I. Gmelina o Kazani i kazanskikh inorodtsakh* [The news of I. Gmelin about Kazan and Kazan non-Russians]. Kazan, 1904. 26 p. (in Russ.).

15. Koenigsfeld, T. Extrait d'un Voyage fait en 1740 à Beresow en Sibérie, aux dépens de la Cour de Ruffie, par M. De Lisle, Doyen de l'Academie Royale des Sciences. Histoire Générale des Voyages. Vol. 24. Amsterdam: T. Van Yarrevelt, D. J. Chuguguion, 1779, pp. 500–544 (in French).

16. Gmelin, J. G. Reise durch Sibirien. Th. 1. Von dem Jahr 1733 bis 1743. Göttingen: Verlegts Abram Bandenhoecfs seel., 1751. 467 s. (in German).

17. Strahlenberg, Ph.J. Das Nord- und Östlische Theil von Europa und Asia… Stockholm, 1730. 438 s. (in German).

DOI 10.24412/2223-0564-2021-3-35-41

Ғ.С. Кунафин

УДК 821 (470.57)

М. ҒАФУРИ ИЖАДЫНДА МОДЕРНИЗМ КҮРЕНЕШТӘРЕ: СИМВОЛИЗМ, ИМПРЕССИОНИЗМ
(ЯВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ГАФУРИ: СИМВОЛИЗМ, ИМПРЕССИОНИЗМ)

Аннотация

В начале XX века в башкирской литературе начала наблюдаться тенденция формирования идейно-художественных направлений модернистического характера как своеобразное отражение духовного кризиса капиталистического общества, как протест по отношению к социальным процессам и философско-мировоззренческим, духовно-культурным явлениям в буржуазном обществе. Формирование таких новых идейно-художественных направлений, как символизм, импрессионизм, экспрессионизм, конструктивизм и др. также было вызвано недовольством канонизированными формами и стилями, выработанными реализмом, доходящим иногда до натурализма, и романтизмом. Одним из первых башкирских писателей, выступающих против поверхностного копирования жизни, традиционализма и нормативности в литературном творчестве, был М. Гафури. В статье на основе подробного анализа нескольких его прозаических произведений раскрываются философская и эстетическая сущность, художественные особенности символизма и импрессионизма, призванных выразить в художественной форме иррационализм современного мира. В этих сказаниях, сказках и новеллах писателя перед читателями встает отдаленный от реальной действительности, созданный в воображениях, чувствах гипнотизирующий человека литературный мир. Сюжетно-композиционную основу этого мира составляют историческая память автора, мифологическое прошлое его предков. Например, в произведении “Дочь хана Алтынсэс” точка соприкосновения двух временных пространств – прошлого и настоящего, историко-мифологической и современной действительности – превращается в символ: исторические места и события прежде всего являются святой памятью, соединяющей прошлое с настоящим, источником восхищения и гордости. А в новелле “Впечатления” любовь освещается как философская основа самой жизни, всеобъемлющей силой, суть которой и понять, и объяснить очень трудно. Для передачи этой идеи Мажит Гафури обращается к импрессионистическому приему – приему фрагментарного, отрывочного освещения своих мимолетных впечатлений от окружающей его природы, где человек целиком находится в единстве с ней. Для передачи хаоса чувств и настроений героя писатель одну за другой чередует зарисовки пейзажных картин, предельно заостряя изобразительную силу слова.

Ключевые слова: башкирская литература, Мажит Гафури, романтизм, модернистические тенденции, символизм, импрессионизм

Кунафин Гиниятулла Сафиуллович, *доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ, заведующий кафедрой башкирской литературы, фольклора и культуры факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Башкирского государственного университета (Уфа), e-mail: kbl2000@mail.ru*

Giniyatulla S. Kunafin, *Prof. Dr.Sci. (Philology), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Bashkir Literature, Folklore and Culture, Faculty of Bashkir Philology, Oriental Studies and Journalism, Bashkir State University (Ufa), e-mail: kbl2000@mail.ru*

© Кунафин Ғ.С., 2021

Giniyatulla S. Kunafin

LTHE PHENOMENON OF MODERNISM IN THE WORKS BY MAZHIT GAFURI: SYMBOLISM, IMPRESSIONISMR

Abstract

At the beginning of the 20th century, Bashkir literature began to follow the tendency to develop ideological and artistic approaches of a modernist nature as a kind of reflection of the spiritual crisis of capitalist society, as a protest against social processes and philosophical-worldview, spiritual and cultural phenomena in bourgeois society. The formation of such new ideological and artistic movements as symbolism, impressionism, expressionism, constructivism, etc. was also caused by dissatisfaction with the canonized forms and styles developed by romanticism and realism that sometimes bordered on naturalism. Mazhit Gafuri was one of the first Bashkir writers who opposed the superficial copying of life, traditionalism and normativity in literary works. Based on a detailed analysis of his several prose works, the article reveals the philosophical and aesthetic essence, the artistic features of symbolism and impressionism designed to express irrationalism of the modern world in an artistic form. In the writer's stories, tales and novels, readers see a literature-based mesmerizing world created in imagination so far from reality. The plot-compositional basis of this world is the historical memory of the author and the mythological past of his ancestors. For example, in the work «Altynses, the Khan's Daughter», the point of contact between such temporary spaces as the past and the present, historical, mythological and modern-day realities turns into a symbol: historical places and events are primarily a holy memory to link the past to the present and a source of admiration and pride. And in the novel «Impressions», love is depicted as the philosophical basis of life itself, as an all-encompassing force, the essence of which is difficult to understand and explain. To convey this idea, Gafuri takes an impressionistic method, i.e. a fragmentary description of his fleeting impressions from the surrounding nature, with which a person is in complete accord. To convey the chaos of feelings and emotions of the hero, the writer alternates between the sketches of landscape scenes, one after the other, sharpening up the visual power of the word.

Key words: Bashkir literature, Mazhit Gafuri, romanticism, modernist trends, symbolism, impressionism

XX быуат башында башҡорт әҙәбиәтенә ҡара реакция йылдарында яңынан ныҡлап баш күтәргән романтизм менән бик тығыҙ бәйләнештә *модернизм* (француз теленән "яңыса", "заманса") алымдары ла үтеп инә башлай. Ҡайһы бер яҙыусылар әҙәбиәттәге традиционформаларҙы, сара-алымдарҙы кире ҡағып, художестволы әҫәр ярҙамында тормош моделе тыуҙырыуҙың "донъяны ҡояш байышы нурҙарында күрһәтеү" ҙең [1, с. 261] өр-яңы ысулдарын эҙләп һәм һынап ҡарай. Улар тормош, йәшәйеш һәм уның тәбиғәтен, серен образлы "аңлатып", "асып" бирергә тейешле әҙәбиәттең торошо менән риза булып бөтмәүҙән, уларҙы үҙгәртергә теләүҙән килеп сыға һәм һүҙ сәнғәтен үҙгәртеүгә этәргес бирә.

Модернизм әҙәбиәттә, ғөмүмән, сәнғәттә символизм, футуризм, акмеизм, сюрреализм, импрессионизм, конструктивизм, экспрессионизм кеүек формалистик ағымдарҙы берләштерә [13, с. 210]. Был идея-эстетик йүнәлеш империализм осорондағы буржуаз йәмғиәттә сәнғәттең кризис кисерә һәм деградацияға бирелә башлауы сағылышы булды. Һүҙ сәнғәтендә гуманистик-инсани идеалдың, хәҡиҡәтҡә ынтылыуҙа өмөтсәнаыстың юғалыуына, социаль-сәйәси проблемалар, реаль донъя менән ҡыҙыҡһыныу кәмей барыуы уның формалашыуына һәм үҫеүенә этәргес бирә. Был йүнәлештәге әҙәбиәт йәшлекте, мөхәббәтте, өмөттө, яҡтылыҡты һәм башҡаларҙы юғалтыуҙан алып юҡҡа сығарылған бөтөнлөктө, матурлыҡты, камиллыҡты тергеҙеүгә, аяҡҡа баҫтырыуға тиклемге киңлеккә фәлсәфә тәҡдим итә; алға барыуҙың, үҫештең юғалыуы, ҡайғы-хәсрәт, фажиғә менән тамамланыуы ихтималлығын иҫкәртә, уларҙы булдырмау юлдарын эҙләй. Ошо процеста йәшәйеште тышҡы ысынбарлығына оҡшашлыҡта һәм тәрән кинәйәле (метафорик) шартлылыҡта һүрәтләү арҡаһында әҫәрҙәрҙә ҡуйылған һорауҙарға яуап варианттары күбәйә, күп мәғәнәлелек, төрлөсә фараз итеү атмосфераһы хасил була [7, 130 б.]. Модернистар өсөн кинәйәле образлылыҡҡа өлгәшеү, кешене икһеҙ-сикһеҙ йыһан ҡаршыһына ҡуйып, ундағы туҙан бөртөгө хәтле итеп ҡарау, йәшәүҙең мәғәнәһеҙлеге хаҡында фәлсәфәгә бирелеү ниндәйҙер яңы йәшәйеш, яңы ғөрөфғәҙәт формалары барлыҡҡа килтерергә ынтылыу, гүйә, үҙмаҡсатҡа әүерелә [6, с. 93–94; 9,

с. 134–137; 10, с. 86–87, 364–365; 11, 106 б.; 13, с. 210–211].

XX быуат башында, бөтә Рәсәй масштабында социаль-иҡтисади, сәйәси, мәҙәни үҙгәрештәр, революцион-демократик хәрәкәт, яңылыҡҡа ынтылыш әүҙемләшкән осорҙа, башҡорт әҙәбиәтендә модернизм алымдарының барлыҡҡа килеүендә Европа, айырыуса урыс һәм башҡорт рухи-эстетик мөхите менән айырылғыһыҙ мөнәсәбәттә йәшәгән һәм үҫкән татар әҙәбиәттәре ҙур роль уйнаны. Урыс әҙәбиәте менән оригиналда ла, тәржемә аша ла даими танышып барған, уның айырым вәкилдәре ижадына эйәреп әҫәрҙәр яҙған, татар әҙәбиәте донъяһы менән тығыҙ мөнәсәбәттә торған башҡорт әҙиптәренең урыс, татар яҙыусыларының модернистик йүнәлештәге ижади эҙләнеүҙәре, ваҡытлы матбуғат биттәрендәге символизм, футуризм һәм башҡа алымдарға ҡағылышлы фекерҙәре менән ҡыҙыҡһынмауҙары мөмкин түгел ине. Һәр хәлдә улар Дәрдмәнд, С. Рәмиев, Ф. Кәрим, Н. Думави, М. Хәнәфи, И. Таһири, Т. Ченәкәй, Ә. Мөхитдиниә, Ғ. Рәхим, Ғ. Ғәзиз һәм башҡа татар әҙиптәренең дискуссион характерҙағы мәҡәләләре менән таныш булғандарҙыр, тип уйларға урын бар. Ғ. Иҫәнбирҙиндың Дәрдмәндтең “Карап”, “Беҙ”, “Рәсем” кеүек әҫәрҙәре рухындағы шиғырҙар ижад итеүе, Я. Юмаевтың, киреһенсә, “Карап”ҡа, Ш. Бабичтың С. Сүнчәләйҙең К. Бальмонт йоғонтоһона эләгеп яҙылған шиғырҙарының береһе “Шиғыр”ға пародия яҙыуҙары, М. Ғафуриҙың символизм, импрессионизм рухындағы әҫәрҙәр тыуҙырыуы, Ш. Бабич менән Т. Ченәкәйҙең ижади дуҫлығы һәм башҡалар шуны асыҡ дәлилләй [7, 131 б.].

Модернизм йүнәлешенең формалистик ағымдары араһынан XX быуат башы башҡорт әҙәбиәтендә ярайһы күп урын алғаны *символизм. Импрессионизм* менән *экспрессионизм* алымдарына мөрәжәғәт итеү ҙә үҙен һиҙҙертә. *Символизм ағымының* нигеҙендә ер донъяһын танып-аңлап бөтөрмәҫлек тәрән эстәлекле, мәңгелек рухи йәшәйеш менән бәйләүсе символ ята. Ә символ художестволы ижад күҙлегенән ҡарағанда, “эстетиканың универсаль категорияһы,... образдың бөткөһөҙ күп мәғәнәлелегенә эйә булған билдә” [13, с. 311–312]. Символизм ағымы вәкилдәре үҙ ижадтарында йәшәйеш ҡанундарын сағылдырыу өсөн образ-символдың ҡапылда ғына маңлай күҙенә салынып бармаған, күңел күҙе менән генә тотоп-тойоп алыныр ана шул серле күп мәғәнәлелегенән, шартлылығынан файҙаланырға һәм йәшәйеште хис-тойғо аша танып белеү сиктәренән сығып китеп үҙләштерергә һәм күҙалларға тырышалар. Һөҙөмтәлә, күҙ алдындағы реаль, ғәҙәти күренештәр менән ниндәйҙер фантастик, мөғжизәүи донъя, өн менән төш араһындағы сиктәр юйыла, ер тормошонан, йәмғиәттән алыҫлашҡан, “уҡыусыны гипнозлаған” әҙәби ысынбарлыҡ хасил була. Символистар нигеҙҙә реаль донъяның ысынлығын кире ҡаға, уны бары кешенең, шул иҫәптән, әҙиптең һиҙем-тойомлауҙары комплексы тип ҡарай. Әгәр донъя “мин”дең һиҙем-тойомлауҙары комплексы икән, тимәк ул бары уны ҡабул итеүсе йәшәгәндә генә йәшәй булып сыға. Был субъективтар ҡараш ижад әһелдәренең кинәт була торған, ҡабатланмаҫ, берҙән-бер һәм бик тотороҡһоҙ хис-тойғолары культына алып килә, донъяның асылына улар аша стихиялы, интуитив рәүештә генә төшөнөргә мөмкин, тигән идеяны тыуҙыра һәм алға һөрә. Ошо рәүешле, донъяның үҙгәреп тороуы әҙиптәрҙең (ғөмүмән, ижад кешеләренең) кәйефтәре тотороҡһоҙлоғона, хис-тойғолары ағымының иррациональ үҙгәреүсәнлегенә бәйле булып сыға. Һөҙөмтәлә, бындай идея-ҡараштар әҙиптәрҙең, улар уйлағанса, “шөкәтһеҙ” булған реаллеккә хис-тойғоларҙы, хыялдарҙы ҡаршы ҡуйып, ижтимағи йүнәлештәге темаларҙан ситләшә төшөүҙәренә килтерә [4, 11–24, 46–77 бб.; 8, с. 219–371].

Башҡорт әҙәбиәтендә символдарҙы үҙәккә ҡуйған әҫәрҙәр XX быуаттың 10-сы йылдарында ныҡлап күренә башлай. Уларҙа йыш ҡына символистик идеал эҙләп осорҙоң ижтимағи проблемаларынан йөҙ борған килеш үткәнгә мөрәжәғәт итеү һәм уны үҙ заманың менән йәнәш ҡуйып сағыштырыу аша мәңгелек символдар һәм оҡшашлыҡтар табыу теләге үҙәктә тора. Яҙыусылар йыш ҡына милли фольклор әҫәрҙәренә, айырыуса риүәйәттәргә һәм легендаларға мөрәжәғәт итә. Тарихи хәтер авторҙар өсөн хыялда үткән менән бөгөнгөнө тоташтырыу, киләсәк моделен фәлсәфәүи тәрәнлек, сәнғәтсә матурлыҡ менән төҙөү өсөн таяныу нөктәһе була. М. Ғафуриҙың 1914 йылда “Аҡ” журналының 16–17-се һандарында баҫылған “Хан ҡыҙы Алтынсәс” (әҙиптең совет осоронда донъя күргән йыйынтыҡтарында ул “Ағиҙел буйында” тигән исем менән бирелгән) хикәйәте – шуның сағыу бер миҫалы. Уның эстәлеге ҡыҫҡаса түбәндәгеләрҙән ғибәрәт. Балыҡ тотоу ғәҙәттәренә инеп бөткән үҫмер малайҙар йәйге матур көндәрҙә иртән үк Ағиҙел буйына ҡармаҡ һалырға йүгерә,

“балыҡсы бабай янына барып, балыҡ бешереп, сәй эсеп,.. ҡояш байыр алдынан ғына” өйҙәренә ҡайта. Ә балыҡсы ҡарт шундай мәрхәмәтле, изге күңелле, тәбиғәткә лә, “һәммә кешеләргә лә дуҫ” була, балалар менән дә “балалар булып” аралаша белгән идеаль кеше. Берҙән-бер көндө ул малайҙарға Ағиҙелдең аръяғындағы “ҡояштың нуры ғәкес итеп (сағылып), күҙҙе ҡамаштырып торған” Аҡташ тауы өҫтөндәге “мосолман хандарынан ҡалған шәһәр урындары”, унда булып үткән бер ваҡиға хаҡында бәйән итә. Ул шуға ҡайтып ҡала: борон заманда тау башындағы ҡалала “бик көслө булып ғүмер иткән” хандың “бер бите – ай, бер бите – көн кеүек һылыу ҡыҙы” Алтынсәсте алырға тип яу килгән. Ҡыҙы “йәйенке битле” илбаҫарға кейәүгә барырға риза булмағас, уны бик яратҡан хан дошман ғәскәренә ҡаршы һуғышырға ҡарар иткән. Ләкин хан ғәскәре еңелә, үҙе әсиргә эләгә. Һуғышта үҙ азатлығы өсөн көрәшеп яраланған Алтынсәс хеҙмәтсе ҡыҙ менән тауҙағы мәмерйәгә инеп юғала. Уның менән бергә, яуҙа ғәскәре еңелә башлағас, хан тау тишегенә йәшерткән ҡаҙна хазиналары – алтын-көмөштәр, гәүһәр-яҡуттар ҙа юғала. Балыҡсы ҡарт әйтеүенсә, уларҙы ендәр һаҡлай, ә Алтынсәсте “йәйге матур төндәрҙә... тау тишегенән сығып,.. оҙон сәстәренә күмелеп”, таң атҡансы Ағиҙел туғайына ҡарап тау киртләсендә ултырған килеш күрә, матурлығына иҫтәре китеп һоҡлана торған булғандар, имеш [3, 314–319 бб.].

Шул рәүешле, әҫәрҙә ике ваҡыт – үткән һәм бөгөнгө, тарихи-мифологик һәм хәҙерге заман ысынбарлығы осраша, ошо осрашыу нөктәһе символға әүерелә: тарихи урындар һәм ваҡиғалар бөтәһенән дә элек үткән менән бөгөнгөнө тоташтырыусы илаһи хәтер, тамаша ҡылып һоҡланыу һәм ғорурланыу сығанағы һәм улар хәтерҙә шулай буй етмәҫтәй серле, мөғжизәүи күренештәр булып һаҡланғанда ғына киләсәк быуындар өсөн матурлыҡ һәм ғорурлыҡ символы булып ҡаласаҡ [7, 134 б.]. Балыҡсы бабайҙың рациональ һәм иррациональ, логик һәм дини-мистик ҡараштарҙы йәнәш ҡуйып бәйәнләгән хикәйәтендә үҫмерҙәрҙең боронғо хандар ҡалаһы урынлашҡан Аҡташ тауына, Алтынсәс һәм ҡаҙна юғалған мәмерйәгә күтәрелеп хазина эҙләү теләгенә һүҙе менән дә, бөтә йөҙ-ҡиәфәте менән дә ҡаршы төшөүе авторҙың ошо фекерен һыҙыҡ өҫтөнә алып тора ла инде.

Әйтергә кәрәк, әгәр ҙә реализм тормоштағы типик шәхесте үрнәк яһаһа, ә романтизм тыштан да, эстән дә үҙен азат тойған шәхесте идеаллаштырһа, *символизм* нигеҙҙә сер томанына төрөнгән, уҡыусы өсөн үҙе бер сер йомғағы булып торған мистик кешене идеаллаштыра. М. Ғафури әҫәрендәге Алтынсәс – ана шундай серле идеал образ. Ул – матурлыҡ, ғорурлыҡ, азатлыҡ символы. Үҙ бәҫен, матурлығын, иреген яҡлап үлемгә һәм башҡа аҙымдарға барырға әҙер булыуы, ошо сифатын, әҫәрҙә әйтелгәнсә, “борон заманда... был көндәргә” тиклем һаҡлап ҡалыуы менән балыҡсы ҡарт өсөн дә, үҫмер малайҙар өсөн дә идеал. Тимәк, азатлыҡ, матурлыҡ, бәҫ-абруй өсөн көрәшеүсе зат халыҡ хәтерендә һаҡлана, онотолмай.

М. Ғафуриҙың халыҡтың милли аңын уятырҙай һәм алға әйҙәрҙәй идеал образ тыуҙырырға ынтылыуы “Был кемдең ҡәбер ташы?” (1913) нәҫерендә лә үҙен нык тойҙора. Әҫәр үткәндәрҙең томан артында ҡалған кеүек онотолоуына оло үкенес, һағыш менән һуғарылған. Башта уҡыусыға, артабан үҙе хаҡында һөйләүен һорап риторик һорауҙар менән мөрәжәғәт итеү формаһында ҡоролған әҫәрҙә ҡәбер ташы автор өсөн үткәндәрҙең берҙәнбер шаһиты, ваҡыттарҙы тоташтыра килгән берҙән-бер иҫтәлек. Ләкин яҙыуҙары ла кителеп-ҡойолоп бөткән ҡәбер ташы тәрән сер һаҡлай, уның янындағы ҡарт ағастарға мөрәжәғәт итеү ҙә нәтижәһеҙ. Ул ҡәбергә кем күмелгән – берәй изге затмы, ҡаһарманмы, хан ҡыҙымы... Әммә нисек кенә булмаһын, ул ҡәбер тарихыбыҙ, унда ятҡан кеше йәшәгән замандар хаҡында уйланырға мәжбүр итә. Яҙыусының үҙ уй-хыялында ҡәбер эсендә ятҡан кешене батыр, хатта меңләгән яугир башлығы, уның башҡарған эштәрен “балалар өсөн емерелмәҫлек,.. уларҙы ҡиәмәткә ҡәҙәр... рәхәтлектә йәшәтерлек” бер дәүләт төҙөү юғарылығындағы илаһи бер ғәмәл итеп күргәһе килә. Автор хыялында тыуҙырылған идеал дәүләтте һүрәтләп, данлы тарихты бәйәнләп кенә ҡалмай, билдәһеҙ ҡәбергә сәскә һала [2, 252–253 бб.]. Был эпизод әҙәрҙең символик йөкмәтке асылын тағы ла көсәйтеберәк ебәрә: үткәне булғандың һәм уға ихтирам менән ҡарай белгәндең киләсәге булырға тейеш.

Ҡара реакция һәм унан һуңғы ҡатмарлы осорҙа башҡорт әҙәбиәтендә мөхәббәт төп темаларҙың береһенә әүерелә. Әлбиттә, уны сағылдырыу матурлыҡ, камиллыҡ, ҡатын-ҡыҙ яҙмышы, уға мөнәсәбәт мәсьәләләрен яҡтыртыу менән үрелеп килә. Был мәсьәләләргә ижтимағи күҙлектән килгән мәғрифәтселек һәм тәнҡитле реализм йүнәлештәрендәге әҫәрҙәрҙә деспотизмға, дини ҡанундарға, иҫке традицияларға һәм йолаларға нигеҙләнгән ғөрөф-ғәҙәттәрҙең хоҡуҡһыҙ ҡор-

баны булған ҡатын-ҡыҙ яҙмышы проблемаһы беренсе планға сығарыла. Шул уҡ ваҡытта был осорҙа әҙәбиәттә мөхәббәткә абстрактлаштырып, кеше ихтыярынан башҡа йәшәгән, ниндәйҙер бер ғәжәйеп мистик көскә, илаһилыҡҡа эйә булған сығанаҡ итеп ҡарау, уны йәшәү менән тиңләштереү тенденцияһы көсәйә. Ҡайһы бер әҫәрҙәрҙә мөхәббәт йәшәү фәлсәфәһе һымаҡ аңлатыла, улай ғына ла түгел, донъяны танып белеү фәлсәфәһе кеүек ҡарала башлай. Күп кенә яҙыусылар мөхәббәтте йәшәйеш ҡануны менән бәйләй, мәғәнәһеҙ тормошҡа йәм, нур биреүсе, йәшәйеште мәғәнәле, үлем менән тамамланыусы ғүмерҙе бәхетле һәм ләззәтле итеүсе, кешене рухи сафландырыусы, юғары күтәреүсе мәңге юҡ булмай торған көс итеп ҡарай һәм уны кеше ихтыярынан тыш йәшәй, тип иҫәпләй. Уларса, был көс тән менән йәнде бер бөтөнгә әүерелдереүсе сығанаҡ, матур һәм көслө заттарҙы бер-береһенә рухи һәм физик тартылдырыусы ғына түгел, бәлки "мин" һәм башҡалар, ысынбарлыҡ һәм теге донъя, реаль һәм сиктән ашҡан дөйөм һәм абстракт (трансценденталь) араһында күпер булып тора [4, 121 б.; 5, с. 43–45].

Романтик-модернистик йүнәлештә ижад ителгән әҫәрҙәрҙә мөхәббәт илаһи тасуирлана: ул тыуҙырған хис-тойғоларҙы бөтә тулылығында һәм нескәлегендә кисереү өсөн ер тормошонан, уның ваҡлыҡтарынан айырылырға, илаһи бейеклектәргә һәм бөйөклөктәргә ынтылырға кәрәк. Ошондай фәлсәфәне сағылдырған әҫәрҙәрҙә ер менән ғаләм, тәбиғәт менән күк, был донъя менән теге донъя, ер ҡыҙы менән фәрештә, йәшәү менән үлем, бәхет менән ғазап... араһында сиктәр юйылып, мөхәббәт ғәжәйеп бер сер пәрҙәһенә төрөлөп яҡтыртылыусан. Бына, мәҫәлән, М. Ғафуриҙың "Тәьҫораттар" (1913) тигән нәҫере. Унда яҙыусы ижтимағи тормоштан, социаль ысынбарлыҡтан бөтөнләй азат булған, бөтә нәмәне үҙенә буйһондорған, илһамландырған, серле, илаһи мөхәббәткә дан йырлай. Мөхәббәткә мәдхиәне тәрәнәйтеп, мәғәнәүи яҡтан байытып килгән символдар әҫәрҙе бермә-бер тулыландыра, ғәжәп эмоциональ һәм фәлсәфәүи эстәлекле итә. Әҫәрҙә мөхәббәт йәшәйеш фәлсәфәһе кеүек аңлатыла, асылына төшөнөү һәм аңлатып биреү ҡапыл да мөмкин булмаған ниндәйҙер бер көс һымаҡ яҡтыртыла.

Нәҫер *импрессионистик* алымға – ауаз-тауыш үҙгәрештәренә ҡоролған. Тынлыҡты тауыш-хәрәкәт, уны тағы ла тәрәнерәк тынлыҡ, ә уны үҙ сиратында "баяғынан да әҫәрле, серле моңло тауыш" һәм "һәммә нәмәнең" хәрәкәте алмаштыра. Тәбиғәттәге ошо үҙгәрештәр менән хикәйәләүсенең хис-кисерештәре лә үҙгәрә бара: шатланыу – һағая төшөп нимәнелер көтөү – ләззәт, рәхәтлек кисереү.

Импрессионизмдың әҙәби концепцияһы нигеҙендә нескә күңелле, тормоштоң, тирә-йүндәге күренештәрҙең гүзәллегенә, кеше ғүмерендәге айырым миҙгелдәргә һоҡлана белгән зауыҡлы, хис-кисерешкә бай шәхесте раҫлау ята [12, с. 240]. Был алымға мөрәжәғәт итеп М. Ғафури нәҫерендә тәьҫирләнеүсән, күҙәтеүсән, тәү ҡарашҡа ғәҙәти тойолған күренештәрҙән матурлыҡ тапҡан зауыҡлы хикәйәләүсе образын тыуҙыра.

Эпитеттарҙың, сағыштырыуҙарҙың муллығы, теленең һығылмалылығы, серле яңғырауы, биҙәклелеге менән айырылып торған был әҫәрҙә тәбиғәттәге һәм хикәйәләүсе күңелендәге үҙгәрештәрҙе тасуирлау иң юғары нөктәгә етә.

Айлы төндә Ағиҙел буйындағы ағаслыҡтар араһында "ниндәйҙер бер матурлыҡ аҫтында арбалған-сихырланған кеүек" ултырған егет менән ҡыҙ ер йөҙөндәге бөтә нәмәнең "мәғәнәүи бер ҡеүәттең тәьҫиренән… бик тәрән сөкүнәтҡә (тынлыҡҡа)" сумғанлығына, ай яҡтыһында хатта "ағастар аҙ ғына аҡҡа маил булып (мансылып, төрөнөп)" торғанлығына, "ҡайҙандыр бер илһам, серле бер тәблиғтең (хәбәрҙең) булыуын" көткәнлегенә иғтибар итә. Шунан һуң һүрәтләнгән матурлыҡ тәбиғәттең тынлығы (сөкүнәт) тыуҙырған ғәжәп бер күренеш, торош итеп күрһәтелә. "Был ваҡытта бөтә ер өҫтөн бик тәрән сөкүнәт ҡаплаған", бөтә тәбиғәт был тынлыҡ алдында теҙ сүгеп, уны боҙорға йөрьәт итмәйенсә, нимәлер көтә. Автор тәбиғәттәге илаһи сөкүнәт мәлендәге күренештәрҙе бер-бер артлы һынландырып үтә. Бына йондоҙҙар ғәҙәттәренсә күп йымылдамай, елберҙәмәй, шөбһәһеҙ бер нәмәгә мәфтүн булып (һоҡланып, ғашиҡ булып), шаҡ ҡатып урындарында торалар. Тулған ай ҙа, бер ғазамат (ололоҡ, олпатлыҡ) алдында сәждә ителгән (баш эйгән) кеүек ергә ҡарап, урынында ҡуҙғалмай тора, нурҙары үҙенең ихтыярынан башҡа ғына ергә һирпелә… Ағастарҙың япраҡтары, был сөкүнәтте боҙмаҫ өсөн, бер-береһенә бәрелешеүҙән, ботаҡтары бер-береһенә сәләм биреүҙән туҡтап… торорға мәжбүр булғандар. Мәңгенән бирле… фәкәт мөһабәт… аға торған Ағиҙелдең һыуы, тауыш сығарыуҙан ҡуркып, үҙенең ағыуын, тәртипле рәүештә әкренәйтеп, ни нәмәгәлер итәғәт иткән" һ.б. [3, 303–304 бб.].

Илаһи тынлыҡ үҙенең иң юғары нөктәһенә еткәс, нәҫергә һандуғас образы килеп инә. “Һәммә нәмә… был ләззәтле минуттарҙың, был илһам ваҡытының оҙаҡҡа һуҙылыуын теләгән” саҡта “бөгөлөп-һығылып үҫкән ағастар араһында” бер һандуғас шыңғырҙатып, бер күтәреп, бер төшөрөп, һыҙҙырып-һыҙҙырып сутылдатып“ һайрап ебәрә. Ул һайраған һайын “мөхәббәт, ғишыҡ, сер моңло тауыш менән тирә-яҡҡа тарала”, ер өҫтө матурлана, илһам менән тула бара һәм “һис бер енәйәт һәм уҫаллыҡ эшләмәгән мөҡәддәс (изге) һүрәтте” ала. Һандуғас һайрауҙан туҡтау менән тәбиғәт был ниндәй мөғжизә булды әле тигәндәй, иләҫләнеп тағы ла тәрәнерәк тынлыҡ ҡосағына сума. Унда “ғазамат (олпатлыҡ), әллә ниндәй мәғәнәүи бер ҡеүәт тағы ла арта” төшә. Әммә күп тә үтмәй әҫәрҙең беренсе өлөшөндә тынлыҡ хәлендә һүрәтләнгән бөтә нәмә “шатлыҡтарын белдереү өсөн… хәрәкәткә килә”, “бер-береһенә мәғәнәүи,.. ныҡлы бер көс менән бәйләнә,.. бер-береһен ҡосаҡларға, бер-береһенең муйынына һырылырға ынтыла башлай”. Күктәге йондоҙҙарҙың да һандары, айҙың да нурҙары артып китә, япраҡтар ҙа бер-береһенә сәләм бирешә, айҙағы Зөһрә ҡыҙ ҙа, ергә ҡарап, башын эйә… Был күренештән тулҡынланған һандуғас тағы баяғыһынан да әҫәрлерәк, моңлораҡ итеп һайрап ебәрә. Нәҫерен яҙыусы ошондай юлдар менән тамамлап ҡуя: “Был минутта һәммә нәмә тәьҫиренең иң ниһайәтенә еткән ине. Сөнки был минутта ер өҫтөндә *ысын мөхәббәт менән ысын ғишыҡ хөкөм һөрә ине…* (курсив беҙҙеке – Ғ.Ҡ.). Аһ, ысын мөхәббәт менән ысын ғишыҡ!..” [3, 306 б.].

Күренеүенсә, әҫәрендә М. Ғафури мөхәббәтте ғәмәлдәге бөтә нәмәнең нигеҙен тәшкил иткән, уларҙы хәрәкәткә килтергән, илаһиландырған, алға әйҙәгән иң серле, иң өҫтөн көс итеп күҙ алдына баҫтыра. Уны автор тәбиғәт матурлығынан да юғарыраҡ, уға үҙе яңы һыҙаттар, мәрхәмәтле гүзәллек өҫтәүсе, йәшәйештәге хәҡиҡәтте һиҙемләүсе иң оло матурлыҡ, иң юғары камиллыҡ тип иҫәпләй һәм шунан сығып уҡыусыға ысынбарлыҡта ер тормошонан тыш ниндәйҙер аңлап һәм аңлатып булмаҫлыҡ өҫтән ҡеүәт бар, тигән идеяны еткерергә тырыша: “Быларҙың һәммәһе үҙҙәренең өҫтәрендә был ҡеүәттең ғалиб (өҫтөн, юғары) булыуын һиҙәләр… Һәммә нәмә күңелдәрен илһам килә торған тарафҡа йүнәлдергәндәр”. Тап ошо илаһи көс-ҡеүәт арҡаһында донъя иҫ киткес матур, ер йөҙөндә яуызлыҡ, насарлыҡтар тантанаһына сик ҡуйыла, бөтә нәмәләр – йәнлеләре лә, йәнһеҙҙәре лә бер бөтөн организм кеүек гармониялы йәшәргә ынтыла. Мөхәббәт – йәшәйештең төп ҡануны. Ғәләмдәге бөтә нәмәләр ҙә – тәбиғәт һәм кеше, ер һәм күк ошо ҡанун буйынса бер-береһен яратып, “бер низам (тәртип) менән” йәшәргә тейеш. Һөҙөмтәлә әҫәрҙә, ғалимә Д. Заһидуллинаның бик дөрөҫ билдәләүенсә, “мөхәббәт хәҡиҡәткә төшөнөү, хатта шуның аша тормошто, йәшәйешкә мөнәсәбәтте һәм һуңғы сиктә кешене үҙгәртеү юлы тип күрһәтелә” [4, 139 б.].

XX быуат башында башҡорт әҙәбиәтенә яңы алымдар индереү йәһәтенән әҙәби процестың алғы һыҙығында барған М. Ғафури менән бер ҡатарҙан Ф. Вәлиев, Ғ. Рафиҡи, Ә. Танғатаров, Ш. Бабич, Д. Юлтый, К. Кәриповтар ҡыҙыҡлы тәжрибәләр яһай. Уларҙың ҡайһы бер ижад емештәре ҡара реакция һәм унан һуңғы осорҙағы, империалистик һуғыш йылдарындағы башҡорт әҙәбиәтендә романтизм менән тығыҙ бәйләнештә булған модернистик тенденцияның шаҡтай ҡеүәтле художестволы-эстетик көс рәүешен ала төшөүе, уның символизм, импрессионизм, экспрессионизм кеүек ағымдары формалаша башлауы тураһында һөйләй. Күп кешеләр өсөн уртаҡ, типик булған хәҡиҡәтте яҡтыртҡан реализмдан, ҡапма-ҡаршы ҡарашлы һәм холоҡло кешеләр әһәмиәтле тип иҫәпләгән ике төрлө дөрөҫлөктө сағылдырған романтизмдан айырмалы рәүештә был модернистик ағымдар бер кеше тапҡан һәм башҡаларға күрһәтергә теләгән дөрөҫлөктө юғары күтәрә, кеше, донъя, йәшәйеш хаҡында үҙ “тәғлимәтен”, үҙ фәлсәфәһен булдырырға ынтылған әҙип шәхсиәтен беренсе планға ҡуя. Быларҙың бөтәһе лә башҡорт мөхитенә XX быуат башы алып килгән яңылыҡтар, башҡорт милләтенең формалашыуы, ижтимағи, фәлсәфәүи, сәйәси, эстетик ҡараштарындағы үҙгәрештәр, башҡорт әҙәбиәтенең яңы капиталистик ҡоролош, киҫкен тарихи ваҡиғалар шарттарында бөтә Рәсәй һәм донъя әҙәбиәте хәрәкәте эсенә килеп кереүе менән бәйле ине.

ӘҘӘБИӘТ

1. *Борев Ю.* Модерн: мир в лучах заката // Теория литературы. В 4-х томах. Т. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 616 с.

2. *Гафури М.* Әсәрләр. 4 томда. Т. 1. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1980. 535 б. (*Гафури М.* Сочинения. В 4-х томах. Т. 1. Казань: Тат. кн. изд-во, 1980. 535 с.).

3. *Ғафури М.* Әҫәрҙәр. 4 томда. Т. 2. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1978. 416 б. (*Гафури М.* Сочинения. В 4-х томах. Т. 2. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1978. 416 с.).

4. *Заһидуллина Д.* Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2003. 255 б. (Загидуллина Д. Модернизм и татарская проза начала XX века. Казань: Тат. кн. изд-во, 2003. 255с.).

5. *Колобаева Л.А.* Русский эрос: философия и поэтика любви в романе начала и конца XX в. // Вестник Московского университета. М., 2001. С. 43–44.

6. Краткий словарь по эстетике. М.: Просвеще-

ние, 1983. 223 с.

7. *Ҡунафин Ғ.С.* ХХ быуат башы башҡорт әҙәбиәтенең идея-художество үҙенсәлектәре. Өфө: Ғилем, 2016. 368 б. (*Кунафин Г.С.* Идейно-художественные особенности башкирской литературы начала ХХ века. Уфа: Гилем, 2016. 368 с.).

8. *Соколов А.Г.* История русской литературы конца XIX – начала XX века. М.: Высшая школа, 2000. 432 с.

9. *Федоров А.А.* Введение в теорию и историю культуры. Словарь. Уфа: Гилем, 2003. 268 с.

10. *Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.

11. *Хөсәйенов Ғ.Б.* Әҙәбиәт ғилеме һүҙлеге. Өфө: Китап, 2006. 248 б. (*Хусаинов Г.Б.* Словарь литературоведческих терминов. Уфа: Китап, 2006. 248 с.).

12. Теория литературы. В 4-х томах. Т. 4. Литературный процесс. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 616 с.

13. Эстетика. Словарь. М.: Политиздат, 1989. 447 с.

REFERENCES

1. Borev, Yu. *Modern: mir v luchakh zakata* [Modernism: World in the sunset rays]. *Teoriya literatury* [Literary theory]. In 4 vols. Vol. 4. Moscow: IMLI RAN, 2001. 616 p. (in Russ.).

2. Gafuri, M. *Sochineniya* [Essays]. In 4 vols. Vol. 1. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1983. 428 p. (in Bashkir).

3. Gafuri, M. *Sochineniya* [Essays]. In 4 vols. Vol. 2. Ufa: Bashkisrskoe knizhnoe izdatelstvo, 1978. 416 p. (in Bashkir).

4. Zagidullina, D. *Modernizm i tatarskaya proza nachala XX veka* [Modernism and Tatar prose of the early 20th century]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 2003. 255 p. (in Tatar).

5. Kolobaeva, L.A. *Russkiy eros: filosofiya i poetika lyubvi v romane nachala i kontsa XX v.* [Russian Eros: Philosophy and poetics of love in the novel of the early and late 20th century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Filologiya* – Bulletin of the Moscow University. Ser. Philology, 2001, no. 6, pp. 43–44 (in Russ.).

6. *Kratkiy slovar po estetike* [Short dictionary of aesthetics]. Moscow: Prosveshchenie, 1983. 223 p. (in Russ.).

7. Kunafin, G.S. *Ideyno-khudozhestvennye osobennosti bashkirskoy literatury nachala XX veka* [Ideological and artistic features of Bashkir literature of the early 20th century]. Ufa: Gilem, 2016. 368 p. (in Bashkir).

8. Sokolov, A.G. *Istoriya russkoy literatury kontsa XIX – nachala XX veka* [History of Russian literature of the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Vysshaya shkola, 2000. 432 p. (in Russ.).

9. Fedorov, A.A. *Vvedenie v teoriyu i istoriyu kultury. Slovar* [Introduction to the theory and history of culture. Dictionary]. Ufa: Gilem, 2003. 268 p. (in Russ.).

10. Khalizev, V.E. *Teoriya literatury* [Literary theory]. Moscow: Vysshaya shkola, 2000. 398 p. (in Russ.).

11. Khusainov, G.B. *Slovar literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of literary terms]. Ufa: Kitap, 2006. 248 p. (in Bashkir).

12. *Teoriya literatury* [Literary theory]. In 4 vols. Vol. 4. Literaturnyy protsess [Literary process]. Moscow: IMLI RAN, 2001. 616 p. (in Russ.).

13. *Estetika. Slovar* [Aesthetics. Dictionary]. Moscow: Politizdat, 1989. 447 p. (in Russ.).

DOI 10.24412/2223-0564-2021-3-41-47
УДК 82(470.57)-1(092):28:82.01/.09

Г.Х. Абдрафикова

АРАБОГРАФИЧНОЕ СОЧИНЕНИЕ БАШКИРСКОГО ПОЭТА-ПРОСВЕТИТЕЛЯ Г. КИИКОВА «‘АЙН АР-РИЗА»

Аннотация

Изучение письменных памятников всегда вызывает интерес в мировой науке. Арабографичные источники на тюрки не являются исключением. Однако отсутствие или малое количество специалистов, умеющих читать такие тексты, препятствует активному введению их в научный оборот. Цель настоящей статьи – введение в научный оборот арабографичной книги на тюрки башкирского поэта-просветителя Гарифуллы Киикова «‘Айн ар-риза», со дня выхода в свет которой прошло уже сто двадцать лет. Исследуемый экземпляр книги был выяв-

Абдрафикова Гульнара Хависовна, *кандидат филологических наук, и.о. ведущего научного сотрудника, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа), e-mail: gulnara1273@bk.ru*

Gulnara Kh. Abdrafikova, *Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (Ufa), e-mail: gulnara1273@bk.ru*

© Абдрафикова Г.Х., 2021

лен в ходе археографической экспедиции в Татышлинский район Республики Башкортостан, а в дальнейшем в фондах архивов и Национальной библиотеки в Уфе были найдены другие экземпляры разного уровня сохранности. В исследовании был применен комплексный подход к археографическому изучению текстов на арабографичном тюрки с практической транслитерацией, текстологическим изучением, составлением глоссария слов на арабском, персидском, турецком языках, встречающихся в тексте, подготовкой факсимиле текста памятника. Введение в научный оборот указанного сочинения Г. Киикова станет вкладом, как в изучение арабографичных источников края в целом, так и в изучение творчества самого автора. Исследование текста памятника также проливает свет на новые страницы биографии его отца – башкирского поэта XIX в. Г. Сокороя (новые факты жизни и деятельности, перипетии духовных исканий и становления как поэта и религиозного деятеля суфийского толка), а также пополняет сведения об особенностях распространения суфизма в Урало-Поволжье во второй половине XIX в.

Ключевые слова: письменные памятники, старопечатные книги, арабографичные источники, поэт-просветитель, традиции суфизма

Gulnara Kh. Abdrafikova

ARABOGRAPHIC BOOK OF BASHKIR POET AND EDUCATOR GARIFULLA KIIKOV «‘AIN AR-RIZA»

Abstract

The study of written records is always of interest in world science. Arabographic sources in the Turkic language are no exception. However, the absence or small number of specialists who can read such texts hinders their introduction into scientific use. The aim of this article is to introduce into scientific use an arabographic book in the Turkic language written by Bashkir poet and educator Garifulla Kiikov «‘Ain ar-riza», which has already been published one hundred and twenty years ago. The book was found during an archaeographic expedition to one of the districts of the Republic of Bashkortostan; later on, other copies of different levels of preservation were found in the archives and the Ufa National Library. An integrated approach was applied in the archaeographic research of the text in Arabic Turkic with practical transliteration, textological study, compilation of a glossary of words from the Arabic, Persian and Turkish languages found in the text and preparation of a facsimile of the text. The introduction of this Kiikov’s work into scientific use will become a contribution both to the study of arabographic sources of the region as a whole, and to the study of the works by Kiikov himself. The study of the text of the book also adds new evidence to the biography of his father Gali Sokoroy revealing facts about his life and work, spiritual quest and formation as a poet and a religious figure of the Sufi persuasion and information about the peculiar features of the spread of Sufism across the Ural-Volga region in the second half of the 19th century.

Key words: B written records, early printed books, arabographic sources, poet and educator, Sufi traditions

Введение. Известный башкирский поэт-просветитель, историк, публицист, религиозный деятель Гарифулла Кииков (1861–1918) оставил богатое и многогранное творческое наследие. Оно относится к той категории письменных памятников, возможности изучения которых башкирский народ был надолго лишен по причине перехода от арабской графики на латиницу и кириллицу в 20–30-х гг. XX в. Разностороннее творчество Г. Киикова, несомненно, имеет большое значение для изучения духовной культуры башкирского народа. Его сочинения емки и информативны по содержанию. Однако тексты его сочинений, кроме некоторых образцов, до сих пор не изучены и не введены в научный оборот посредством транслитерации и перевода на современный башкирский язык, не говоря уже о переводах на другие мировые языки.

Творческое наследие Г. Киикова и новизна изучения. Гарифулла Мухамметгалиевич Кииков родился 23 марта (4 апреля) 1861 г. в деревне Старый Чукур Татышлинской волости Бирского уезда Уфимской губернии (ныне д. Старочукурово Татышлинского района Республики Башкортостан) [8; 9].

В своем рукописном труде «История башкир и родословие иректинцев» о своем роде Гарифулла дает такую информацию: «Сын Кара-Газиза – Ахматшейх, его сын – Абдал-бей, его сын – Чулман-бей, его сын – Колманбей, его сын – Дормен бей, его сын – Кодайколбей, его сын – Кодаяр-бей, его сын – Давлетъяр-бей, его сын – Давлетбай-бей, его сын – Исан-хан, его сын – Бырак-хан, его сын – Кучуган-хан (В Сибирии именуемый Кучем-хан, а также Госман), его сын – Киикбей, его сын – старшина Шариф, его сын – имам Габ-

дессалих, его сын – ахунд, мударрис и ишан Мухамметгали. Его сыном являемся мы – бедный ахунд Гарифулла...» [1, с. 266]. Это был знатный и старинный башкирский род «с традициями служения Российскому государству» [12, с. 172].

Получив начальное образование в медресе своего отца, Г. Кииков в дальнейшем обучался в медресе городов Казань и Касимов. Будучи призванным в 1884 г. на военную службу в Царскую армию, прослужил там более пяти лет сначала рядовым, потом военным фельдшером и вернулся в чине унтер-офицера [6, с. 84]. Хорошо владел арабским, персидским, русским языками. Вернувшись со службы, с целью продолжения учебы он отправился в Казань. Однако осенью 1889 г. по причине тяжелой болезни своего отца (который 10 декабря того же года скончался) был вынужден вернуться домой, оставив учебу. С этого времени Г. Кииков переезжает в деревню Старый Курдым той же Татышлинской волости и обосновывается там. Всю жизнь он посвятил обучению детей и просвещению жителей всей округи, приспособив вначале мечеть в своей деревне под медресе, а потом благодаря народным пожертвованиям построив новое медресе [6, с. 95].

Согласно данным «Формулярного списка о службе ахуна дер. Курдымовой Бирского уезда Уфимской губернии Гарифуллы Мухамметгалиева Киикова», составленного в 1906 г., Г. Кииков «по выдержании испытания в знании правил магом[етанской] рел[и]гии Уф[имской] губ[ернии] Правлением 9 апреля 1891 г. назначен имамом-хатибом д. Курдымово. Уф[имским] губ[ернским] Пр[авлени]ем за отлич[ную] служ[ебную] деят[ельно]сть возведен в звание ахуна 24 мая 1893 г.» [6, с. 84]. В этом же документе мы находим информацию о том, что Г. Кииков «в 1891 г. совершил хадж в теч[ение] 8 месяца» и что «16 и 17 марта и 31 мая 1904 г. за успешный сбор пожертвований в пользу больных и раненных воинов на Д[альнем] Вост[оке] Оренбургским муфтием объявлен[а] благодарность» [6, с. 84]. Жизнь Г. Киикова оборвалась трагически в сентябре 1918 г., когда он получил смертельное ранение саблей от рук разъяренных красноармейцев, проходящих через его деревню, – только за то, что тот был представителем духовенства.

На основе исторических документов и преданий им был написан вышеупомянутый труд по истории башкирского народа и рода Иректы, к которому относится и сам поэт, – именуемый «Таварих-и башкордиан вэ энсеб-и ирэктевиан» («История башкир и родословие иректинцев»). Рукопись осталась неопубликованной и сохранилась лишь частично. Около 30 фрагментов ее хранится в фонде рукописей им. Г.Б. Хусаинова Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук и фонде Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Некоторые образцы этой рукописи были транслитерированы и переведены на современный башкирский язык М.Х. Надергуловым и увидели свет в виде отдельной книги [6]. Подготовленные им же избранные тексты поэтических произведений вошли в «Антологию башкирской литературы XIX в.» [1, с. 250–253].

Несмотря на то, что большая часть письменного наследия Г. Киикова осталась в рукописном виде, две книги увидели свет при его жизни и дошли до наших дней. Это «ʻАйн ар-риза» («Ризалыҡ сығанағы»=«Источник довольства»)[1] [5]), посвященная его отцу Гали Сокорою, и «Диван-и сыбйан, или Кафийат-и сыбйан» («Сборник стихотворений для детей, или Рифмы для детей») (см. [9, с. 354–355]).

Интересующая нас книга «ʻАйн ар-риза» увидела свет в 1900 г. в Казани на тюрки Урало-Поволжья на арабской графике и более чем за 100 лет ни разу не издавалась в полной транслитерации на кириллицу и на понятном широкому кругу ученых и читателей современном башкирском языке, не говоря уже о других мировых языках. Лишь некоторые отрывки, в количестве 4–5 страниц, из этого сочинения вошли в вышеупомянутую книгу «История башкир и родословие ирактинцев» [6]. Текст и полное содержание труда известны узкому кругу исследователей. Немецкий ученый Михаэль Кемпер в одной из своих работ главу под названием «Булгарский патриотизм мусульманского гражданина России: Мухаммад-Али ал-Чукури (1826–1889)» посвятил Гали Сокорою [4]. При описании его жизненного и творческого пути М. Кемпер опирается также и на сочинение Г. Киикова с названием «Айн ар-рида китабы». Но, как признается сам М. Кемпер, в его «распоряжении была лишь одна рукопись Арифаллаха, не полностью законченный автограф всего из 19 листов», которую он называет «небольшой суфийски ориентированной биографией», где «подробным образом представляются и оцениваются добродетели и достижения отца» и которая, по его указаниям, хранится в Казанском университете под шифром 680-г [4, с. 496]. Книга, изданная в 1900 г., в руки исследователя, видимо, не попала.

Таким образом, научных работ, посвященных комплексному изучению сочинения Г. Киикова «ʻАйн ар-риза» с транслитерированием его полного текста с арабского алфавита на кириллицу, комментариями, составлением глоссария, с приложением факсимиле текста, до сих пор не было.

Материалы и методы. В фонде рукописей им. Г.Б. Хусаинова Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН хранятся несколько неполных

[1] Полное название книги в оригинале и на башк.: «Ғәйн әр-риза китабы (Хәҙрәт шишмәһе, йәки Күрҙем шишмәһе)», что в переводе на русск.: «Книга ʻАйн ар-риза (Родник хазрата, или Курдымовский родник)». ʻАйн ар-риза, в свою очередь, в переводе с араб.: Ризалыҡ сығанағы – Источник довольства.

экземпляров рассматриваемой книги Г. Кииковa 1900 г. издания разного уровня сохранности, у которых отсутствуют те или иные страницы. В ходе археографической экспедиции в Татышлинский район Республики Башкортостан в 2017 г. (в рамках гранта РФФИ) в музее при мечети дер. Старочукурово был найден экземпляр книги в хорошей сохранности, но с отсутс-твующими обложкой, титульным листом, начальными 1 и 2 страницами, а также несколькими страницами в конце. В дальнейшем полный, хорошо сохранившийся экземпляр был обнаружен в Национальной библиотеке им. А.З. Валиди Республики Башкортостан (далее – НБ им. А.-З. Валиди РБ). В 2019 г. впервые за 119 лет было осуществлено новое издание книги со вступительной статьей, транслитерацией с арабс-кого алфавита на кириллицу, глоссарием и примечаниями, с приложением факсимиле полного текста на компакт-диске [7]. Для этого был применён комплексный подход к археографическому изучению текстов на арабографичном тюрки. Появление на свет такого исследования в дальнейшем даст возможность перевода сочинения Г. Кииковa на русский и другие мировые языки.

Об основном содержании сочинения. Свой труд «‘Айн ар-риза» Г. Кииков посвятил своему отцу – известному башкирскому поэту-суфию Гали Сокорою (также известен как Гали Чукури) – Мухамметгали Габдессалиховичу Кииковy (1826–1889), описав его жизнь и деятельность с юных лет и до глубокой старости. Что-то он записал по рассказам отца, пока тот был жив, что-то – по своим воспоминаниям и воспоминаниям других людей, хорошо знавших его. Сделал он это с намерением, чтобы не предались забвению все старания и служения отца ради просвещения своего народа [5, с. 4; 7, с. 21], с одной стороны, и, чтобы отдать сыновий долг перед своим родителем, с другой [5, с. 6–7; 7, с. 23]. Г. Кииков в своей книге выражает сожаление о том, что при жизни не смог услужить отцу в таком вопросе, хотя и упоминает о том, что именно он, младший сын Гарифулла, еще с юных лет был переписчиком рукописей Г. Сокороя [5, с. 25; 7, с. 41].

Книга вовсе не представляет собой простое жизнеописание Г. Сокороя с фактами его биографии. Жизненный путь отца Г. Кииков освещает с точки зрения его духовного роста и восхождения по суфийской лестнице, описывая, как он, достойно преодолевая все тяготы и лишения, преподнесенные судьбой, шаг за шагом постигал Бога, его истины, усовершенствовал знания и достиг высоких духовных ступеней суфийского братства-тариката Накшбандийа. Г. Кииков рассказывает о наставниках-мюршидах отца, как местных, так и зарубежных, о четырехкратном совершении им хаджа (паломничество в святыни ислама Мекку и Медину – *Г. А.*), а также о воспитании им своих учеников-мюридов, излагает историю родника, который до сих пор называют родником хазрата, и, в целом, дает представление об особенностях распространения традиций суфизма на территории Урало-Поволжья.

Литературным творчеством Г. Сокорой начал заниматься в семнадцать лет. По словам М. Кемпера, он был «автором многочисленных суфийских, религиозно-правовых, дидактических, а также историографических трудов, которые представляют его как образованного ученого и активного Накшбанди» [4, с. 495]. «Его творчество представлено многочисленными произведениями религиозного и светского характера, сохранилось около 100 его произведений; издано около 10 книг, 5 из них при жизни поэта» [3, с. 38]. Часть произведений дошла до наших дней лишь в виде рукописей, которые хранятся в фондах библиотек и музеев Уфы, Санкт-Петербурга, Казани. Так, в НБ им А.-З. Валиди РБ хранятся 9 тетрадей с рукописным текстом, написанным рукой Г. Сокороя и его сына Гарифуллы.

Как известно, наряду со странами Ближнего Востока, Средней Азии, Кавказа, Индии, большое влияние традиции суфизма до начала XX в. оказывали на Урало-Поволжье. Изучение жизни и деятельности отдельных представителей исламского мистицизма (суфизма) имеет определенный интерес для современных исследователей.

Гали Сокорой являлся видным представителем суфиев, получившим в народе признание как *ҡотобйыһан, ҡотоб әл-Ирәкте*[2] и оставивший в Урало-Поволжье много последователей-мюридов. Он родился в вышеупомянутой дер. Старый Чукур[3] Татышлинской волости Бирского уезда Оренбургской губернии, в которой впоследствии появился на свет его сын Гарифулла.

Как видно, Сокорой (Чукури) – это тахаллус (псевдоним) Гали, связанный с названием родной деревни. Судя по рукописям, у него были и другие тахаллусы: Бахари (от имени матери Гульбахар), Иректави (от названия башкирского рода), Киики (от имени прадеда, давшего фамилию роду), Булгари (указание на булгарскую идентичность) и другие.

Помимо уроков своего отца Габдессалиха, Мухамметгали с семи лет до двадцати одного года учился в пяти самых крупных и известных медресе Бирского, Усинского, Мензелинского, Белебеевского уездов, далее, в 1849 г., поступил в знаменитое Стерлибашевское медресе. Некоторое время проучившись

[2] ‘Полюс вселенной’, ‘полюс иректинцев’; *кутб* в переводе с арабского – ‘ось’, ‘полюс’, ‘точка опоры’; в суфизме – верховный ранг в иерархии *авлийа-святых, провидцев.*

[3] *Иҫке Сокор* от башк. *сокор* ‘яма’.

в последнем, он получил степень хальфы (наставник, учитель в дореволюционных медресе). В 1850–1851 гг. Мухамметгали преподавал в том же Стерлибашевском медресе в одно время с другим его хальфой Шамсетдином Заки – известным башкирским поэтом-суфием, у которого получал уроки творческого мастерства [2, с. 185]. Об этих годах жизни отца в книге «‘Айн ар-риза» Г. Кииков пишет, что хазрат, начиная с малых лет до двадцати одного года в зимние дни получая уроки в медресе, в летние дни возвращаясь к домашней работе, благодаря хлопотам отца, переходя из медресе в медресе, в медресе семи наставников получил уроки по книгам двенадцати дисциплин. И при хождении начиная с малых лет до двадцати одного года из медресе в медресе стал учеником-мюридом у трех ишанов, получил уроки на религиозном поприще. В двадцать один год, вернувшись с приобретенными знаниями, начал обустраивать свою жизнь, до сорока пяти лет снова стал мюридом у четырех ишанов; завершив уроки духовных практик *Латаиф-и-сабга*[4], достиг макамата *Вилайати-сугра*[5] : *«...хәзрәтемез терек вакытында сабый вакытындан башлап, егерме бер йәшенә чаклы кыш көнләрендә мәдрәсәдә сабак укып, йәй көнләрендә йорт хезмәтенә кайтып, атасының тәдбире буйынча мәдрәсәдән мәдрәсәгә йөрөгән иде. Вә ете остазның мәдрәсәсенә кереп, ун ике фән китапларындан сабак алган икән. Вә һәм үзенең шул ук сабый вакытындан башлап, егерме бер йәшенә чаклы мәдрәсәдән мәдрәсәгә йөрөүендә өч ишанга мөрит булып, тәрикәт сабакларын алган икән... Вә һәм егерме бер йәшендә тәхсил-и гилем сәфәрендән кайтып, мәгишәт кыла башлагач, кырк биш йәшенә чаклы йәнә дүрт ишанга мөрит булып, Латаиф-и сәбгә дәресләрен камиллап Виләйәт-и сугра мәкәмләренә ирешкән икән»* [5, с. 2; 7, с. 18].

В 1852 г. Г. Сокорой вернулся в родную деревню и, прожив там до конца дней своих, скончался, как уже было упомянуто выше, 10 (22) декабря 1889 г.

На страницах книги «‘Айн ар-риза» рассказывается о том, как во время поездок к местам совершения хаджа в Стамбуле, Мекке, Медине Г. Сокорой также получал духовные уроки у наставников – известных шейхов тариката Накшбандийа и, постигая божественные истины, достиг высоких состояний души *Вилайати-кубра*[6].

Похожие сведения о Г. Сокорое дает в своем знаменитом арабографичном труде «Асар» («Сочинения») и известный башкирский просветитель и религиозный деятель Р. Фахретдинов. Из страниц его труда мы узнаем имена некоторых наставников Г. Сокороя: это его отец Габдессалих, затем Мухамметмурат аль-Бадахшани, Стерлибашевский шейх Харис бин Нигматулла, шейх из Медины Мазгар-хазрат. После получения официального разрешения от них, Г. Сокорой в конце своей жизни также занимался воспитанием мюридов. Р. Фахретдинов упоминает также о четырехкратном совершении им хаджа, которые состоялись по христианскому летоисчислению в 1872, 1879, 1880, 1886 годах и ведении им на пути следования путевых записей, называемых хаджнаме: *«Атаһы Ғәбдессалихтан вә унан һуң Мөхәммәтморат әл-Бәдәхшәнизән, Эстәрлебаш шәйехе Харис бине Нигмәтулланан, Мәзинәлә шәйех Мазһар хәзрәттәренән мәьзүн булып, ахыр гүмерендә мөрит тәрбиә итеп шөгөлләнгән. Үз гүмерендә дүрт мәртәбә хаж кылган. Был сәфәрҙәрендә яҙган хажнамәләре лә бар тиҙәр. Сәфәрҙәре миләди берлә 1872-нсе, 1879-нсы, 1880-нсе, 1886-нсы йылдарҙа булган»* [11, с. 77]. Так, вернувшись из первого паломничества, Г. Сокорой написал сочинение обо всем увиденном. Рукопись этого хаджнаме под названием «Насим ас-саба» («Ветер утренней зари», или «Восточный ветер», или «Дуновение прохладного ветерка» – разные авторы переводят с арабского по-разному), как отмечал его сын Гарифулла в книге «‘Айн ар-риза», равнялась «по толщине» книгам «Мухаммадия» или «Алты бармак» (Эти книги были достаточно распространены и ценились в те времена среди мусульманского населения). Известна история о том, как один человек из Казани забрал эту рукописную книгу и в течении нескольких лет обещал автору ее напечатать, но так и не напечатал. Отправив этому человеку письмо через сына, который в то время учился в Казани, Сокорой попросил вернуть рукопись. Тот человек ответил, что рукопись сгорела. По прошествии времени стало известно, что рукопись не сгорела, а переходит из рук в руки среди читателей [5, с. 5; 7, с. 22]. В настоящее время эта рукопись под названием «Хаджнаме» хранится в Научной библиотеке Казанского федерального университета, а сочинение увидело свет на русском языке [13, с. 63–91]. По имеющимся данным, в фондах отдела рукописных и редких изданий НБ им А.-З. Валиди РБ под номером 194 также хранится рукопись с указанным названием [3, с. 38].

Благодаря книге Г. Киикова «‘Айн ар-риза» мы также узнаем, что после получения иджаза (разрешение, даваемое мюршидом (наставником) своему

[4] От араб. *латифа*, мн. ч. *латаиф* ‘тонкость’, в данном случае – ‘тонкость восприятия’, в суфизме как ‘место озарения’, ‘точка чистоты’ – *Г. А.*

[5] Араб. *макам*, мн. ч. *макамат* – в суфизме означает ступень, или духовное состояние, достигаемые усилиями путника на пути самосовершенствования; *макам ар-риза* – ступень (божественной) удовлетворенности; вилайати-сугра – один из состояний (степеней) среднего уровня тариката – *Г. А.*

[6] Вилайати–кубра – один из состояний (степеней) среднего уровня тариката; состояние «великой святости».

мюриду, на самостоятельную деятельность и набор собственных учеников. Мюрид, получивший иджаза, сам становился шейхом [10, с. 12]) Г. Сокорой сам стал мюршидом для множества последователей. В лесу на поляне, на пути из своей деревни в деревню Курдым, возле родника, который до сих пор именуют родником Хазрата, он разбил сад с пчелиными ульями – пасеку-*умарта бакса,* которую прозвали *Бостан-и хажи*[7], соорудил мечеть и обосновал там ханака – суфийскую обитель. Хаджи-хазрат посещал пасеку чаще всего по пятничным дням, иногда и в другие дни, если представлялась на то возможность. Со своими учениками он проводил там коллективные молитвы, зикры (слова восхваляющие Аллаха), для верующего народа всей округи проводил религиозные праздники. Верующие стекались сюда не только из близлежащих сел и деревень, но из самых отдаленных мест. Когда пошла молва о целебных свойствах родниковой воды, народ начал приезжать сюда за целебной водой.

Однако, по рассказам Г. Кииков, прежде чем это место рядом с родником было выбрано под пасеку, с Гали-хазратом происходили здесь различные *караматы* (суфийские чудеса). В свой приход в деревне Курдым он ходил этой тайной дорогой, останавливался здесь отдыхать, совершал намаз, много раз читал Коран, произносил различные громкие *зикры*, такие как *такбир и тахлиль*, тем самым устанавливая *рабита* – духовную связь со своими наставниками. Он ощущал себя окруженным таинственным светом [5, с. 21–22; 7, с. 37–38].

Немало сведений в «‘Айн ар-риза» можно найти и о самом авторе книги Гарифулле, о забавных, полумистических приключениях, произошедших с ним, тех или иных событиях, участником которых он становился, живя рядом с отцом [5, с. 25–27; 7, с. 41–43]. Как уже было сказано, он занимался переписыванием рукописей своего отца по его просьбе, а значит, был хорошо знаком с их содержанием.

Язык письменного памятника «‘Айн ар-риза» сильно осложнен заимствованиями из арабского, персидского, турецкого языков. Много в тексте суфийских терминов, для понимания которых от читателя требуется специальная подготовка. Автор часто ссылается на хадисы, цитируя их на арабском языке. При транслитерации текста книги авторский стиль, особенности языка того времени и северо-западного диалекта башкирского языка, на котором писал и говорил Г. Кииков, полностью сохранены.

Выводы. Полная транслитерация текста книги дает возможность заключить, что сочинение башкирского поэта-просветителя Г. Кииков «‘Айн ар-риза» является ценным источником по истории и духовной культуре Башкортостана XIX – начала XX века. В ней содержатся важные исторические и биографические сведения, освещающие жизнь и деятельность видного башкирского просветителя, религиозного деятеля и поэта-суфия Гали Сокороя, краеведческие материалы. Введение в научный оборот арабографичного сочинения Г. Кииков «‘Айн ар-риза» в транслитерации на кириллицу, снабженного глоссарием и комментариями несомненно откроет новые страницы для исследователей жизни и деятельности, творческого наследия Г. Сокороя; прольет свет на некоторые страницы биографии его сына Г. Кииков. Разностороннее научное исследование книги, отображающей ступени духовного совершенствования Г. Сокороя на пути к Богу, даст возможность выявить духовные источники его художественных произведений как поэта суфийского толка. Изучение отдельных страниц его биографии позволит выявить новые сведения об особенностях распространения суфизма, его тариката Накшбандийа в Урало-Поволжье во второй половине XIX в.

Сохранение авторского стиля и особенностей языка того времени при транслитерации делает книгу также ценным источником и первоисточником для языковедов, диалектологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология башкирской литературы: в 2 т. Т. 2. XIX в. / сост. Г.Б. Хусаинов (отв. ред.), М.Х. Надергулов, З.Я. Шарипова. Уфа: Китап, 2007. 388 с. (на башк. яз.).

2. *Вильданов А., Надергулов М.* Гали Сокорой // История башкирской литературы: в 6 т. / гл. ред. Г.Б. Хусаинов. Т. 2: Литература XIX – начала XX в. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1990. С. 185–200. (на башк. яз.).

3. *Игдавлетов И.С.* Хаджнаме башкирского просветителя, поэта Гали Сокороя // Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России: материалы I Международной, IX Всероссийской науч.-практ. конф. / под ред. А.Я. Камалетдиновой. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. С. 37–39.

4. *Кемпер М.* Суфии и Ученые в Татарстане и Башкортостане, 1789–1889: исламский дискурс под русским господством / пер. с немецкого Искандера Гилязова. Казань: Российский исламский ун-т, 2008. 675 с.

5. *Кииков Г.* ‘Айн ар-риза китабы. Казань: типолит. наследников М. Чирковой, 1900. 140 с. (тюрки, на арабском алфавите).

6. *Кииков Г.* История башкир и родословие ирактинцев / сост., авт. вступ. ст. и коммент. М.Х. Надергулов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 112 с. (на башк.яз.).

7. *Кииков Г.* ‘Айн ар-риза (Родник хазрата, или Курдымовский родник) / Авторы вступ. статьи, транслитерации, перевода, примечаний и составления

[7] ‘Перс. *бостан* ‘сад’, араб. *хажи* (хаджи) ‘человек, совершивший паломничество в Мекку’: сад хаджи.

Г.Х. Абдрафикова (Гарипова), С.А. Искандарова, отв. ред. М.Х. Надергулов. Уфа: Мир печати, 2019. 192 с. (на башк. яз.).

8. *Надергулов М.Х.* Гарифулла Кииков // История башкирской литературы: в 6 т. / гл. ред. Г.Б. Хусаинов. Т. 2: Литература XIX – начала XX в. / Уфа: Башк. кн. изд-во, 1990. С. 292–300. (на башк. яз.).

9. *Надергулов М.Х.* Гарифулла Кииков // История башкирской литературы: в 4 т. Т. 1: С древнейших времен до начала XX века / гл. ред. М.Х. Надергулов. Уфа: Китап, 2012. С. 353–359.

10. *Рамзи М.* Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар=Нанизывание вестей и оживление преданий о событиях, произошедших в Казани и Булгаре, а также о татарских царях. Т. I. / научн. ред., авт. вступ. ст. и коммент. С.И. Хамидуллин. Уфа: БашГУ; ЦИИНБ «Шежере»; НБ РБ; Китап, 2017. 600 с.

11. *Фахретдинов Р.* Асар. Книга первая / авт. вступ. ст. Г.Б. Хусаинов, отв. ред. М.Х. Надергулов. Уфа: Гилем, 2006. 176 с. (на башк. яз.).

12. *Франк А.Дж.* Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России / пер. с англ. Ильсии Хайбутдиновой. Казань: Российский исламский ун-т, 2008. 266 с.

13. *Чокрый Г.* Дастан Хаджнаме // Хадж мусульманских народов России: история и современность: хрестоматия / автор-сост. З.Р. Хабибуллина. Уфа: Изд-во БГПУ, 2018. 170 с.

REFERENCES

1. *Antologiya bashkirskoy literatury* [Anthology of Bashkir literature]. Vol. 2. 19th century. Compilers: G.B. Khusainov (ed.), M.Kh. Nadergulov, Z.Ya. Sharipova; introductory article by M.Kh. Nadergulov. Ufa: Kitap, 2007. 388 p. (in Bashkir).

2. Vildanov, A., Nadergulov, M. *Gali Sokoroy. Istoriya bashkirskoy literatury* [History of Bashkir literature]. Vol. 2. Literatura XIX – nachala XX v. [Literature of the 19th - early 20th centuries]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1990. 185 p. (in Bashkir).

3. Igdavletov, I.S. *Khadzhname bashkirskogo prosvetitelya, poeta Gali Sokoroya* [Hajjname of the Bashkir educator, poet Gali Sokoroy]. *Rasulevskie chteniya: islam v istorii i sovremennoy zhizni Rossii* [Rasulev readings: Islam in the history and modern life of Russia]. Proceedings of the 1st International, 9th All-Russian Science& Research Conference. Chelyabinsk: Chelyabinckiy gosudarstvennyy universitet, 2020, pp. 37–39. (in Russ.).

4. Kemper, M. *Sufii i uchenye v Tatarstane i Bashkortostane. Islamskiy diskurs pod russkim gospodstvom* [Sufis and scientists in Tatarstan and Bashkortostan. The Islamic factor under the Russian domination]. Kazan: Rossiyskiy islamskiy universitet, 2008. 675 p. (in Russ.).

5. Kiikov, G. *'Ajn ar-riza kitaby* [Source of contentment]. Kazan: Tipolitografiya naslednikov M. Chirkovoy, 1900. 140 p. (Turkic in Arabic script).

6. Kiikov, G. *Istoriya bashkir i rodoslovie iraktintsev* [The history of the Bashkirs and the genealogy of the Iraktins]. M.Kh. Nadergulov (compiler, author of the introductory article and comments). Ufa, 2011. 112 p. (in Bashkir).

7. Kiikov, G. *'Ajn ar-riza (Rodnik khazrata, ili Kurdymovskiy rodnik)* [Source of contentment (Khazrat spring, of Kurdymov spring)]. G.Kh. Abdrafikova (Garipova) and S.A. Iskandarova (compilers, authors of the introductory article, transliteration, translation, comments, M.Kh. Nadergulov (ed.). Ufa: Mir pechati, 2019. 192 p. (in Bashkir).

8. Nadergulov, M.Kh. *Garifulla Kiikov. Istoriya bashkirskoy literatury* [History of Bashkir literature]. Vol. 2. *Literatura XIX – nachala XX v.* [Literature of the 19th – early 20th centuries]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1990, pp. 292–300 (in Bashkir).

9. Nadergulov, M.Kh. *Garifulla Kiikov. Istoriya bashkirskoy literatury* [History of Bashkir literature]. Vol. 1. *S drevneyshikh vremen do nachala XX veka* [From ancient times to the beginning of the 20th century]. Ufa: Kitap, 2012, pp. 353–359 (in Russ.).

10. Ramzi, M. *Nanizyvanie vestey i ozhivlenie predaniy o sobytiyakh, proizoshedshikh v Kazani i Bulgare, a takzhe o tatarskikh tsaryakh* [Stringing of news and revival of legends about the events that took place in Kazan and Bulgar, as well as about the Tatar kings]. Vol. 1. S.I. Khamidullin (scientific ed., author of the introductory article and comments). Ufa: BashGU; TSIINB «Shezhere»; NB RB; Kitap, 2017. 600 p. (in Russ.).

11. Fakhretdinov, R. *Asar. Kniga pervaya* [Asar. Book one]. G.B. Khusainov (author of the introductory article), M.Kh. Nadergulov (ed.). Ufa: Gilem, 2006. 176 p. (in Bashkir).

12. Frank, A.Dzh. *Islamskaya istoriografiya i «bulgarskaya» identichnost tatar i bashkir v Rossii* [Islamic historiography and «Bulgar» identity of Tatars and Bashkirs in Russia]. Kazan: Rossiyskiy islamskiy universitet, 2008. 266 p. (in Russ.).

13. Chokry, G. *Dastan Hajjname. In: Khadzh musulmanskikh narodov Rossii: istoriya i sovremennost* [Hajj of Muslim peoples of Russia: History and modernity]. Anthology. Z.R. Khabibullina (compiler). Ufa: BSPU, 2018. 170 p. (in Russ.).

DOI 10.24412/2223-0564-2021-3-48-52
УДК 81.373.47

Л.Х. Самситова, С.Х. Мухамедова

ДИМИНУТИВЫ В БАШКИРСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация

В данной статье представлены результаты лингвистического исследования категории диминутивности и способов ее репрезентации в башкирском и узбекском языках. Анализ гендерного аспекта единиц языка позволяет изучить реализацию и особенности, функциональность и характеристики диминутивности. Авторами отмечено, что в функционально-семантическое поле (ФСП) диминутивности входят фонетические, лексические, морфологические и синтаксические единицы языка и речи, которые имеют значение «ласкать, баловать, нежить». Сравнивается функционально-семантическое поле диминутивности в башкирском и узбекском языках. Сравнение проведено с учетом новых направлений языкознания, т.е. в данной статье помимо интралингвистических особенностей анализируются социолингвистические, гендерные, лингвокультурологические особенности функционально-семантического поля диминутивности в башкирском и узбекском языках.

Ключевые слова: башкирский язык, узбекский язык, диминутивность, диминутив, функционально-семантическое поле, лексические, морфологические, синтаксические средства выражения, социолингвистический, гендерный, лингвокультурологические аспекты

Luiza H. Samsitova, Saodat H. Muhamedova

DIMINUTIVES IN BASHKIR AND UZBEK LANGUAGES

Abstract

This article presents the results of a linguistic study on the category of diminutiveness and the ways of its representation in the Bashkir and Uzbek languages. Analysis of the gender aspect of language units allows us to study the implementation and features, functionality and characteristics of diminutiveness. The authors note that the functional-semantic field (FSP) of diminutiveness includes phonetic, lexical, morphological and syntactic units of language and speech, which have the meaning of «caress, pamper, cherish.» Comparison is performed between the functional-semantic field of diminutiveness in the Bashkir and Uzbek languages taking in consideration new trends in linguistics, i.e. in addition to intralinguistic features, this article analyzes sociolinguistic, gender and linguocultural features of the functional-semantic field of diminutiveness in the Bashkir and Uzbek languages.

Key words: Bashkir language, Uzbek language, diminutiveness, diminutive, functional-semantic field, lexical, morphological, syntactic means of expression, sociolinguistic, gender, linguocultural aspects

---

Самситова Луиза Хамзиновна, *доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований РБ (Уфа), e-mail: luiza_sam@mail.ru*

Мухамедова Саодат Худойбердиевна, *доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой узбекского языка Ташкентского государственного университета узбекского языка имени Алишера Навои (Ташкент), e-mail: prof.s.muhamedova@mail.ru*

Luiza H. Samsitova, *Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (Ufa), e-mail: luiza_sam@mail.ru*

Saodat Kh. Mukhamedova, *Dr. Sci. (Philology), Head of the Department of the Uzbek Language, Tashkent State University of Uzbek Language and Literature named after Alisher Navoiy (Tashkent), e-mail: prof.s.muhamedova@mail.ru*

© Самситова Л.Х., Мухамедова С.Х., 2021

Категория диминутивности является одним из сложных и недостаточно изученных вопросов в языкознании. Категория диминутивности стала объектом исследования в области лексической семантики (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, И.В. Фуфаева), межкультурной коммуникации (С.Г. Тер-Минасова), прагматики (С.В. Шедогубова) и т.д. Появились работы в сопоставительном аспекте (Ю.В. Слабко, Х.Б. Самигова и др.). Вместе с тем остается актуальным сопоставительный аспект изучения категории диминутивности, где нужно учитывать особенности национального менталитета.

Ученые выделяют разные виды диминутивности. О разнице между экспрессивными и уменьшительными диминутивами писал еще А.А. Потебня: «Отличая объективную уменьшительность... от ласкательности и пр., в коей выражается личное отношение говорящего к вещи...» [7, с. 74]. Термин «экспрессивный диминутив» точнее, чем «ласкательный диминутив», поскольку экспрессия диминутивов, помимо ласкательности, включает заискивание, иронию, жалость, пренебрежение и пр. [9, с. 257]. Как писал В.В. Виноградов, «При их (уменьшительно-ласкательных суффиксов. – И.Ф.) посредстве выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии... пестрая и противоречивая гамма эмоций и оценок» [1, с. 101].

Как нам известно, диминутивы являются эмотивными языковыми знаками, репрезентирующими спектр эмоций. В современной лингвистике отсутствует единое мнение по определению эмотивной лексики, но известно, что они могут соотноситься с двумя полярностями – положительными или отрицательными, что реализуется в диминутивах, обладающих эмосемой «ласкательности» или «уничижительности».

В русском языке широко применяют суффиксы -к, -ек, -ик, -иц, -онк, -ейк, -ечк, -очк, -ик, -ец, -ок, -чик (например, дождик, вещица), они облекают слова в уничижительное значение, иногда – в уменьшительно-ласкательное [4, с. 15]. В немецком языке также активно используются суффиксы для образования диминутивной лексики. Наиболее продуктивными являются -chen, -lein. Говоря про диминутивное значение, нужно отметить также, что им обладают менее известные и менее продуктивные суффиксы -ette, -eken, -el, -le (например, в словах Plakette ‘значок’, Tischle ‘столик’), которые реже встречаются, так как ограничены территорией своего применения [3, с. 951]. В английском языке используются суффиксы -et, -ling, -ette, -ie, -i, -y, -let, -ish (например, в словах sweetie ‘конфетка’, owlet ‘совенок’) [4, с. 17].

В функционально-семантическое поле (ФСП) диминутивности узбекского языка входят фонетические, лексические, морфологические и синтаксические единицы языка и речи, которые имеют значение «ласкать, баловать, нежить» [5, с. 7].

Фонетические средства выражения диминутивности в узбекской речи (особенно в колыбельных песнях) репрезентируются через гласные о, а, ё, которые произносятся с ласкательным оттенком, некоторые звуки меняются во время произношения, некоторые гласные удлиняются. Например:

Ой қизим онам қизим, аллаё алла
Ақиллигим, доно қизим, аллаё алла
Эсли хушли қиз бўлсанг, аллаё алла
Ёруғ пешонам қизим, аллаё алла

Юлдузимсан, болам, аллаё алла
Қундузимсан, болам, аллаё алла
Қоронғи кечаларда, болам, аллаё алла
Кундузимсан, болам, аллаё алла [6, с. 109].

В обоих языках огромную роль в выражении диминутивности играют интонация, ударение и созвучие:

Һай, һай, һай, һай,
Таҡмаҡ әйтеп, бейешеп,
Һай, һай, һай, һай,
Туй яһарбыҙ көлөшөп,
Батыр менән ҡыҙыбыҙ ҙа
Ғүмер итер һөйөшөп [8, с. 129].

Ҡарлығандан ҡара, ай, күҙгенәң,
Мәҙинәкәй һылыуым, бөҙрә сәсем,
Бөрлөгәндән ҡыҙыл йөҙгөнәң.
Бөрлөгәндән ҡыҙыл йөҙгөнәңде,
Мәҙинәкәй һылыуым, бөҙрә сәсем,
Ҡарап туймай ине күҙгенәм [10, с. 199].

Морфологическими средствами выражения ФСП диминутивности башкирского языка являются частицы -ғына, -генә (балағынам), суффиксы -сыҡ (ҡыҙсыҡ), -ҡай (балаҡай) и т.д.

Көмөш тә генә эйәр күк ятыулы,
Күксәгә лә аттың билендә [8, с. 107].

...Көмөш тәңкәләрен сылтырата
Йәш киленкәйҙәрҙең ҡашмауы [8, с. 109].

Во многих языках есть диминутивы, которые выражаются именами существительными, а в некоторых (в том числе в башкирском и узбекском) – и именем прилагательным, например: башк.: матурым, аҡыллым, егәрлем, һомғолом, уңғаным, етеҙем; узбекск.: гўзалим, дўмбоғим, бўпалоғим, оппоғим, ақллигим. Имя собственное также может иметь формы диминутива. Например, морфологическими средствами выражения ФСП диминутивности башкирских имен являются аффиксы: -йән (Рәхимйән, Фазылйән, Әхтәрйән, Хәйҙәрйән), -хан (Тимерхан, Батырхан, Дәүләтхан), -бикә (Йәнбикә, Алмабикә, Үлмәҙбикә, Туҡмасбикә, Әсмәбикә) и т.д.

В узбекском языке тоже употребляются специальные аффиксы. Аффиксы -жон, -бой, -бек, -мирзо

в основном присоединяются к мужским именам, очень популярно присоединение аффикса -жон: Рустамжон, Азизжон и т.д., также к словам, обозначающим братство и родство – укажон, акажон, опажон. Аффиксы -хон, -нисо, -биби, -бека, -бекач, -пошша, -гул в основном присоединяются к женским именам: Азизахон, Гулнорахон, Мехринисо) и т.д. Некоторые аффиксы также считаются и уменьшительными аффиксами: -лоқ (қизалоқ), -кай (болакай), -гина (болагина), -ча (қизча, болача), -чоқ (тойчоқ), -чак (келинчак).

В башкирском и узбекском языках к одному слову можно присоединить несколько аффиксов: башк.: бала+ҡай+ғына+м, ҡолон+саҡ+ҡай+ым; узбек.: бола+жон, бола+жон+гина+м, бола+кай+гина+м.

В обоих языках форма принадлежности на -м (-ым, -ем, -ом, -им) I лица ед. числа в составе слов с уменьшительно-ласкательным значением выражает ласковое обращение, а не конкретную принадлежность: башк.: бала+м, ҡыҙ+ым, ул+ым, һөйөклө+м; узбек.: тойчоғ+им, бӯталоғ+им, асал+им.

Лексическими средствами выражения ФСП диминутивности являются выразительные средства языка: башк.: йәнем, бәғрем, йән киҫәгем, алтыным, күҙ нурым, ҡояшым, көнбағышым, батырым, баһадирым, ыласыным, бөркөтөм, аҡҡошом; узбек.: эркатойим, жоним, айланай, ӯргилай, асалим, шакарим, новвотим, гиргиттонинг бӯлай, қурбонинг бӯлай, кӯзимнинг оқу қораси, жонимни қоқай, лочиним, чироғим, баҳодирим, ботирим, полвоним.

В башкирском языке слово яратҡан (любимый), в узбекском – севимли употребляются и с одушевленными, и с неодушевленными предметами: башк.: яратҡан кешем, яратҡан уҡытыусым, яратҡан артисым, яратҡан күршем, яратҡан ауылым, яратҡан урыным, яратҡан сериалым, яратҡан журналым; узбекск.: менинг севимли инсоним, севимли қизим, севимли укам, севимли газетам, севимли сериалим и т.д. В башкирском языке слова һөйөклө, һөйгән (любимый) употребляются только по отношению к одушевленным предметам, например, һөйөклөм, һөйгән йәрем и т.д.

Синтаксическими средствами выражения ФСП диминутивности башкирского и узбекского языков являются словосочетания, простые и сложные предложения, иногда и текст может выражать ласкательность. Например: башк.:

Урал тауҡайҙары сағыллы,
Урал тауы беҙҙе лә һағынды,
Һай, илкәйем – нәҙек билкәйем,
Бөгөн үлһәбеҙ ҙә, үкенмәйбеҙ,
Дошман еңелеп, маҡсат табылды,
Һай, илкәйем – нәҙек билкәйем [10, с. 302].

Узбекск: в данном предложении выражается ласкательное отношение бабушки к своей внучке:

– Айланай, оппоқ қизим! Сендан бувинг гиргиттон, Сабоғинг хом қолмасин, бӯла қол, жоним, чаққон [6, с. 67].

Или же ласкательное отношение дочки к своей маме:

– Ойи, сиз менинг нурим, чироғимсиз! чаққон [6, с. 68].

В социолингвистическом аспекте средства выражения диминутивности в башкирском и узбекском языках различаются по следующим параметрам:

а) по диалектам: башк: слово әсәйем (мамочка моя) употребляется в нескольких вариантах инәйем (восточный диалект), әнейем (северо-западный диалект); узбекск.: в Ташкенте – ойижон, в Коканде, Маргилане, Самарканде – аяжон, в Ташкенте – айланий, ӯргилий, мани асалим, в Хорезме – ананайин, ӯргилайин, манин асалим, только в Бухаре употребляются тиллочам (моя золотка), тилло қизим (золотая девочка) и т.д.;

б) по возрасту: некоторые средства выражения диминутивности употребляются только людьми старшего поколения (башк.: илаһым бәхетеңде бирһен, бәхетле булғырым, өйөгөҙҙән ҡот китмәһен; узбекск.: айланай, ӯргилай, илоҳим менга ӯхшагин, уйингга буғдой тӯлсин, илоҳим бахтингни берсин), а некоторые – только молодежь (башк.: йәнем, бәғрем, бәхетем, ҡояшым; узбекск.: жоним, асалим, дӯмбоғим, шоколадим);

в) по адресату: некоторые средства выражения диминутивности адресованы только старшим (башк.: өләсәйем, ҡартатайым, әбейем, бабайым; узбекск.: онажон, бувижон, дадажон, суянган тоғим, ишонган боғим), некоторые адресованы только молодым и детям (башк.: фәрештәм, аппағым, матурым, ҡолонсағым, бәпесем, берҙән-берем; узбекск.: фариштам, нозигим, асалим, шакарим, шириним, новвотим, ҳаётим, қӯғирчоғим, оппоғим, тойчоғим, ақллигим, дӯмбоғим).

Родители, любя, лаская, балуя ребенка, могут сказать своему ребенку: башк.: атас (произносится, когда ребенок похож на папу), инәс (произносится, когда ребенок похож на маму), узбекск.: отам, онам.

Отличительная черта двух языков в социолингвистическом плане: в башкирском языке молодой человек своей возлюбленной может сказать бәпесем (ребенок мой). В узбекском языке это слово не встречается.

В башкирском языке слово бисә (м) (жена моя) имеет положительную окраску и используется как ласкательное слово. А в узбекском языке наоборот.

В гендерном аспекте средства выражения диминутивности в башкирском и узбекском языках различаются по следующим параметрам:

а) единицы выражения диминутивности и для мужчин, и для женщин (общие): башк.: ҡара күҙем, зәңгәр күҙем, йәшел күҙем, мөхәббәтем, йәнем, бәғерем, һөйөклөм; узбекск.: қора кӯзим, бӯйларинга

бӯйтумор, жигаргӯшам, соддадилим, дуогӯйим, мӯминтойим, қобилтой, ширин сӯзим, қақажоним, борлиғим, муҳаббатим, севгилим, қалбим, жоним, асалим, новвотим, шоколадим, шакарим, ақллигим, дӯмбоғим;

б) единицы выражения диминутивности, направленные только мужчинам: башк.: батырым, бөркөтөм, ыласыным, арыҫланым, баһадирым; узбекск.: бегим, арслоним, йӯлбарсим, тойчоғим, тойим, қӯзичоғим, бӯталоғим, норим, хӯрозим, ягонам, суянган тоғим, султоним, лочиним, баҳодирим, ботирим, полвоним;

в) единицы выражения диминутивности, направленные только женщинам: башк.: матурым, ҡояшым, ҡыйғас ҡашым, фәрештәм, аппағым, бәләкәсем, йомшағым; узбекск.: попук, гӯзалим, оппоғим, гулғунчам, момиққинам, дӯмбоғим, қаро кӯзим, қоши қароим, шириним, фариштам, пари и т.д.

В гендерном аспекте средства выражения диминутивности двух языков почти не отличаются друг от друга. И в башкирском, и в узбекском языках мало единиц, которые выражают ласкательность, направленную только мужчинам, и, наоборот, много единиц, выражающих ласкательность, направленную только женщинам.

Лингвокультурологический аспект единиц ФСП диминутивности в обоих языках выражается следующим образом:

1. Единицы ФСП диминутивности в обоих языках могут выражаться зоонимами: башк.: ҡолонсағым, күгәрсенем, былбылым, аҡҡошом, һандуғасым, бөркөтөм, ыласыным, арыҫланым, һөлөгөм; узбекск.: тойчоғим, норим, бӯталоғим, қӯзичоғим, жӯжачам, қуёнчам, арслоним, йӯлбарсим, қоплоним, балиқчам и т.д. В башкирском языке ҡолонсағым (жеребенок), узбекском языкетойчоғим, бӯталоғим (жеребец) очень часто употребляются относительно к мальчикам и парням. В узбекском языке имена птиц как единица ФСП диминутивности употребляются редко: лочиним, бургутим, а в башкирском языке они очень активны: күгәрсенем, былбылым, аҡҡошом, һандуғасым, ҡарлуғасым, бөркөтөм, ыласыным, аҡсарлағым и т.д.

2. Единицы ФСП диминутивности в обоих языках могут выражаться фитонимами: башк.: бөрлөгәнем, гөлөм, томбойоғом, көнбағышым; узбекск.: гулим, гул-ғунчам, момиққинам, оқ пахтам и т.д. Различия: в узбекском языке очень популярны пахтам, момиққинам (хлопок), а в башкирском языке они не употребляются. В башкирском и узбекском языках названия цветов в качестве единицы ФСП диминутивности употребляются очень редко.

3. Единицы ФСП диминутивности в обоих языках выражаются в названиях частей тела: башк.: йөрәгем, бәғрем, ҡара ҡашым, зәңгәр күҙем; узбекск.: қора кӯзим, бӯйларинга бӯйтумор, жигаргӯшам, жигарим, юрагим и т.д.

4. Единицы ФСП диминутивности в обоих языках выражаются словами, обозначающими внешний вид человека: башк.: матурым, гүзәлем, аппағым, һомғолом; узбекск.: гӯзалим, дӯмбоғим, дӯндиққинам, қаро кӯзим, қаро қошим, оппоқ юзим и т.д.

5. Единицы ФСП диминутивности в обоих языках выражаются словами, обозначающими характер человека: башк.: аҡыллым, егәрлем, батырым, уңғаным, етеҙем, шаяным, отҡором; узбекск.: соддадилим, дуогӯйим, мӯминтой, қобилтой, ширин сӯзим, қақажон, маҳмадонам и т.д.

6. Единицы ФСП диминутивности в обоих языках могут выражаться мифонимами: башк.: фәрештәм, аҡҡошом, бәхет ҡошом, аҡсарлағым, батырым, йондоҙом, сәмреғошом; узбекск.: фаришта, пари, Хизир бувам и т.д. Здесь необходимо подчеркнуть национально-специфические особенности мифов каждого народа, различия могут только в этом.

7. Единицы ФСП диминутивности в обоих языках могут выражаться словами, обозначающими продукты питания: башк.: алмам, тәмлекәсем, бөрлөгәнем; узбекск.: асалим, новвотим, шоколадим, шакарим, қаймоғим и т.д.

8. Единицы ФСП диминутивности в обоих языках могут выражаться названиями небесных тел: башк.: ҡояшым, йондоҙом, һауам, айым; узбекск.: ой болам, ойим, офтобим, қуёшим, юлдузим и т.д.

9. Единицы ФСП диминутивности в обоих языках могут выражаться абстрактными именами: башк: мөхәббәтем, йәнем, бәғрем, һөйөклөм, һөйгәнем, берҙән-берем; узбекск.: борлиғим, муҳаббатим, севгилим, қалбим, жоним и т.д.

10. Единицы ФСП диминутивности в обоих языках могут выражаться именами героев художественных произведений и исторических личностей: башк: Салауат, Батырша, Маянһылыу, Зөбәржәт, Ләйлә; узбекск.: Лайли, Ширин, Фарход, Рустамтой, бӯғирсоқ (колобок) и т.д.

В башкирском языке имеются специфические единицы ФСП диминутивности, которые не встречаются в узбекском языке: һоҡланғыс (очаровательный), йөрәгем (сердце мое), раузам (роза моя) и т.д.

Итак, при сравнении функционально-семантического поля диминутивности в башкирском и узбекском языках обнаружены и выявлены и общие особенности, присущие двум языкам (культурам), и дифференциации между ними. Анализ интралингвистических, социолингвистических, гендерных, лингвокультурологических, национально-культурных особенностей функционально-семантического поля диминутивности в башкирском и узбекском языках открывает возможность для проведения более широких исследований по сравнительному языкознанию. Надеемся, что результаты исследования могут стать основой нового башкирско-узбекского словаря.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.

2 *Yo'ldoshyev I., Muhamedova S.* Tilshunoslik asoslari. Toshkent, 2013. 268 p. (*Юлдошьев И., Мухамедова С.* Основы языкознания. Ташкент, 2013. 268 с.).

3 *Доронина М.С.* Структурно-семантический и прагматический аспекты категории диминутивности в современном немецком языке // Молодой ученый. 2015. № 3. С. 951 – 953.

4 *Исакова С.Ш.* Средства выражения категории диминутивности в английском и русском языках: на материале английской и русской художественной прозы XIX–XX веков: Дисс. … канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 190 с.

5 *Jamolxonov H.* Hozirgi oʻzbek adabiy tili. Toshkent, 2013. P. 7. (*Джамолхонов Х.* Современный узбекский литературный язык. Ташкент, 2013. С. 7).

6 *Мардонова Г.* Онам айтган аллалар. Тошкент: Тафаккур, 2012. P. 109. (*Мардонова Г.* Колыбельные песни, которые пела моя мама. Ташкент: Тафаккур, 2012. С. 109).

7 *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958. 536 с.; Т. 3. М., 1968. 552 с.

8 *Псәнчин В.Ш.* Башҡорт нәфис һүҙе (һүҙҙән күркәм телмәргә): Гимназияларҙың, лицейҙарҙың, дөйөм урта белем биреү мәктәптәренең 10–11-се класс уҡыусылары өсөн «Күркәм әҙәбиәт телен өйрәнеү» курсы буйынса уҡыу ҡулланмаһы. Өфө: Китап, 2008. 224 б. (*Псянчин В.Ш.* Башкирское художественное слово (От слова к выразительной речи): Учебное пособие по курсу «Изучение языка художественной литературы» для учащихся 10–11 классов гимназий, лицеев, общеобразовательных школ (на башк. языке). Уфа: Китап, 2008. 224 с.)

9 *Фуфаева И.В.* Экспансия экспрессивных диминутивов в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 3. 2016. С. 257–266.

1 400 башҡорт халыҡ йыры / Төҙ. Ф. Камаев, Н. Шоңҡаров. Өфө, 2011. 400 б.

REFERENCES

1 Vinogradov, V.V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (The grammatical doctrine of the word)]. G.A. Zolotov (ed.). Moscow: Russkiy yazyk, 2001. 720 p. (in Russ.).

2 Yoldoshyev, I., Mukhamedova, S. *Tilshunoslik asoslari* [Fundamentals of linguistics]. Toshkent, 2013. 268 p. (in Uzbek).

3 Doronina, M.S. *Strukturno-semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty kategorii diminutivnosti v sovremennom nemetzkom yazyke* [Structural-semantic and pragmatic aspects of the category of diminutiveness in modern German]. *Molodoy uchenyy* – Young Scientist, 2015, no. 3, pp. 951–953 (in Russ.).

4 Isakova, S.Sh. *Sredstva vyrazheniya kategorii diminutivnosti v angliyskom i russkom yazykakh na materiale anglyiskoy i russkoy khudozhestvennoy prozy XIX – XX vekov* [Means of expression of the category of diminutiveness in English and Russian: Based on the material of English and Russian fiction of the 19th-20th centuries]: PhD Thesis in Philology. Makhachkala, 2006. 190 p. (in Russ.).

5 Jamolhonov, H. *Hozirgi oʻzbek adabiy tili* [Modern literary Uzbek]. Toshkent, 2013. P. 7 (in Uzbek).

6 Mardonova, G. *Onam aitgan allalar* [Lullabies my mother sang]. Toshkent: Tafakkur, 2012. 109 p. (in Tajik).

7 Potebnya, A.A. *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From notes on Russian grammar]. Vol. 1–2. Moscow, 1958. p. 536; Vol. 3. Moscow, 1968. 552 p. (in Russ.).

8 Psyanchin, V.Sh. Bashkirskoe khudozhestvennoe slovo (Ot slova k vyrazitelnoy rechi) [Bashkir art of speech (From word to eloquent speech)]. *Uchebnoe posobie po kursu "Izuchenie yazyka khudozhestvennoy literatury" dlya uchashchikhsya 10–11 klassov gymnaziy. litseev, obshcheobrazovatelnykh shkol* [Manual on "The language of belles-lettres" for grade 10 and 11 students of gymnasiums, lyceums, general schools]. Ufa: Kitap, 2008. 224 p. (in Bashkir).

9 Fufaeva, I.V. *Ekspansiya ekspressivnykh diminutivov v russkom yazyke* [Expansion of expressive diminutives in the Russian language]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* – **Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod,** 2016, no. 3, pp. 257–266 (in Russ.).

10. *400 bashkirskykh narodnykh pesen* [400 Bashkir folk songs]. F. Kamaev, Kh. Shonkarov (compilers). Ufa, 2011. 400 p. (in Bashkir).

DOI 10.24412/2223-0564-2021-3-53-58
УДК 821.512.141

Н.А. Ласынова

БАШҠОРТ ТЕЛЕНДӘ ҺӘМ УНЫҢ ДИАЛЕКТТАРЫНДА «СӘС» КОМПОНЕНТЛЫ ЛЕКСИК БЕРӘМЕКТӘРҘЕҢ МӘҒӘНӘ ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ (СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ВОЛОС» В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ)

Аннотация

Волос – бессмертная часть тела. С ним рождаются, он продолжает расти и после смерти человека, поэтому волосы являются самой мифологизированной частью тела. С ними связано много обрядов, обычаев, запретов, примет. В связи с этим, в современном башкирском языке и его диалектах довольно часто встречаются лексические единицы с компонентом “волос”. В данной статье собраны и изучены лексические единицы с компонентом “сәс (волос)” современного башкирского языка, выявлены прямые и переносные значения этих единиц.

В прямом значении эти слова выражают роговое нитевидное образование, растущее на коже человека. Они означают не только части волос (сәс тамыры ’волосяная луковица’, сәс бөртөгө ’волосок’, сәс толомо ’коса’) и названия средств по уходу за волосами (сәс ҡыҫтырғыс ’заколка’, сәс бәкеһе ’бритва’, сәсауырлыҡ ’накосник’, сәсмәү, в диалектах сәсбау ’косоплетка’), но и символизируют ум и красоту, семейное положение женщины.

В переносном значении компонент ’волос’ выражает нитевидные предметы, волокна, роговое нитевидное образование, растущее на коже животных и т.д. и участвует в образовании следующих метафорических названий: сәс тамыр ’мочковатый корень’, сәстеүлән, мәрйә сәсе//сасы ’ковыль’, сәсалыҡ ’льночесалка’, сәслән ’волосатик’, сәсҡырғыс ’власоед, шерстеед’.

Как символ красоты компонент ’волос’ употребляется в составе женских личных имен, например, Алтынсәс, Ҡарасәс, Ҡолансәс, Һарысәс.

Эти же антропонимы встречаются в составе таких библионимов, как “Һарысәс” Ф. Булякова, “Ҡолансәс” Д. Юлтыя. Компонент ’волос’ также встречается в названиях танцев и песен.

Ключевые слова: лексические единицы, метафорические названия, фитоним, антропоним, библионим, артионим

Nailya A. Lasynova

SEMANTIC FEATURES OF LEXICAL UNITS WITH THE «HAIR» COMPONENT IN THE BASHKIR LANGUAGE AND ITS DIALECTS

Hair is an immortal part of the body. People are born with it, it continues to grow after the death of a person, so hair is the most mythologized part of the body. They are associated with many rituals, customs, prohibitions and signs. In this regard, lexical units with the component “hair”are quite common in the modern Bashkir language and its dialects. This article is devoted to the study of lexical units with the component «SAS (hair)»in the modern Bashkir language, the direct and indirect meanings of these units are revealed. In the direct meaning, these words express a corneal filamentous formation that grows on the human skin. They are not only part of the hair and the names of hair care products, but also symbolize the beauty and mind, as well as the marital status of a woman. In an indirect meaning, the component «hair» expresses filamentous objects, fibers, and a horny filamentous formation growing on the skin of

Ласынова Наиля Азаматовна, *кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской, башкирской и зарубежной филологии Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета (Сибай), e-mail: nalasinova@mail.ru*

Nailya A. Lasynova, *Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian, Bashkir and foreign Philology, Sibai Institute (Branch), Bashkir State University (Sibai), e-mail: nalasinova@mail.ru*

© Ласынова Н.А., 2021

animals. They participate in the formation of the following metaphorical names. As a symbol of the beauty hair used in the composition of women's personal names, for example, Altintsas, Carasas, Colansas, Harisas. These anthroponyms are used in such biblionyms as ”Harisas“ F. Bulyakova,” Colansas « D. Ultiy. This component is also used in the names of dances and songs.

Key words: Lexical units, metaphorical names, phytonym, anthroponym, biblionym, artionym

Тән һәм уның өлөштәре кеше аңының формалашыуында ҙур әһәмиәткә эйә. Кеше, тәү сиратта, үҙ тәнен өйрәнгән, ошо белемен донъя кимәленә сығарған. Башҡорт халҡында ла тән өлөшө атамаларына нигеҙләнгән географик терминдарҙың байтаҡ булыуы ошо турала һөйләйҙер. Мәҫәлән, йылға башы, йылға тамағы, йылға ҡултығы, тау башы, тау күкрәге, тау биле, тау ҡолағы һ.б. Ата-бабаларыбыҙ тән өлөштәрен өйрәнеп, яңы метафорик атамалар табып ҡына ҡалмаған, үҙ тәненең һәр өлөшө менән бәйле төрлө ырым-ышаныуҙар ҙа уйлап сығарған. Был йола, ритуалдарҙың күбеһе сәс, айырыуса баланың тәүге сәсен алыу, ҡарын сәсен сакралләштереү менән бәйле һәм улар төрлө кимәлдә өйрәнелгән. Мәҫәлән, авар, даргин, лак халыҡтарының тәүге сәс алыу йолаһы М.К. Мусаеваның [11], тыва халҡының ошо уҡ йолалары Ч.А. Караоол [9] һәм С.О. Саая [13] хеҙмәттәрендә ҡарала. Сәс һүҙенең лингвокультурологик, этнолингвистик мәғәнәләре, теге йәки был халыҡтың донъяға ҡарашын сағылдырыуҙағы роле Г.Н. Варавина [7], Е.Б. Бесолова, З.М. Габуниа [6], И.В. Светличная [14], Н.А. Криничная [10], А.С. Персидская [12], А.П. Бабушкин [1], В.П. Бергер [5], А.А. Диденко [8], Ю.А. Башкатова [2] хеҙмәттәрендә сағылыш тапҡан.

Башҡорт халҡының сәс менән бәйле ышаныуҙары, халыҡтың мифологик ҡараштары Ф.Ғ. Хисамитдинованың “Башҡорт мифологияһы” белешмә һүҙлегендә яҡтыртыла [18; 19]. Сәс һүҙенең этнолингвистик мәғәнәһе Р.Н. Һаҙыеваның “Башҡорт теленең этнолингвистика һүҙлеге”ндә тасуирлана [20]. Р.Р. Баязитова иһә башҡорт халҡының ауыҙ-тел ижады нигеҙендә сәстең башҡорт мифологияһында, ғаилә-көнкүреш йолаларындағы ролен билдәләй, сәс менән бәйле ҡайһы бер йолаларҙың килеп сығышына аңлатма бирә [3; 4].

Хәҙерге башҡорт телендә һәм уның диалекттарында «сәс» компонентлы лексик һәм фразеологик берәмектәр байтаҡ осрай. Был мәкәләлә ошо берәмектәрҙең мәғәнә үҙенсәлектәрен асыҡлауҙы маҡсат итеп ҡуйҙыҡ.

Сәс һүҙенә “Башҡорт теленең академик һүҙлеге”ндә ошондай аңлатма бирелә:

Сәс – кешенең башында үҫә торған мөгөҙ матдәнән ғибәрәт нәҙек кенә еп һымаҡ төк. Өлтөк сәс, Маңлай сәсе. Оҙон сәс. Сәс үреү. Мыйығымды салдар баҫты, сәскә бик төшмәһә лә (Р. Йәнбәк) [15, 826-сы б.]. Был һүҙҙең тура мәғәнәһе. Ошо лексема нигеҙендә башҡорт телендә байтаҡ лексик берәмектәр яһалған. Уларҙы тура һәм күсмә мәғәнәлә ҡулланыуҙары буйынса бүлеп ҡарарға мөмкин.

Тура мәғәнәлә ҡулланылған лексик берәмектәр туранан-тура кешенең башында үҫә торған нәҙек кенә еп һымаҡ төк менән бәйле булһалар ҙа, төрлө мәғәнә нескәлектәрен белдерәләр. Сәстең төрлө өлөштәрен белдереү өсөн сәс бөртөгө, сәс тамыры, сәс төбө, сәс ярыуы (урай), бала сәс лексик берәмектәре ҡулланыла.

«Сәс» төшөнсәһе көнсығыш диалекттың арғаяш һәм салйот һөйләштәрендә «сас» вариантында осрай. Мәҫәлән, «сасымды ҡырҡтығыҙ тип һыҡтай». Ҡайһы бер һөйләштәрҙә сәстең айырым өлөштәре махсус һүҙҙәр менән атап йөрөтөлә. Мәҫәлән, әҙәби телдә маңлай сәсе (русса – челка) тип йөрөтөлгән берәмектең диалекттарҙа ундан ашыу варианты осрай: мағалайсәс, маганайсәс (дим, урта, эйек-һаҡмар); маңдай сәс (ҡыҙыл); маңлай сәс (мейәс); маңлай сәсе (дим); маңнай сасы (урта, эйек); мейсас (арғаяш); мейә сасы (мейәс); һамай сасы (арғаяш, салйоғот); суҡ сас (арғаяш); уйым сас (арғаяш); сәсмәү йалы (эйек); сәсәкйал (һаҡмар); ҡыһҡа сас (салйоғот); сәсә (ҡыҙыл) [17].

Сәстең айырым билдәһен белдереү төҫтө (ҡара, ҡолан, һары, аҡ) һәм форманы (бөҙрә, шыма) белдергән сифаттар ҡулланыла: бөҙрә сәс, шыма сәс, һары сәс, ҡара сәс, ҡолан сәс.

Тәүге сәс, иңгелек һәм ҡарын сәсе төшөнсәләре баланың беренсе сәсен белдереү менән бергә төрлө сакраль мәғәнәләргә лә эйә. Мәҫәлән: Баланың тәүге сәсен бишеккә, баш кейеменә тегеп ҡуялар, күҙ тейеүҙән һаҡлай тип (Б. Халикова). Ҡарын сәсе баланың ҡырҡы сыҡмаҫ элек алына (Башҡорт халыҡ ижады) [16, 792-се б.].

Сәсте тәрбиәләү, йыйыуҙы белдергән лексик берәмектәргә сәс алдырыу, сәс алыусы, сәс бөҙрәләтеү, сәс бәкеһе, сәс толомо атамалары ҡарай.

Сәс биҙәүестәре атамалары шулай уҡ айырым төркөмдө тәшкил итә. Электән башҡорт ҡатын-ҡыҙҙары матур итеп эшләнгән биҙәнеү әйберҙәрен тағырға яратҡан. Улар аҫыл таштарҙың да, көмөштөң дә дауалау һәләтенә эйә булғанын, кешенең кәйефенә, күңел тыныслығына тәьсир иткәнен дә белгән. Шул аҫыл, зауыҡлы әйберҙәрҙән эшләнгән таҫмалар һәм сәс үргестәр ҡатын-ҡыҙҙарҙың төп биҙәү әйберҙәренең берәһе булған. Һылыуҙарыбыҙ һәм өләсәйҙәребеҙ уларҙы сәстәренә ҡуша үргән. Уларҙың нисек әҙерләнеүенә ҡарап, атамалары ла төрлөсә булған. Мәҫәлән: Сәсүргес – сәс толомона ҡуша үреп, остан төйнәп ҡуя торған бау. Сабираның сәсүргесе йәшел таҫманан булып, һәр осона көмөш тәңкәләр тағылған сулпыларҙан тора (Ғ. Хәйри) [15, 837-се б.]. Диалекттарҙа сасүргес (арғаяш, мейәс), сасурма (салйоғот), үрмес, сәсүрмес (ҡыҙыл, урта) формаһында осрай [17].

Мәрйендәр теҙелгән алты-ете буй ептән остарын суҡлап яһаған, толом төбөнә беркетеп, сәс өҫтөнән һалына торған биҙәүес сәсбау (сәсмәү) тип аталған. Ошо уҡ атама йәш килендең, төрлө төҫтәге йөн ептәрҙән үреп килтереп, ҡыҙҙарға тараткан сәс үрмесен дә белдерә.

Сәсмәүләү – сәсмәү менән үреү. Ебәк сәскәйең сәсмәүләп, өстән үргәнһең икән (Н. Иҙелбай) [15, 834-се б.]. Сәстәңкә // састәңкә (арғаяш, мейәс, салйоғот) – тәңкә баҫылған, сулпылы сәсүргес. Ҡыҙ йыуан толомдары өҫтөнән өсәр ҡат тәңкә теҙелгән сәстәңкә таҡҡан (Һ. Дәүләтшина) [15, 837-се б.].

Һумлыҡ тәңкәләр баҫылған сәсүрместе сәсауырлыҡ тип йөрөтәләр. Диалекттарҙа сәс ауыртмаһы (дим) һәм сәсауыртмағы варианттарында осрай. Көнсығыш диалекттың ҡыҙыл һөйләшендә һәм Көньяҡ диалекттың урта, ырғыҙ, эйек-һаҡмар һөйләштәрендә был биҙәүес үрмес тип атала.

Сәсҡап – сәс толомоноң өҫтөнән кейеү өсөн оҙон тар туҡыманан иң өҫкә сытра ҡуйып ике буй тәңкә баҫып, түбәнге осона сулпы тағып яһаған биҙәүес. Әскәпьямал нурың арта сәсҡап менән, ынйы теҙгән кесерәк кенә ҡалпаҡ менән. (Ш. Бабич) [15, 833-сө б.].

Сәс ҡыҫтырғыс – матур итеп биҙәлеп эшләнеп, сәсте йыйып эләктереп ҡуйыу өсөн тәғәйенләнгән нәмә.

Сәс кеше тормошондағы төрлө хәл-ваҡиғалар нигеҙендә үҙгәрештәр кисерә. Мәҫәлән, ҡайғы-хәсрәт күреү, ҡартайыу процесы сәс ағарыу һүҙбәйләнеше менән белдерелә.

Нәфис әҙәбиәттә был процесс төрлө метафоралар аша сағылдырыла. Мәҫәлән, сәскә сал төшөү, сәскә ҡырау төшөү, сәскә көмөш юлаҡ йүгереү, сәскә бәҫ ҡуныу, сәстәрендә ғинуар, йылдарҙың һоро көлдәре сәскә ҡуныу һ.б.

Тура мәғәнәле “сәс” компонентлы лексик берәмектәрҙең этник мәғәнәләре лә байтаҡ. Ф.Ғ. Хисамитдинованың “Башҡорт теленең мифологик һүҙлеге”ндә сәс тураһында түбәндәге мәғлүмәт бирелә: сәс – кешенең үлемһеҙ өлөшө булып, уның менән тыуа, ғүмере буйы үҫә, кешенең үлеменән һуң да үҫеүенән туҡтамай. Ошоға бәйле, сәс иң мификлаштырылған тән өлөшө булып, уның менән күп төрлө йолалар, им-том саралары, һынамыштар, тыйыуҙар бәйләнгән. Сәс именлек, юл төшөү символы, кешене был донъянан теге донъяға оҙатыусы булып иҫәпләнә [18, 278-се б.].

Башҡорт халҡында электән сәс менән бәйле төрлө ышаныуҙар, тыйыуҙар һәм йолалар һаҡланып ҡалған. Мәҫәлән: Сәс ағыҙыу – ауырыуҙың сырхауҙары, зәхмәттәре китһен өсөн, ағын һыуға сәсен киҫеп алып һалыу. Һыу ташҡанда, ауырыуҙың сәсен ҡырҡып алып ағыҙалар, сир-соро китһен тип [18, 279-сы б.]. Сәсте һыуға ташлағанда һамаҡ та әйтәләр:

Ошо ағын һыуға сир-сор ағып кит,
Күңеле пакланһын, күҙҙәре асылһын,
Ҡолағы ишетһен,
Ауырыу башы һау булһын,
Сәсен ҡырҡып ташлайым!

Ағын һыуға ташлайым, – тип, сәсенең осон ғына киҫеп ташлағандар. Шулай сир ағып китә икән, тип ышанғандар.

Сәс йәшереү – зәхмәт кеүек ауырыу эйәләренән һаҡланыу ысулы. Сәс йәшереү ғәҙәте буйынса, гел яулыҡ ябынып йөрөү ҡаныбыҙға һеңгән [15, 830-сы б.]. Ҡыҙыл эңерҙә сәсте йәшереп, яулыҡ бәйләп йөрөргә кәрәк. Яланбаш йөрөргә ярамай, ауырырһың.

Сәс ярҙамында кешегә боҙом да яһағандар. Сәс сихыры – сәс ярҙамында кешегә һалынған йә ебәрелгән боҙом [15, 836-сы б.].

Сәс һалыу – кешене ҡаратып алыу, әүрәтеү сихыры. Сәс һалыу менән әүрәткән [18, 279-сы б.].

Халҡыбыҙҙа сәс менән бәйле тыйыуҙар байтаҡ. Мәҫәлән, әгәр сәсеңде тарап үрһәң, күңел үҫер; ҡоро көндәрҙә (шишәмбе, шәмбе) йә иһә ҡояш байығас уны киҫергә, ергә ташларға ярамай; ауырлы ҡатындарға сәс ҡырҡыу, шулай уҡ сәс ҡырҡтырыу тыйылған; ирең-дең сәсен алырға ярамай, ырыҫын кәметәһең, ғүмерен ҡыҫҡартаһың; сәсте теләһә ҡайҙа ташларға ярамай. Ҡойолған, тараҡта тороп ҡалған, ҡырҡылған сәстәрҙе йыйып алып утҡа яғырға кәрәк. Сәс яҡҡанда: «Баш яҡмайым, сәс яғам», – тип әйтергә кәрәк. Ислам динендә иһә ергә күмергә кәңәш ителә. Кеше үлгәндән һуң, уның йәне ҡойолған сәстәрен һәм ҡырҡылған тырнаҡтарын эҙләргә оҙатыла, тигән ышаныу бар.

Сәс менән бәйле ҡайһы бер һынамыштар ҙа бар халҡыбыҙҙа: сәсте үргәндә бер шәлкем тороп ҡалһа, юлға сығыуға; төшөңдә сәсең оҙон икән тип күрһәң, юлға сығыуға; төшөңдә сәс күрһәң, бәхеткә.

Оҙон толомдар ҡатын-ҡыҙҙың төп матурлығы һаналған. Шуға ла сәсте ҡуйы, оҙон итеп үҫтереүҙең төрлө ырым-ышаныуҙары ла булған. Мәҫәлән, сәс йылан һымаҡ шыма, оҙон үҫһен өсөн сәскә йылан майы һөрткәндәр, йә иһә йоҡлағанда яҫтыҡ аҫтына ҡыҙҙар сыбыртҡы һалып йоҡлағандар һ.б. Башҡорт халыҡ ижадында һәм әҙәбиәттә лә сәс матурлыҡ символы булараҡ һүрәтләнә: яҡшы ҡыҙ иртә торһа, толом (сәс) үрер (мәҡәл), толом-толом сәстәреңде көн дә килә күрәһем һ.б.

Совет власы урынлаштырылғанға тиклем башҡорт ҡатын-ҡыҙҙары оҙон сәсле булған. Илдә барған үҙгәрештәр толомдарға ла ҡағылмай ҡалмаған. Совет власын урынлаштырыу йылдарында, сәсен ҡырҡтырған комсомолкаларҙы өнәмәгәндәр, сәс ҡырҡтырыуҙы ярамаған эш тип ҡабул иткәндәр. Мәҫәлән: Ана ҡайһы берәүҙәр бар, ҡаланан уҡып ҡайттыҡ, тигән булалар ҙа, сәстәрен ҡырҡып, ирҙәр араһына, советҡа ҡатнашҡан булып, собраниелар яһаған булып маташалар. Алмаҡайҙар артынан, Алмаҡай булам, тип сәсеңде лә ҡырҡтыр инде, тәүбә әстәғфирулла [23, 98-се б.].

Ә башҡорт халыҡ ижадында ялбыр сәс, боронғоларҙың ышаныуы буйынса, был донъялағы кешеләр һәм бүтән заттар араһындағы айырмалыҡтарҙы күрһәтеүсе билдә булып торған.

Кеше затынан түгел, икенсе заттан булған ҡыҙҙарҙы оҙон, ялбыр сәсле итеп һүрәтләүҙе “Заятүләк

менән Һыуһылыу”, “Аҡбуҙат” эпостарында ла күрергә була. Ә бына ошо уҡ “Аҡбуҙат” эпосында ер ҡыҙы Айһылыуҙың сәсе үрелгән килеш һүрәтләнә, бының менән кеше затынан булған ҡыҙҙарҙың айырмалығы билдәләнә: Оҙон керпеге аша / Ҡарап көлгән күҙ булыр. /Ҡарсығалай түш киргән. / Толомон сәсмәүләп үргән, /Ынйылай теш йылтыратып, Наҙлы көлгән ҡыҙ булыр [21, 46-сы б.].

Башҡорт халҡында албаҫты ла оҙон ялбыр сәсле ҡатын-ҡыҙ ҡиәфәтендә күҙалланған: Башҡорт мифологияһында албаҫты ялбыр һары сәсле, оҙон имсәкле ҡатын-ҡыҙ ҡиәфәтендәге мифик зат [18, 22-се б.]. Ошоға бәйле, бөгөнгө көндә лә сәстәрен йыймай йөрөгән ҡыҙҙарға “албаҫты һымаҡ ялбырап йөрөй” тип әйтәләр.

Сәс матурлыҡ төшөнсәһен белдергән һүҙ булараҡ, башҡорт ҡатын-ҡыҙ исемдәре араһында ла йыш осрай. Башҡорт телендә “сәс” компоненты Алтынсәс, Ҡолансәс, Ҡарасәс, Һарысәс, Ерәнсәс кеүек ҡатын-ҡыҙ исемдәрендә урын алған.

Бындай исемдәр менән миҫалдарҙы башҡорт халыҡ ижады өлгөләрендә, проза әҫәрҙәрендә күрә алабыҙ. Мәҫәлән: Беҙҙең ауылда ике Ҡарасәс бар ине... Минең аҙашты “Әрпеш Ҡарасәс” тип, мине “Сая Ҡарасәс” тип йөрөткән була торғайнылар... – тип көйлө башлап китте ул хикәйәһен [22, 234-се б,]. Бай ҡайҙандыр бынан бик алыҫ торған бер батшаның Алтынсәс исемле бик матур зифа буйлы ҡыҙы барлығын ишетә [21, 92-се б.]. Ҡолансәс май тасҡығанда, һыйырының майы менән ҡолан сәсен ялтыратып тарар булған [21, 245-се б.].

Һыу инәһе Һарысәс,

Ер инәһе Ерәнсәс! [24, 93-сө б.]

Антропонимдарҙан тыш «сәс» компоненты библионимдар (әҫәр, китап атамаһы) һәм артионимдар (сәнғәт әҫәре атамаһы) составында ла осрай. Мәҫәлән, Ф. Бүләковтың “Һарысәс”, Д. Юлтыйҙың “Ҡолансәс” драмалары, М. Ғафуриҙың “Хан ҡыҙы Алтынсәс” әҫәре, «Оҙон сәс», «Ҡуңыр сәс» бейеүҙәре, «Ҡара сәс», «Сәс үрмәсем», «Бөҙрә сәс, зәңгәр күҙ», «Сәскәйҙәрең толом-толом», “Һары ла сәс” йырҙары билдәле.

Башҡорт халыҡ ижады өлгөләрендә сәстең аҡылды символлаштырыуын да күрергә мөмкин. Таҙ образының аҡылға бер төрлөрәк итеп һүрәтләнеүе уның сәсһеҙ булыуы менән аңлатыла [21, 4-се б.]. Шулай уҡ, ҡатын-ҡыҙҙарға ҡарата әйтелгән “сәсе оҙон – аҡылы ҡыҫҡа” мәкәлендә лә сәс аҡыл символы булараҡ һүрәтләнә: сәсе оҙон булыуға ҡарамаҫтан, аҡылы ҡыҫҡа, йәғни, сәс оҙон булғас, аҡылы ла булырға тейеш.

Башҡорт халыҡ йолаларынан күренеүенсә, сәс толомо ҡатын-ҡыҙҙың ғаилә хәле күрһәткесе лә булып килгән. Йәш башҡорт ҡыҙҙары сәстәрен берҙән үргәндәр, кейәүгә сыҡҡан ҡатындар икенән үреп, сәс осона мотлаҡ рәүештә тәңкәле таҫма таҡҡандар [3, 617-се б.].

Тупланған материалдан күренеүенсә, “сәс” һүҙе күсмә мәғәнәлә тәбиғәттәге еп һымаҡ әйберҙәрҙе атау өсөн ҡулланыла. Мәҫәлән, ялбырлап ултырған сал башлы йөнтәҫ үлән әҙәби телдә ҡылған тип атала. Башҡорт теленең диалекттарында был үҫемлекте, форма һәм төҫ оҡшашлығына нигеҙләнеп, “сәс” компонетлы лексик берәмектәр менән атайҙар: сәстүлән (арғаяш), урман сәсе (урта), мәрйә сасы (арғаяш), әбей сәсе (арғаяш, мейәс), әбейсәс (төньяҡ-көнбайыш), әби сәсе (дим), урыҫ сасы (салйоғот), урыҫ сәсе (әй) [20].

Үҫемлектең айырым өлөштәрен белдергән сәс тамыр, кукуруз сәсе атамалары – форма оҡшашлығына нигеҙләнгән метафоралар. Башҡорт теленең арғаяш, дим һөйләштәрендә осраған сәслән (һыуҙа йәшәгән ҡыл һымаҡ нәҙек оҙон паразит селәүсен) һәм сәсйылан (кешенең эсәк буйында була торған оҙон имгес селәүсен) атамалары ла форма оҡшашлығына нигеҙләнгән метафоралар төркөмөнә ҡарай.

Хайуандарҙың тәнен ҡаплап торған төрлө оҙонлоҡтағы төк һәм йөндө һөйләштәрҙә “сәс” һүҙе менән атау күҙәтелә. Мәҫәлән, йылҡының маңлай сәсе мандай сәс (арғаяш, мейәс), сикә сәсе (арғаяш, әй), ә бәкәлендәге оҙон йөн бәкәл сәсе (төньяҡ-көнбайыш) атамалары менән белдерелә. Ҡыҙыл һөйләшендәге кикелсәс лексемаһы ҡоштарҙың түбәһендәге өлтәйеп торған йөнөн атау өсөн ҡулланыла.

“Сәс” һүҙенең күсмә мәғәнәлә йөн һүҙен белдереүе сәсҡырғыс атамаһында ла күҙәтелә. Сәсҡырғыс – малдың йөн төбөн ҡырып юлыта торған ҡанатһыҙ бөжәк.

Тормош-көнкүрештә ҡулланылған ҡорамал атамалары араһында “сәс” һүҙе еп, сүс мәғәнәһендә ҡулланыла: сәс ағасы (ҡыҙыл) – киндер һуҡҡанда иреш башында ептәрҙе теҙә торған еп йәки ағас; сәсалыҡ – етен сүсен тарау ҡулайламаһы, етен тарағы.

Хәҙерге башҡорт телендә һәм уның диалекттарында “сәс” компонентлы лексик берәмектәр тура һәм күсмә мәғәнәлә бик күп төрлө төшөнсәләрҙе белдерә. Тура мәғәнәлә сәс кешенең башында үҫә торған төктө белдереп, сәс өлөшө, тәрбиәләү саралары атамаларын ғына түгел, аҡыл, матурлыҡ төшөнсәләрен символлаштыра, ҡатын-ҡыҙҙың ғаилә хәлен, кеше затынан булыуын белдерә. Күсмә мәғәнәлә сәс һүҙе тәбиғәттәге еп һымаҡ әйберҙәрҙе, хайуандарҙың тәнендәге төктәрҙе, сүстәрҙе атау өсөн ҡулланыла һәм метафорик атамалар составында осрай.

ӘҘӘБИӘТ

1. *Бабушкин А.П.* Лексемы «волосы» и «волосок» в русском и английском языках (сопоставительный аспект) // Сопоставительные исследования. Воронеж, 2015. С. 84–88.

2. *Башкатова Ю.А.* Концепт «волосы» на материале русской и английской лингвокультур // Концепт и культура. Кемерово, 2012. С. 86–91.

3. *Баязитова Р.Р.* “Волосы” в традиционной культуре башкир // Вестник удмуртского университета, 2018. Т. 28. Выпуск 4. С. 613–619.

4. *Баязитова Р.Р.* Семантика волос в традиционной

культуре башкир // Семантика и прагматика слова и текста. Архангельск, 2010. С. 263–265.

5. *Бергер В.П.* Мифологические истоки концептуализации соматизмов в разных лингвокультурах (на примере концепта «волос») // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3. № 4. С. 54–57.

6. *Бесолова Е.Б., Габуниа З.М.* О знаковой функции и культурной семантике волос // Известия СОИГСИ. № 23 (62). 2017. С. 117–129.

7. *Варавина Г.Н.* Волосы в религиозных представлениях тунгусоязычных этносов Якутии // Гуманитарные науки в Якутии: исследования молодых ученых. Якутск, 2011. С. 97–101.

8. *Диденко А.А.* «Язык волос» как коммуникативная система // Тезисы докладов XXXVI научной конференции студентов и молодых ученых вузов южного федерального округа, посвященной 40-летнему юбилею кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. 2009. С. 35–36.

9. *Караоол Ч.А.* Обряд первой стрижки волос в традиционной культуре тывинцев // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 4–3 (53). С. 34–36.

10. *Криничная Н.А.* Водное божество: магия расчесывания волос как предпосылка к сотворению бытия (по севернорусским фольклорно-этнографическим материалам) // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 137–152.

11. *Мусаева М.К.* Традиционный ритуал первой стрижки волос в детском цикле обрядов народов нагорного Дагестана // Этнология, история, археология, культурология. Материалы Среднеазиатско-кавказских исследований. Санкт-Петербург, 2007. С. 164–165.

12. *Персидская А.С.* Лингвокультурологический анализ наименований волос в диалектах селькупского языка // Вестник Томского государ-ственного педагогического университета. 2016. № 6 (171). С. 50–53.

13. *Саая С.О.* Об обряде обрезания волос у детей // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы III международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной 20-летнему юбилею Тувинского государственного университета, Году народных традиций в Республике Тыва. Тувинский государственный университет. 2015. С. 54–55.

14. *Светличная И.В.* Символика волос как феномен культуры // Гуманитарное образование в креативно-антропологическом измерении. Сборник научных статей 12-й Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 239–245.

15. БашҠорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т.VII: (П–С хәрефтәре) / Ф.Ғ. Хисамитдинова редакцияһында. Өфө: Китап, 2015. 872 б. (Академический словарь башкирского языка: в 10 т. Т. VII: (Буквы П–С) / Под редакцией Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2015. 872 с.)

16. БашҠорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. III: (Т хәрефе) / Ф.Ғ. Хисамитдинова редакцияһында. Өфө: Китап, 2016. 832 б. (Академический словарь башкирского языка: в 10 т. Т. III: (Буква Т) / Под редакцией Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2016. 832 с.)

17. БашҠорт теленең диалекттары һүҙлеге. Өфө: Китап, 2002. 432 б. (Словарь диалектов башкирского языка. Уфа: Китап, 2002. 432 с.)

18. *Хисамитдинова Ф.Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.

19. *Хисамитдинова Ф.Ғ.* БашҠорт мифологияһы: Белешмә һүҙлек. Өфө: Ғилем, 2002. 126 б. (*Хисамитдинова Ф.Г.* Башкирская мифология: справочный словарь. Уфа: Гилем, 2002. 126 с.)

20. *Һаҙыева Р.Н.* БашҠорт теленең этнолингвистик һүҙлеге. Өфө: Ғилем, 2002. 176 б. (*Хадыева Р.Н.* Этнолингвистические словарь башкирского языка. Уфа: Гилем, 2002. 176 с.)

21. *БашҠорт халыҠ* ижады: *эпос.* Өфө: Китап, 1998. 448 б. *(Башкирское народное творчество: эпос. Уфа: Китап, 1998. 448 с.)*.

22. *Бишева З.А.* Кәмһетелгәндәр. Роман. Өфө: БашҠортостан китап нәшриәте, 1990. 432 б.

23. *Дәүләтшина Һ.Л.* Айбикә. Өфө: Китап, 1960. 196 б.

REFERENCES

1. Babushkin, A.P. *Leksemy "volos" I "volosok" v russkom I angliyskom yazikakh (sopostavitel'niy aspect)* [Lexemes «hair» in Russian and English (comparative aspect)]. Voronezh, 2015. P. 84–88. (in Russ.).

2. Bashkatova, Y.A. *Contsept "volosy" na materiale russkoy I angliyskoy lingvokul'tur* [The concept of "hair" on the material of Russian and English linguistic cultures]. Kemerovo, 2012. P. 86–91. (in Russ.).

3. Bayazitova, R.R. *"Volosy" v traditsionnoy cul'ture bashkir* ["Hair" in the traditional culture of the Bashkirs]. Izhevsk, 2018. P. 613–619. (in Russ.).

4. Bayazitova, R.R. *Semantica volos v traditsionnoy cul'ture bashkir* [The semantics of hair in the traditional culture of the Bashkirs]. Arhangel'sk, 2010. P. 263–265. (in Russ.).

5. Berger, V.P. *Mifologisheskiye istoki kontseptualizatsii somatizmov v razlishnyh lingvo-kulturakh (na primere kontsepta "volos")* [Mythological origins of the somathisms conceptualization in different linguocultures (on the example of the "hair" concept)]. Belgorod, 2017. P. 54–57. (in Russ.).

6. Besolova, E.B., Zinaida Gabunia, Z.M. *O znakovoy funktsii I kul'turnoy semantike volos* [On the sign function and cultural semantics of hair]. Vladikavkaz, 2017. P. 117–129. (in Russ.).

7. Varavina, G.N. *Volosy v religioznykh predstavleniyakh tungusoyazychnykh etnosov Yakutii* [Hair in religious beliefs of the Tungus-speaking ethnic

groups of Yakutia]. Yakutsk, 2011. P. 97–101. (in Russ.).

8. Didenko, A.A. *"Yazyk volos" kak kommunikativnaya sistema* ["Hair language" as a communication system]. Krasnodar, 2009. P. 35–36. (in Russ.).

9. Karaool, Sh.A. *Obryad pervoy strizhki volos v traditsionnoy kul'ture tyvintsev* [The ceremony of the first haircut in the traditional culture of the Tuvinian people]. Sherepovets, 2013. P. 34–36. (in Russ.).

10. Krinichyaya, N.A. *Vodnoye bozhestvo: magiya raschesyvaniya volos kak predposylka k sotvoreniyu bytiya (po severnorusskim fol'klorno-etnograficheskim materialam)* [Water deity: the magic of combing hair as a prerequisite for the creation of life (based on North Russian folklore and ethnographic materials)]. Moscow, 2013. P. 137–152. (in Russ.).

11. Musaeva, M.K. *Traditsionnyy ritual pervoy strizhki volos v detskom tsikle obryadov narodov nagornogo Dagestana* [The traditional ritual of the first haircut in the children's cycle of rituals of the peoples of highland Dagestan]. Sankt-Peterburg, 2007. P. 164 – 165. (in Russ.).

12. Persidskaya, A.S. *Lingvokul'turologicheskiy analiz naimenovaniy volos v dialektakh sel'kupskogo yazyka* [Linguistic and cultural analysis of hair names in dialects of the Selkup language]. Tomsk, 2016. P. 50–53. (in Russ.).

13. Saaya, S.O. *Ob obryade obrezaniya volos u detey* [On the rite of hair cutting in children]. Kizil, 2015. P. 54–55. (in Russ.).

14. Svetlichnaya, I.V. *Simvolika volos kak fenomen kul'tury* [The symbolism of hair as a Cultural Phenomenon]. Ekaterinburg, 2015. P. 239–245. (in Russ.).

15. *Akademicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [Academic Dictionary of the Bashkir Language]. Ufa, 2015. 872 p. (in Russ. and in Bashkir)

16. *Akademicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [Academic Dictionary of the Bashkir Language]. Ufa, 2016. 832 p. (in Russ. and in Bashkir)

17. *Dialektologicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [Dialectological dictionary of the Bashkir language]. Ufa, 2002. 432 p. (in Russ. and in Bashkir)

18. Khisamitdinova, F.G. *Mifologicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [Mythological dictionary of the Bashkir language]. Moscow, 2010. 452 p. (in Bashkir).

19. Khisamitdinova, F.G. *Mifologicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [Mythological dictionary of the Bashkir language]. Ufa, 2002. 126 p. (in Russ. and in Bashkir)

20. Khadyeva, R.N. *Etnolingvisticheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [Ethnolinguistic dictionary of the Bashkir language]. Ufa, 2002. 176 p. (in Bashkir).

21. *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo: Epos* [Bashkir folk art: Epic]. Ufa, 1998. 448 p. (in Bashkir).

22. Biisheva, Z.A. *Camhetelgandar* [Humiliated]. Ufa, 1990. 432 p. (in Bashkir).

23. Daylatshina, H.L. *Aybika* [Aybika]. Ufa, 1960. 166 p. (in Bashkir).

DOI 10.24412/2223-0564-2021-3-58-64

Л.К. Ишкильдина

УДК 801.4: 809434.3

ФОНЕМА [Л] БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ, ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ

Аннотация

В данной статье приведены результаты экспериментально-фонетических исследований по фонеме [л] башкирского языка, а также анализ ее генезиса.

Экспериментальный материал, полученный методом магнитно-резонансного томографирования, показал отличие от теоретических выводов, приведенных в «Грамматике современного башкирского литературного языка» (1981) касательно артикуляционно-акустической характеристики данной фонемы.

По современным инструментальным данным было определено, что фонема [л] башкирского языка – согласная сонорная переднеязычная дентально-альвеолярная смычно-щелевая (или латеральная) звонкая. В языке употребляются два ее основных аллофона: веляризованный в твердорядных словоформах и палатализован-

Ишкильдина Линара Камиловна, *кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа), e-mail: lina86_08@mail.ru*

Linara K. Ishkildina, *Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Department of Linguistics, Order of Honour Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences (Ufa), e-mail: lina86_08@mail.ru*

© Ишкильдина Л.К., 2021

ный – в мягкорядных. При артикуляции палатализованного варианта тело языка находится в передней части ротовой полости, что говорит о его опередненности по сравнению с веляризованным аллофоном.

Фонема [л] в башкирском языке функционирует в трех позициях слова (анлаут, инлаут, ауслаут), а также в начале аффиксов.

В инициальной позиции фонема [л] в тюркских языках, в том числе, и в башкирском языке, употребляется в основном в заимствованиях. Она не восстанавливается для пратюркского состояния, по крайней мере в полнознаменательных частях речи. Однако анлаутный согласный l имел место быть в древнетюркском периоде в звукоподражательной лексике, обнаруживающей параллели по многим тюркским языкам. В башкирском языке звукоподражания и их дериваты имеют как общетюркские и урало-алтайские корни, так и представляют собой собственно башкирские имитативы.

В середине и конце слова согласная фонема [л] башкирского языка продолжает пракыпчакский *-l(-),* реконструируемый к пратюркскому плавному сонорному **-l(-)*.

Ключевые слова: башкирский язык, фонетика, экспериментальные исследования, фонема [л], историческое развитие

Linara K. Ishkildina

THE FONEME [L] IN THE BASHKIR LANGUAGE: EXPERIMENTAL DATA, HISTORY OF DEVELOPMENT

Abstract

This article presents the results of experimental-phonetic research on the phoneme [l] of the Bashkir language, as well as analysis of its genesis.

The experimental material obtained by the method of magnetic resonance imaging showed a difference from the theoretical conclusions given in the «Grammar of the Modern Bashkir Literary Language» (1981) regarding the articulatory-acoustic characteristics of this phoneme.

According to modern instrumental data, it was determined that the phoneme [l] of the Bashkir language is a sonorant anterior lingual dental alveolar occlusive-constrictive (or lateral) voiced consonant. The language uses two of its basic allophones: velarized in solid wordforms and palatalized in soft ones. When the palatalized variant is articulated, the body of the tongue is located in the anterior part of the oral cavity indicating that it is ahead of the velarized allophone.

The phoneme [l] in the Bashkir language functions in three positions of the word (anlaut, inlaut, auslaut), as well as at the beginning of affixes.

In the initial position, the phoneme [l] in the languages, including the Bashkir language, is used mainly in borrowings. It is not restored for the pra-Türkic state, at least in the content parts of speech. However, the anlaut consonant l occurred in the old Türkic period in onomatopoeias with their parallels in many Türkic languages. In the Bashkir language, onomatopoeias and their derivatives have either common Türkic and Ural-Altai roots or actually represent Bashkir imitations.

In the middle and end of the word, the consonant phoneme [l] of the Bashkir language follows the pra-Kypchak *-l(-)* reconstructed to the pra-Turkic liquid sonorant **-l (-)*.

Key words: Bashkir language, phonetics, experimental research, phoneme [l], historical development

В данной статье представлены артикуляторно-акустические характеристики фонемы [л] башкирского языка по современным экспериментальным данным, а также ее историческое развитие. Экспериментальные материалы получены МРТ[1] -методом в Международном томографическом центре СО РАН (г. Новосибирск) и расшифрованы в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В.М. Наделяева (ЛЭФИ) Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) под руководством фонетиста-экспериментатора Н.С. Уртегешева. Результаты экспериментально-фонетических исследований согласных башкирского языка были изданы в виде серии «Атласов» (2012, 2013, 2014) под авторством Н.С. Уртегешева, Ф.Г. Хисамитдиновой, Л.К. Ишкильдиной [7; 8; 9].

[1] Метод магнитно-резонансного томографирования широко применяется во всем мире в фонетических исследованиях для выявления особенностей артикуляции звука.

Экспериментальные данные

В «Грамматике современного башкирского литературного языка» (1981) фонема [л] определяется как “щелевой альвеолярно-нёбный сонант, произносимый плавно, без напряжения” [2, с. 56]. Данное определение не совсем верное, т.к. при артикулировании данной фонемы передняя часть языка плотно прижимается к верхним зубам или альвеолам, а воздушная струя проходит по обе стороны языка, тем самым образуя смычно-щелевой сонант, а не просто щелевой.

В экспериментальных исследованиях, было зафиксировано, что при артикуляции фонемы [л] участвует передняя часть языка (апикальная или дорсальная), которая прижимается к верхним зубам, альвеолам или передней части твердого неба и является тем самым дентальной, альвеолярной или переднетвердонебной. Как видим, в «Грамматике современного башкирского литературного языка» (1981) дентальный аллофон не указан.

Палатальный и велярный[2] варианты фонемы [л] акустически отличаются друг от друга мало, поскольку первый из них характеризуется не сколько собственно палатальностью, сколько опередненностью по сравнению со вторым” [2, с. 56]. Это утверждение подтверждается экспериментальными данными. Так, в слове *ал* ‘бери’ у 3-х дикторов было зафиксировано апикальное дентальное либо дорсальное дентальное произношение, в то время как в слове *тел* ‘язык’ наблюдается дорсальная альвеолярная или дорсальная переднетвердонебная артикуляция с умеренной[3] степенью палатализации [7; 8; 9]. У мягкорядного оттенка тело языка расположено в передней части ротовой полости, уменьшив тем самым объем данной полости – фон

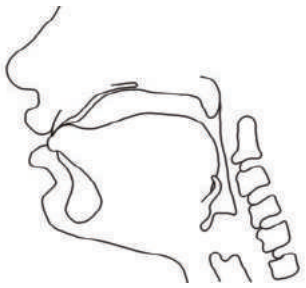

Рис. 1

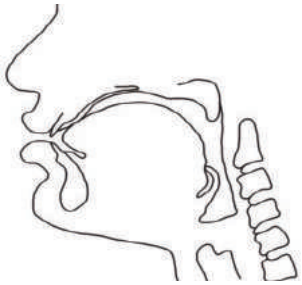

Рис. 2

палатализованный. Твердорядный оттенок имеет противоположную артикуляцию: передняя часть ротовой полости больше глоточной, что говорит о непалатализованной окраске последнего.

В качестве примера на рисунках 1–2 представлены артикуляторные настройки аллофонов фонемы [л] в конечной позиции у диктора Л.К. Ишкильдиной (кызыльский говор восточного диалекта).

Звук «л» в твердорядной словоформе *ал* ‘бери’ (рис. 1): *малошумный (сонорный) переднеязычный дорсальный дентальный медиальносмычный латеральнощелевой звонкий ртовый согласный.* По дополнительным характеристикам: *сильнонапряженный непалатализованный фарингализованный* [7, с. 72–73].

Звук «л′» в мягкорядной словоформе *тел* ‘язык’ (рис. 2): *малошумный переднеязычный дорсальный альвеолярный медиальносмычный латеральнощелевой звонкий ртовый согласный.* По дополнительным характеристикам: *умереннонапряженный умереннопалатализованный* [7, с. 74–75].

Как видно на рисунках, палатализованный аллофон фонемы [л] в слове *тел* произносится переднее, чем веляризованный вариант в слове *ал*. Также видно, что при артикуляции палатализованного «l′» средняя часть спинки языка приподнята к мягкому небу.

Обобщая данные современных исследований можно дать следующее определение: фонема [л] в башкирском языке – согласная сонорная переднеязычная дентально-альвеолярная смычно-щелевая (латеральная) звонкая.

[2] В современных фонетических исследованиях употребляются термины «палатализованный» и «веляризованный», т.к. это дополнительные характеристики фонов, а не ее основное место образования.

[3] См. Универсальную унифицированную фонетическую транскрипцию В.М. Наделяева (1960).

Историческое развитие

В исконной лексике фонема [л] представлена в основном в инлауте и ауслауте: *ала* ‘пестрый, пятнистый’, *алһыу* ‘розовый’, *ҡала* ‘город’, *илау* ‘плакать’, *илəү* ‘прясть’, *көлөү* ‘смеяться’, *бал* ‘мед’, *тал* ‘ива’, *тел* ‘язык’. Для анлаута она редкое явление, так как выступает в основном в звукоподражаниях и образованных от них словоформах.

Согласная [л] в начале слова широко употребляется в основном заимствованиях: 1) из арабского и персидского языков: (араб.) *лайыҡ* ‘достойный, заслуживающий’, (перс.) *лаф* ‘хваставство, бахвальство’, (араб.) *лөғəт* ‘слово; словарь’, (перс.) *ləғир* ‘худой, слабый’, (араб.) *ləззəт* ‘удовольствие’, (араб.) *ləкин* ‘союзно, да, однако’ и др.; 2) из русского языка и через русский: *лампа, лак, лаборатория, лексикограф, лексема* и др.

В начале слова

В инициале слов…*l*- в исконно тюркских словах не употребляется, поэтому он может служить своеобразным индикатором заимствованного слова [6, с. 346]. Тем самым, анлаутный *l*- для пратюркского состояния не реконструируется [4, с. 182]. Однако здесь нужно уточнить, что *l*- не употребляется в полнознаменательных лексемах, а в звукоподражаниях и их дериватах он имеет место быть.

В древнетюркских текстах зафиксировано около двух десятков иноязычных лексем с анлаутным *l*-, например: араб. *latïfa* ‘шутка, острота’, кит. *limkän* ‘желтая груша’, тиб. *lïγso* ‘хорошо!’, араб. *luγat* ‘язык, речь’ [3, с. 332–334] и др.

В башкирском языке субстантивы с анлаутной фонемой [л] являются в основном заимствованиями: башк. *лай* ‘ил, тина’, *лайла* ‘слизь’ - общетюрк. *лай / ылай* ‘раствор глины; грязь, тина’ < скорее всего от перс. *лай* [1, с. 530; 11, с. 314]; башк. *лапаҫ* ‘навес, сарай, лабаз’ - тат., чув. *лапас* < финно-угорское слово [1, с. 532]; башк. *лепкə* ‘*анат*. родничок’ < финно-угор. (мар.) *lepkä* ‘лоб’ [11, с. 319]; башк. диал. *ləпек* ‘грязь’ < возможно мар. *leße* ‘теплый’ [11, с. 316]; башк. *ləпəк* ‘мошкара’ - тат. *ləпəк* < скорее всего финно-угорское [1, с. 535] и т.д.

Старые заимствования из русского языка с инициальным «л» были фонетически адаптированы в разговорном языке, например: *лавка* > *эləүкə, лямка* > *ləмкə, лебеда* > (диал.) *əлбиҙə*.

В башкирском языке анлаутная фонема [л] в собственной лексике употребляется в подражательных словах и образованных от них словоформах, которые имеют различные этимологические корни. Их можно разделить на следующие группы:

а) звукоподражания, возникшие на собственной языковой основе: *ларҫ, ларҫ-лорҫ* ‘подр. глухому, обрывистому лаю собаки (*гав-гав*) или падению с грохотом *чего-л.* тяжёлого’ > *ларҫылдау / ларһылдау* ‘гавкать’> *ларһылдатыу* (понуд. форма); *лөп* ‘подр. звуку лёгкого глухого хлопанья, шлёпанья чём-л. плоским *хлоп*’ > *лөпөлдəтеү* ‘легко похлопывать’; *лөр-лөр* ‘подр. голосу маленького ребёнка’; *лаңк-лаңк* ‘подр. *гав-гав*’ > *лаңкылдау, лаңкылдаҡ* и т.п.; *луп-луп* ‘подр. похлопыванию, напр. по спине; подражание чавканью’ > *лупылдатыу, лупылдау*; *ləүк-ləүк* ‘подр. лаю маленькой собачки *тяв-тяв*’;

б) слова, имеющие общетюркскую основу: башк. *лағыр / лоғор / лығыр* ‘подр. звуку, возникающему при бурном кипении жидкости; беспрестанному громкому разговору’ > *лаҡылдау, лағырлау, лағырлашыу, лаҡылдашыу* и т.д. – тат. *лагыр, лыгыр*, кум. *лакыр,* ктат., тур. *lakirdi* ‘болтать’, казах., ккалп. *лақырлау* ‘шуметь’, кирг., уйг. *лақилда-* ‘шуметь’, турк. *лагырда-, лакгылда-* ‘бубнить, реветь’, як. *лахсыыр* ‘болтун, болтливый’< общетюрк. *лакыл ~ лакыр*;

башк. *лабыр / лыбыр* ‘подр. быстрой и невнятной речи’ > *лабырлаҡ/ лыбырлаҡ* ‘о человеке, который много и невнятно говорит’, *лабырлау / лыбырлау* ‘лепетать, говорить невнятно’ и др. – тат. *лабыр* ‘подр. глубокой грязи и громкому пустословию’, чув. *лапăр, лăпăр-лăпар*, *лапăрт* ‘подр. хлюпанью, бульканью жижи; чавканью животного’, узб. *лабыр*, турк. *лабыр-лабыр* ‘подр. шуму, возникающему при колыхании огня’, як. *Лабыгырас*

‘сильно хлопающий (о звуке); быстро, бойко говорящий’;

башк. *лыҡ, лыка* ‘имитатив, означающий переполненность до краев, доверху’ – тат. *лык*, казах. *лық*, кирг. *лык*, узб., уйг. *лиқ*, чув. *лăкă, лăк* ‘то же’;

башк. *лып* ‘подр. глухому шуму, возникающему при падении *чего-либо* тяжелого’ > *лыпын* ‘плашмя’, *лыпашыу* ‘налипать, облипать, быть набитым к *чему*’, *лыпылдатыу* ‘шлепать *чем* по *чему*’ и др. – тат. *лып* ‘имитатив падению плашмя’, *лыпын* ‘плашмя’, чув. *лăп* ‘подр. несильному хлопку, мягкому шлепку’;

башк. *лас* ‘подр. чавканью при еде’, *ласҡ* ‘подр. чавканью; хлюпанью воды, грязи’ > *ласҡылдау* ‘чавкать; хлюпать’ – тат. *лач*, *лачт, лач-лоч*, чув. *лач* ‘подр. шлепающему звуку предмета’, *лӑч-лач* ‘подр. неравномерному плеску жидкости’, казах. *лас* ‘грязь’, турк. *ласыр-ласыр* ‘звук, возникающий при кипении’, як. *лас* ‘подр. громкому щёлкающему звуку, напр. от удара кнутом, двух сомкнувшихся плоскостей’;

в) лексемы, имеющие урало-алтайские корни:

башк. *лап* ‘подр. удару сравнительно мягким предметом по твердой плоской поверхности: *шлёп, шмяк, хлоп; топ*’ > *лапайыу* ‘развалиться’, *лапашыу* ‘становиться плоским’, *лапылдау* ‘издавать звуки шлепанья; тараторить, трещать’ и др. – тат. *лап* ‘имитатив’, *лапылдау* ‘издавать звуки шлепанья’, чув., мар. *лап, лоп*, кирг., уйг., тур., як. *лап,* ног., казах., ккалп., турк. *лап* ‘о полыхани пламени’ < урало-алт. *лап* ‘подр.’;

башк. *лапаҡ* ‘приземистый, низкий’, *лапашыу* ‘становится более плоским’, *лапаштырыу* ‘делать более плоским’, *лапшайыу* ‘рассесться; развалиться’ – тат. *лапак* ‘невысокая гора с плоским верхом’, чув. *лап, лапӑ* – мар., удм. *лап, лаб*, морд. *лапш*, венг. *lapas*, фин. *lapea* < скорее всего от урало-алт. корня *лап, лапа* ‘плоский, пологий, низкий, низина, уплощенный’ [10, с. 329];

башк. *леп, леп-леп, лепер-лепер* ‘подр. быстрому легкому движению’> *лепелдәү* ‘трепетать, биться’, *леперләтеү* ‘трепетать, шевелиться’ – тат. *леп, леп-леп, лепер, лепелдәү*, чув. *лӗп* ‘подр.’, *лӗпӗ* ‘бабочка’, кирг. *лэп-лэп*, уйг. *лип-лип*, казах. *леп* ‘дуновение’ – мар. *леп, леп-леп*, от этого звукоподражания возник субстантив ‘бабочка’ в финно-угорских языках > мар. *лыве, лыпы*, фин. *liippo*, эст. *libikas*, хант. *лыбынды*, манс. *лабати*, венг. *lepke* ‘бабочка’ [1, с. 537; 10, с. 337].

Таким образом, начальный «л» в башкирском языке активно выступает в звукоподражаниях и их дериватах. Часть из них возникла на собственной языковой основе, другая – имеет более глубокие корни, восходящие к тюркской и даже к урало-алтайской общности.

В начале аффиксов

Согласный «л» является весьма продуктивным как в башкирском языке, так и в тюркских языках в общем. Например, аффикс мн. числа – *-лар/-ләр*, аффиксы, образующие имена прилагательные – *-лы/-ле/-ло/-лө* и существительные – *-лыҡ/-лек/-лоҡ/-лөк*.

Форму мн. ч. с *l* возводят к пратюркскому состоянию [6, с. 347; 5,с. 229]. Аффикс множественности *-lar/-ler* употребляется во всех современных тюркских языках. Однако наряду с *-лар* в башкирском языке существуют варианты *-тар, -дар, -ҙар* и диалектный *-нар.* В некоторых тюркских языках также наблюдается многовариантность окончаний множественного числа: в алтайском – *l/t/d*, в казахском – *l/t/d*, в киргизском – *l/t/d*, в языке барабинских татар – *l/n/t*. “Сложности распределения морфонологических вариантов показателя *-lar* и *-tar/-dar* в кыпчакских, кыргызских и тобаских языках позволяют предположить, что в начале “общетюркская” ситуация с показателями мн. числа была похожа на нынешнюю якутскую, т.е. наряду с показателем *-lar* функционировали и показатель *-t* от названий лиц, и образуемый по аналогии двойной показатель множественности *-t-lar* > *-t-tar* > *-tar*; впоследствии в части ареала этот двойной показатель множественности становится алломорфическим вариантом показателя *-lar*” [5, с. 229].

В середине слова

Вслед за Г. Рамстедтом в тюркологии принято различать плавный сонант *l·* и глухой спирант *ł*, последний из которых дает рефлекс в виде «ш» в тюркских языках, а в чувашском «ш» и «л».

В срединной позиции фонема [л] башкирского языка восходит к пракыпчакскому *-l-*, который берет начало от пратюркского плавного **-l-*: пратюрк. **āla* ‘пестрый’ > др.-тюрк. *ala* > башк. *ала*; пратюрк. **jalpï* ‘широкий, плоский; лист, лопасть; мелкий’ > среднетюрк. *jalbï* > башк. *ялпаҡ* ‘плоский’; пратюрк. **jEl(b)-* ‘вид короткой куртки’ > башк. *йелән* ‘зилян верхняя лёгкая одежда на подкладке и без застёжки в виде халата без воротника’; пратюрк. **āŋ-la-* ‘понимать, слышать’ > др.-тюрк. *aŋla-* > башк. *аңла-* ‘понимать’ и т.д.

В медиале фонема [л] в башкирском языке представлена в преконсонантной (*алтын* ‘золото’, *балтыр* ‘голень’, *балдыҙ* ‘свояченица’, *билге* ‘метка, знак’, *өлкән* ‘старший’, *төлкө* ‘лиса, лис’) и интервокальной (*бала* ‘ребенок’, *болот* ‘облако’, *илек* ‘косуля’, *оло* ‘пожилой’, *һоло* ‘овес’), реже в постконсонантной (*аулаҡ* ‘укромный, безлюдный’, *һеңле* ‘младшая сестра’, *әулиә* ‘святой; провидец’) позициях.

В постконсонантной позиции согласный «л»

часто выступает как начальный звук аффикса: *йөн-лө* ‘шерстяной’, *болот-ло* ‘облачный’, *өй-лә-неү* ‘пожениться’, *оҙай-лы* ‘длительный’ и т.п. В данной позиции в восточных говорах башкирского языка выступает смычный «д» (после сонорных «н», «м», «ң», «л» и звонкого «ж»): *һеңле* ‘младшая сестра’ – *һеңде*, *йөнлө* ‘шерстяной’ – *йөндө*, *көллө* ‘зольный’ – *көлдө*, *аңлау* ‘понимать’ – *аңдау*, *тәмле* ‘вкусный’ – *тәмде, этажлы* ‘этажный’ – *этажды* и т.п. После сонорных «р», «ҙ», «й», «w» употребляется «ҙ»: *төрлө* ‘разный’ – *төрҙө*, *һыулы* ‘водянистый’ – *һыуҙы*, *тирләү* ‘потеть’ – *тирҙәү, байлык* ‘богатство’ – *байҙык* и др. Подобные диссимилятивные сочетания наблюдаются также в казахском, киргизском, алтайском языках.

После глухих вместо литературного «л» в восточных говорах выступает глухой «т»: *атлы* ‘конный’ – *атты*, *утлык* ‘летник’ – *уттык*, *көплө* ‘крытый’ – *көптө* и т.д.

В конце слова

Конечный «л» башкирского языка продолжает пракыпчакский *-l*, который в свою очередь возводится к пратюркскому плавному *-*l.*

Ауслаутный *-l* устойчив во всех тюркских языках:

пратюрк. **ạl-* ‘брать’ > др.-тюрк. *al-* ‘брать, взять’ [3, с. 32] > башк., тат., турк., тур., кум., кбалк., алт., хак. *ал-*, чув. *ил-*, як. *ыл-*, узб. *а°л*;

пратюрк. **ēl* ‘мир; народ, страна’ > др.-тюрк. *el* > башк., тат. *ил* ‘страна, народ’, тур. *il, el*, аз., узб., казах., кбалк., кирг., кар., ккалп., кум. *ел*, хак., як. *ил*, чув. *йал*;

др.-тюрк. *ол* ‘он, она, оно’ [3, с. 366] > башк., тат. *ул*, турк., кбалк., кар.т.г, кум., кир., казах., ккал. *ол*, чув. *вăл*;

пратюрк. **ʒil*‘год’ > др.-тюрк. *jïl* [3, с. 266] > башк., тат., турк., тур., кар., кум., узб. диал. *йыл*, казах., ккал., *жыл*, алт. *д'ыл*, шор., хак. *чыл*, як. *сыл*;

пратюрк. **kül* ‘зола’ > др.-тюрк. *kül* > башк., тат. *көл*, тур., аз., гаг., турк., уйг., кирг., казах., кбалк., ккалп., кум., ног. *күл*, хак., шор. *кӳл*, тув., тоф. *хүл* и т.д.

Выводы. Таким образом, по современным экспериментальным данным было определено, что фонема [л] башкирского языка – сонорная переднеязычная дентально-альвеолярная смычно-щелевая звонкая согласная. Она реализуется в палатализованном и веляризованном вариантах, первый из которых реализуется в передней части ротовой полости.

В башкирском языке фонема [л] представлена в инициальной, медиальной и финальной позициях в слове. В инициальной позиции фиксируется в звукоподражаниях и их дериватах, а также в заимствованной лексике. Лингвистический анализ показал, что звукоподражания с начальным *л-* имеют древние корни, по крайней мере их можно возводить к древнетюркскому состоянию, т.к. соответствия обнаруживаются в разных группах тюркских языков.

В инлауте и ауслауте согласная фонема [л] продолжает пракыпчакский *-l(-)*, восходящий к пратюркскому плавному сонорному **-l(-)*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахметьянов Р.Г.* Этимологический словарь татарского языка. Том I (А-Л). Казань: Магариф Вакыт, 2015. 540 с.
2. Грамматика современного башкирского литературного языка / под. ред. А.А. Юлдашева. М.: Наука, 1981. 495 с.
3. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
4. *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М.: Изд-во иностр. лит.-ры, 1955. 222 с.
5. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э.Р. Тенишева и А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
6. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / под ред. Э.Р. Тенишева. М.: Наука, 1984. 484 с.
7. *Уртегешев Н.С., Хисамитдинова Ф.Г.* Атлас артикуляторных настроек согласных южного диалекта башкирского языка. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. 108 с.
8. *Уртегешев Н.С., Хисамитдинова Ф.Г., Ишкильдина Л.К.* Атлас артикуляторных настроек согласных восточного диалекта башкирского языка. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 104 с.
9. *Уртегешев Н.С., Хисамитдинова Ф.Г., Ишкильдина Л.К.* Атлас артикуляторных настроек согласных северо-западного диалекта башкирского языка.Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. 116 с.
10. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х т. Том I (А-Р). Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 470 с.
11. *Räsanen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969. 533 s.

REFERENCES

1. Akhmetyanov, R.G. *Etimologicheskiy slovar tatarskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tatar language]. Vol. I (A-L)]. Kazan: Magarif Vakyt, 2015. 540 p. (in Tatar).

2. *Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Bashkir literary language]. A.A. Yuldasheva (ed.). Moscow: Nauka, 1981. 495 p. (in Russ.)

3. *Drevnetyurkskiy slovar* [Ancient Türkic dictionary]. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (in Russ.)

4. Ryasyanen, M. Materialien zur Lautgeschichte der *türkischen* Sprachen. Russian edition. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1955. 222 p.

5. *Sravniteno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Historical-comparative grammar of the Turkic languages. The pra-Türkic language basis. World picture of the pra-Türkic ethnos according to language data]. E.R. Tenishev, A.V. Dybo (eds). Moscow: Nauka, 2006. 908 p. (in Russ.)

6. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Fonetika* [Historical-comparative grammar of the Türkic languages. Phonetics]. E.R. Tenishev (ed.). Moscow: Nauka, 1984. 484 p. (in Russ.)

7. Urtegeshev, N.S., Khisamitdinova, F.G. *Atlas artikulyatornykh nastroyek soglasnykh yuzhnogo dialekta bashkirskogo yazyka* [Atlas of articulatory settings of consonants in the southern dialect of the Bashkir language]. Ufa: IIYaL UNTs RAN, 2013. 108 p. (in Russ.)

8. *Urtegeshev, N.S., Khisamitdinova, F.G., Ishkildina, L.K.* Atlas artikulyatornykh nastroyek soglasnykh vostochnogo dialekta bashkirskogo yazyka [Atlas of articulatory settings of consonants in the eastern dialect of the Bashkir language]. Ufa: IIYaL UNTs RAN, 2012. 104 p. (in Russ.)

9. *Urtegeshev, N.S., Khisamitdinova, F.G., Ishkildina, L.K.* Atlas artikulyatornykh nastroyek soglasnykh severo-zapadnogo dialekta bashkirskogo yazyka [Atlas of the articulatory settings of consonants in the northwestern dialect of the Bashkir language]. Ufa: IIYaL UNTs RAN, 2014. 116 p. (in Russ.)

10. *Fedotov, M.R.* Etimologicheskiy slovar chuvashskogo yazyka [Etymological dictionary of the Chuvash language]. In 2 vols. Vol. I (A-R). Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, 1996. 470 p. (in Russ.)

11. *Räsanen, M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969. 533 s. (in German).

DOI 10.24412/2223-0564-2021-3-65-71
УДК 781.7+929

А. Токтаган, С. Баженеева, А. Абдинуров

ДИНА НУРПЕИСОВА КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦА ЖЕНЩИН-КЮЙШИ В КАЗАХСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация

Сведения об истории искусства кюя[1] казахского народа упоминаются в рукописях с XIII века. Развитие кюя как отдельное направление искусства достигло своего пика в XV–XVI веках. В этот период в сердцах народа звучали кюи с произведениями жырау-поэтов Доспанбет, Шалкииз, Казтуган. Через искусство кюя мы можем понять культурно-социальную и политическую обстановку людей, живших в давние времена. Можно сказать, что до XIX в. право профессионально заниматься кюем принадлежало мужской общине. Представительница женской общины, профессионально занимавшаяся искусством кюя, появилась во второй половине XIX в. Данная статья посвящена рассмотрению роли и места женщин в традиционной музыкальной культуре казахов. Особое внимание в работе уделяется жизни и творчеству Дины Нурпеисовой (1861–1955) – выдающейся домбристки[2]-кюйши, ученице великого композитора Курмангазы. В частности, приводятся новые факты, позволяющие уточнить некоторые моменты из ее биографии.

Актуальность статьи заключается в научном осмыслении следов жизни первой в истории Казахстана женщины-музыкального композитора. Дина Нурпеисова внесла большой вклад в формирование классической школы кюя, повысив его творческий уровень. С ее именем неразрывно связаны новшества по переработке казахского музыкального искусства в послереволюционный период и его адаптации к оркестрам. Сегодня в Казахстане около половины профессиональных занимающихся искусством кюя приходится на женщин.

Ключевые слова: музыкальная культура, кюйши, домбра, поэт, музыкант, композитор

Aitolkyn Toktagan, Sania Bazheneeva, Alibi Abdinurov

DINA NURPEISOVA AS A REPRESENTATIVE OF KUISHI WOMEN IN KAZAKH MUSICAL CULTURE

Токтаган Аитолкын, *магистр искусств, PhD докторант Казахского национального университета искусств (Нур-Султан), e-mail: posygan1988@yandex.kz*

Баженеева Сания, *магистр искусств, старший преподаватель кафедры музыкального образования, Казахский национальный университет искусств (Нур-Султан), e-mail: bazheneyeva7@hotmail.com*

Абдинуров Алиби, *магистр искусств, старший преподаватель кафедры композиции, Казахский национальный университет искусств (Нур-Султан), e-mail: a-alibi@mail.ru*

Toktagan Aitolkyn, *PhD student at the Kazakh National University of Arts (Nur-Sultan), e-mail: posygan1988@yandex.kz*
Bazheneeva Sania, *Master of Arts, Lecturer at the Department of Music Education, Kazakh National University of Arts (Nur-Sultan), e-mail: bazheneyeva7@hotmail.com*

Abdinurov Alibi, *Master of Arts, Senior Lecturer at the Department of Composition, Kazakh National University of Arts (Nur-Sultan), e-mail: a-alibi@mail.ru*

[1] Кюй– музыкальный жанр, инструментальное произведение. Кюйши – создатель и исполнитель этих произведений

[2] Домбра – казахский национальный струнно-щипковый инструмент

© Токтаган А., Баженеева С., Абдинуров А. 2021

Abstract

Information about the history of kui art of the Kazakh people is mentioned in manuscripts since the 13th century. The development of kui as a separate art trend reached its peak in the 15th-17th centuries. During this period, kui sounded in the hearts of the people with the works of zhyrau poets Dospanbet, Shalkiiz and Kaztugan. Through the art of kui, we can understand the cultural, social and political environments of the people who lived in times long past. It can be said that until the 19th century, the right to be professionally engaged in kui music belonged to the male community. It was only in the second half of the 19th century that a representative of the female community became professionally engaged in the art of kui. This article is devoted to the role and place of women in the traditional musical culture of the Kazakhs. Special attention is paid to the life and creative work of Dina Nurpeisova (1861-1955) who was an outstanding dombrist-kuishi and a student of the great composer Kurmangazy. In particular, new facts are presented that allow us to clarify some points from her biography.

The relevance of the article lies in the scientific understanding of the life path of the first female music composer in the history of Kazakhstan. Dina Nurpeisova made a great contribution to the formation of the kui classical school by raising its creative level. Innovations in arranging the Kazakh musical art during the post-revolutionary period and its adaptation for orchestras are inextricably linked with her name. Today, in Kazakhstan, about half of the professional kui artists are women.

Key words: musical culture, kuishi, dombra, poet, musician, composer

Введение

С 30-х до 90-х годов XX в. в средствах массовой информации на примере кюйши Дины Нурпеисовой описывалось бесправное положение женщин в дореволюционном Казахстане. Общеизвестно, что в советской историографии принято считать права человека периода царской России вне реальности. Согласно материалам печати того времени, женщины казахского народа, не имевшие особой культуры, достигли счастливой жизни лишь после образования СССР. Во всех газетах и журналах Дина Нурпеисова упоминалась в качестве примера казахской женщины, которая обрела свободу благодаря Советскому правительству.

В настоящее время такой подход преодолен. Тем не менее, благодаря широкой пропаганде данный взгляд на положение женщин в обществе стал чем-то привычным, он глубоко вошел в сознание людей. В результате мы воспринимаем Дину Нурпеисову как феномен, уникальный в казахской музыкальной культуре.

Конечно, она действительно обладала особым дарованием, не случайно в народе ее называют «Мать кюя» (по аналогии с Курмангазы – «Отец кюя»). Однако Дина – не единственный представитель искусства кюя. То, что в казахской традиционной культуре женщины-кюйши выступали наравне с мужчинами – явление привычное. В дореволюционном Казахстане роль женщины в обществе была высокой. Свидетельством высокого социального положения женщины (матери, девушки, дочери) могут служить сохранившиеся имена выдающихся казахских певиц, поэтов, акынов, кюйши, батыров-воительниц. И конечно же, среди них особое место занимает выдающаяся домбристка-кюйши Дина Нурпеисова. Одна из задач современного кюеведения состоит в том, чтобы освободить биографию Дины от старых наносных представлений и описать творческий путь кюйши, основывясь на объективных данных.

Дискуссия

В 1938 г. в газете «Социалистический Казахстан», посвященном Международному женскому дню 8 марта, говорится: «Великая Октябрьская Социалистическая революция, советское правительство, партия Ленина-Сталина дала женщинам истинное право; предоставила им настоящую свободу и счастливую жизнь». В другой статье говорится: «Раньше домбра Дины была подобно заике, которая не умела разговаривать. Она была полна горя и страданий, многие инструменты того времени лишь вздыхали, словно родники кюя были наполнены черным песком. Нежные женские руки были затвердевшими, из-за этого их искусство не струилось свободно. Домбра того времени звучала мрачно, горестно». Такие публикации, встречавшиеся почти во всех периодических изданиях советского времени, создавали образ дореволюционных казахских женщин как несчастных, бесправных, забитых. Одна из них – Дина Нурпеисова. Судя по материалам советской печати, ее искусство расцвело лишь после переезда в Алматы (1937 г.), когда ей было уже за 76 лет, лишь после этого ее домбра стала звучать ярко и во всю мощь. Насколько это соответствует действительности? Чтобы от-

ветить на этот вопрос рассмотрим исторические материалы, ставшие доступными в постсоветский период.

Еще при жизни Дина Нурпеисова была удостоена нескольких правительственных наград, победителем крупных музыкальных соревнований. Ее ордена и медали, победы в искусстве, благодарные отзывы, напечатанные на страницах газет и журналов – все это преподносилось как крупное достижение советской действительности. Но, как нам представляется, творческие достижения кюйши-женщины нельзя рассматривать в отрыве от ее личной жизни и материнской судьбы, о которой мало знали в те времена.

Методы

В связи с полным описанием жизненного пути конкретного человека в статье широко использовался биографический метод. Кроме того, мы опирались на метод исторической преемственности в определении истинной картины явлений, имевших место в разные исторические эпохи.

Результаты

Дина Нурпеисова родилась в 1861 г. в местности Жанакала Западно-Казахстанской области. На домбре начала играть с 3-х лет, а к 9-ти годам ее имя стало известно по всей округе. С детства Дина росла свободной, сама была выского роста и крупного телосложения, одевалась по-мужски и играла только с мальчиками. В народе существуют рассказы о том, как она участвовала в мужских соревнованиях по борьбе. Игре на домбре обучалась у великого кюйши, «отца кюев» Курмангазы [1, с. 18]. В 19 лет выходит замуж, но при этом не оставляет занятия на домбре. По некоторым данным, «В девятнадцать лет на собственной свадьбе, устав от пустой суеты окружающих, она, говорят, ударила по струнам своей домбры и полилась такая дивная мелодия, что заставила притихнуть и опомниться разгулявшийся аул жениха. Она назвала этот кюй «Оттын даурен», с горечью выразив мимолетность молодости, необратимость времени» [1, с. 20]. Позже, в одной из встреч с Курмангазы учитель порекомендовал 27-летней Дине начать сочинять собственные кюи. Первыми сочинениями Дины стали кюи, одноименные с произведениями выдающихся представителей Западно-Казахстанской традиции – Курмангазы, Даулеткерея и Туркеша. Со стороны Дины это был смелый поступок. Так, например, само исполнение, не говоря уже о сочинении, сложного во многих отношениях кюя «Байжума» под силу не каждому кюйши.

Возможно существует несколько причин, по которым Дина обратилась к сочинению одноименных кюев. Во-первых, кюйши была смелой и в жизни, и в искусстве, поэтому она, по-видимому, и решила проверить свои возможности на сложных кюях. Во-вторых, исполнение чужих произведений было недостаточно для выражения собственных мыслей и переживаний, поэтому она, возможно, и решила сочинить свой вариант одноименного кюя.

Возвращаясь к теме о роли женщин в казахском обществе можно задаться вопросом: как можно назвать женщину бесправной, зависимой, когда она в молодости соревновалась с мужчинами по борьбе, даже в замужестве не бросала домбру и сочиняя одноименные кюи бросала вызов своим учителям и наставникам? Дина – выдающаяся кюйши-композитор, мать 13 детей, уже это обстоятельство свидетельствует о стойкости ее характера. Не всякая женщина в те сложные времена совмещала воспитание 13 детей с высоким искусством. Своей исполнительской деятельностью она оберегла детей от неминуемой голодной смерти [12, с. 163]. Народ высоко ценил ее искусство и сделал все, чтобы семья ее выжила. Об этом свидетельствует воспоминание известного домбриста Кали Жантлеуова – земляка Дины Нурпеисовой. Ему и Уахапу Кабигожину было 12–13 лет, когда в 1914 г. на андреевском базаре в ауле Тайпак состоялось творческое состязание Дины со знаменитым кюйши Мамеином. «На кошме, постеленном на повозке сидела Дина с домброй, украшенной перьями филина, народ преподносил ей деньги, завернутые в платочки. Вечером мы с Уахапом пришли в дом, где должно было состояться состязание. Первой выступила Дина, которая удивила зрителей необычными приемами штриховых ударов. Через некоторое время Дина уехала по неотложным семейным делам. Такова была ее женская судьба. А Мамен остался в доме до утра и играл свои кюи удовлетворяя желание зрителей» – говорит Кали [9, с. 86]. После того вечера Кали и Уахап, до сих пор увлекавшиеся пением, теперь твердо решили заняться искусством домбрового кюя.

Приведенное воспоминание свидетельствует и о том, что народ, несмотря на трудные голодные времена, высоко ценил искусство кюя. В традиционном обществе представителей культуры особо не делили по половым признакам. Народ одинаково ценил творческую личность, будь то женщина или мужчина. Иначе разве была бы

у Дина Нурпеисовой возможности вступить в состязание с именитым Маменом.

Инструментальное состязание у казахов относится к высшему виду музыкального искусства. Оно наравне доступно и мужчинам, и женщинам. В истории сохранилось много имен женщин и девушек, искусство которых не уступало, а порой и превосходило уровень мужчин. Так, например, в народе бытует рассказ о состязании знаменитого кюйши Таттимбета с девушкой из рода найман, которая была известна в своей округе как непревзойденная домбристка. Когда они сыграли весь свой репертуар, Таттимбет тут же сочиняет очередной кюй и выходит победителем. Этот кюй он называет «Сылкылдак» (Смеющаяся) и посвящает своей сопернице [5, с. 162]. Из рассказа остается неясным, действительно ли девушка не смогла сочинить еще один кюй или проявила уважение к именитому кюйши. Рассказ заканчивается тем, что через некоторое время девушка вышла замуж и сидя за свадебным занавесом играла тот самый кюй Таттимбета «Сылкылдак» [5, с. 162].

Традиционно воспитанные казахские девушки старались не унизить достоинство своих соперников и часто добровольно признавали себя побежденными. Мужчины же иногда пользовались воспитанностью соперниц и одерживали победу недозволенными приемами, например, игрой на домбре пальцами ноги. Разумеется, девушка не могла ответить ему тем же приемом.

Состязание между джигитом и девушкой было распространено на всей территории Казахстана. До сих пор в народе с восхищением говорят о состязании Кулшара с девушкой из рода табын, кюйши Баганалы с девушкой по имени Маткарима, Абикена с Аккыз, Сугура с Мафрузой. О высоком мастерстве девушки Науша говорит тот факт, что она смело вступила в состязание сразу с двумя именитыми кюйши – 60-летним Есбаем и 40-летним Тогызбаем. Пословица гласит: «Талант не оглядывается на возраст». Известный кюйши Кулшар вынужден был состязаться с молодой девушкой и старушкой одновременно. Не выдержав это испытание Кулшар вынужден был ретироваться [9, с. 52].

Долгое время семья Дины жила за счет ее искусства. В первые годы советской власти положение дел в обществе не только не улучшалось, а, напротив, ухудшилось. Оно было связано с несправедливостью местных чиновников, неоправданно высокими налогами, своеволием местных представителей советской власти. Об этом вспоминает одна из родственников Дины – Багила Бишаева: «В 1920 году устанавливается советская власть. В это время начинается преследование Дины и ее детей. Из-за этого ее большая семья была вынуждена переехать в Астраханскую область» [11, с. 177].

1920-е годы – это не только установление советской власти в Казахстане, но и неспокойное время гражданской войны. К тому же причиной ее переезда к берегам Каспийского моря, как и многих других казахов, послужило начало массового голода. Дина со свой семьей обосновалась в местности Азау Кызылжарского (Красноярского) района, что находится на границе с Россией. Переезд из родных мест (западно-казахстанского Бекетай кума) дался Дине нелегко. Но для нее важнее было спасти детей от голодной смерти. В песках Нарын кума «Дина спасала детей тем, что собирала зерна растительности кумаршык и варила из них кашу и пекла хлеб [1, с. 69].

Это было время «коллективизации населения» – вспоминает Л. Капашев [3, с. 81].

Через некоторое время семья Дины переезжает в небольшой аул, относящийся к аульному совету Козлова Володарского района. Согласно сведениям Л. Капашева, «Местность, где проживала Дина находилась в полтора километра от аула Козлова, позже эту местность стали называть в честь великой кюйши «аулом Дины» (Диановкой)» [3, с. 82]. Об этом говорит и кюйши Едиге Набиев, уроженец этих мест: «До переезда в Алматы Дина Нурпеисова проживала в местности Диановка Володарского района, которая была названа в честь кюйши. До сих пор в этом ауле проживают одни казахи» [2, с. 106].

Название Диановка в честь Дины Нурпеисовой встречается и в воспоминаниях других людей: «Моя бабушка, мать отца, родом из села Диановка, в детстве и юности ей довелось слушать выступления Дины Нурпеисовой – ученицы Курмангазы Сагырбаева» [7, с. 49].

По сведениям Л. Капашева, «Старший сын Дины Журунбай становится членом колхоза «Кызыл ту» (Красное знамя) и работает там животноводом. ... В тот артель входит и бабушка. В 20-30-ые годы активно начинается работа клуба. Проходит съезд женщин малых народов, там участвует и наша бабушка. Одним из событий в жизни 67 летней бабушки было выступление на

сцене этого клуба. После трудного рабочего дня она выходила на сцену и играла для членов артеля. Об этом рассказывал житель того аула, одноклассник Агжан апай – аксакал Амир Ибрашев» [6, с. 302].

Это был настоящий праздник. Тем более председатель колхоза пригласил знаменитую на всю округу домбристку Дину Нурпеисову из с. Диановка, ставшую народной артисткой КазССР, заслуженным деятелем Республики Казахстан, дважды награжденной орденом Трудового Красного знамени» [1, с. 89].

Мы долгое время считали первым крупным выступлением Дины на Всеказахстанском слете народных исполнителей в Алмате. На самом деле Дина в 1936 г. выступала в городе Володаровка на региональной Олимпиаде, где собралось около 200 казахских музыкантов, приехавших со всех районов и аулов. Там Дина заняла первое место [7, с. 49].

В настоящее время именем Дины названа одна из улиц центра Володарского района. Также ее именем названа улица и Дом культуры села Козлово. Директор этого Дома культуры, руководитель ансамбля домбристов и клуба «Поиск» Кимади Оразалиев много сделал для открытия музея Дины Нурпеисовой. В музее хранится информация о том, что Дина Нурпеисова награждена в 1934 г. Почетными грамотами Володарского районного комитета, а в 1937 г. – Красно-Ярским комитетом народных депутатов [7, с. 50].

Кардинальные изменения в жизни Дины связаня с именем Кали Жантлеуова. Именно он впервые сообщил А.К. Жубанову[3] о том, что знаменитая ученица великого Курмангазы жива и ныне проживает в Астраханской области. По поручению А.К. Жубанова Смагул Кошекбаев отправился за Диной и в 1937 г. перевез ее вместе с семьей в Алматы [1, с. 145].

Для 76-летней Дины переезд в Алмату было делом непростым. Однако, помня о завете своего учителя передать искусство кюя молодому поколению, она не могла не воспользоваться этой возможностью: «Принимая домбру великого Курмангазы я поклялась ему, что выполню его заветы. Теперь вижу, что настало время осуществить мечту Курмангазы и других кюйши. Я твердо согласилась быть наставником молодых талантов» [1, с. 102].

Дальнейшая жизнь Дины теперь была связана с культурной столицей Казахстана – Алматой. Оставшуюся жизнь она посвятила пропаганде и распространению наследия своего учителя. К. Ахмедияров в своих воспоминаниях говорит: «Перед отправлением в путь Дина собрала весь аул и сказала волнуясь: «Не для себя еду, а ради духа Курмангазы» [6, с. 302].

После отъезда Дина никогда не возвращалась в родные края, но всегда скучала по ним. Она говорила: «...Получила награды, записала все кюи, ездила в Ташкент, Москву, видела Жамбыла, пусть теперь возвращают меня в свой дом. Соскучилась по родине. У меня осталась единственная мечта – пройтись по земле Байбека, испить прозрачную воду из колодца Нарын кума» [4, с. 206].

Искусство – это особый талант. В народе говорят: «Искусство – дар свыше». Оно дается не каждому, а если дано, то не каждый способен распознать его и развить. Непременным условием развития искусства в традиционном обществе было живое общение. Только так могли совершенствовать свое мастерство кюйши, акыны, певцы и другие представители искусства, только так они могли обогатить свой репертуар. Приезд в аул известных певцов, кюйши превращался в своеобразный праздник. Каждый казах считал для себя честью принимать таких гостей.

В отличие от мужчин, женщинам такие поездки давались нелегко. Не потому, что им запрещалось заниматься искусством, а потому, что на их плечах лежали заботы по дому и хозяйству. Однако женщины, если и не могли свободно разъезжать по аулам, то по крайней мере общались в своей среде. Поэтому сторонние наблюдатели приходили к выводу о том, что «в казахском обществе женщины были бесправными, зависимыми от мужчин, подобно рабыням». Такие мнения возникали из-за незнания особенностей традиционного казахского общества.

Казахи с особым уважением относились к женщинам. Существует пословица «Сын растет глядя на отца, дочь растет глядя на мать». Женщина – мать будущего поколения, именно поэтому она пользовалась особым уважением. Девочку, будущую мать, казахи уважали как представителя другого рода или племени (жатжұрт), т.к. она рано или поздно выйдет замуж за пред-

[3] Советский и казахский музыковед, композитор, дирижер, народный артист Казахской ССР.

ставителя другого рода. Братья всегда были готовы защитить честь своей сестры. Поэтому девочки росли в окружении любви и заботы. Казахские женщины никогда не закрывали лицо, не надевали паранджу и хиджаб. На голову они надевали платок, который никак не является признаком мусульманской веры, платок это – требование традиционного общества, это уважение к себе и окружающим [10, с. 128]. До сих пор существует традиция уважительного отношения к женским волосам, поэтому их необходимо было прикрывать, упавшие волосы тщательно собирались и сжигались (чтобы люди не наступили на них, «иначе голова будеть болеть»). Существует пословица: «Краса девушки – волосы». Поэтому казахские девушки украшали волосы металлическими подвесками (шолпы), которые кроме всего прочего призваны были защитить от сглаза. Ношение платка также преследует гигиеническую цель.

Дина Нурпеисова всегда носила высокий головной убор, который назывался «ак жаулык, кимешек». По словам очевидцев, она бережно относилась к этому убору, перед концертом сама завязывала его [5, с. 164]. В традиционных условиях жизни такие уборы носили пожилые женщины, свободные от домашних работ. К женщинам в таких головных уборах относились с особым почтением.

Воспитанию девушек казахи уделяли большое внимание. От нее требовалось быть скромной, почтительной к старшим, нежной и внимательной. Так девушку с детства готовили к замужеству. С детства для нее готовили приданое, в которое входило все необходимое для самостоятельной семейной жизни.

Бытующая пословица «две половинки – одно целое» свидетельствет о равноправии мужчины и женщины, вступающих в брак. Тем не менее, женщина перед мужчиной никогда не показывала свой характер, не перечила ему и всегда проявляла уважение. Но когда нужно было (например, когда мужчины отправлялись на войну) женщины сами с оружием в руках могли защитить себя и детей от врагов или хищных зверей [9, с. 41].

Дуалистическое мировоззрение глубоко укоренилось в сознании казахов. Например, оно отчетливо проявляется в процессе изготовления юрты. Согласно традиции, мастер не изготавливает двери для своей юрты, это считается дурным предзнаменованием. Если молодоженам юрту предоставляют родители невесты, то двери к ней должны дать родители жениха. Так в одной юрте соединяют свою судьбу не только жених и невесте, но и представители двух разных родов. На мужскую и женскую половину делится и внутренность юрты [12, с. 36].

Известно, что впервые брюки придумали кочевники. Тем не менее, казахские женщины не надевали брюки, несмотря на удобство сидеть в них на коне. Лишь в отдельных случаях родители позволяли маленьким девочкам одеваться по-мужски (например, когда в семье не было мальчиков или когда ее особо баловали). Но когда приходило время выйти замуж, девушки переодевались в женское платье.

Исследователь Дмитрий Мадигожин в статье «Конец семьи?» объясняет запрет на ношение брюк женщинам следующими обстоятельствами. В открытой степи женское платье заметно издали. Согласно степным законам, враги не убивали женщин и детей. Этот закон действовал и в военное время. Женщин и детей победители забирали с собой. Каждый род был заинтересован в увеличении своей численности, чем многочисленнее был род, тем весомее было его влияние на других. Поэтому одним из приоритетов традиционного общества было сохранение и приумножение женщин и детей [11, с. 164].

Итак, роль женщины в казахском обществе не ограничивалась домашними заботами. Они часто выступали советниками мужчин, а при необходимости наравне с ними выступали против врагов. Известны случаи, когда родом или племенем руководили женщины.

Заключение

Подытоживая вышеизложенное, можем утверждать, что свободу казахским женщинам дала вовсе не советская власть. Женщины всегда были свободными в традиционном казахском обществе, и свой талант проявили во всех областях искусства, наравне с мужчинами выступали в песенно-поэтическом и инструментальном состязаниях. Их игра на домбре отличалась особой выразительностью и проникновенностью. Именно этим они внесли вклад в развитие домбрового искусства.

Среди перечисленных домбристок, исключительное место принадлежит ученице великого Курмангазы, Народной артистке Казахстана, «человеку века» Дине Нурпеисовой. Своим твор-

чеством она не только подытожила достижения западно-казахстанского домбрового искусства, но и создала на их основе свою оригинальную исполнительскую школу. Именно благодаря Дине Нурпеисовой мы имеем возможность познакомиться с достижениями западно-казахстанской традиции кюя.

Творчество Дины – это своеобразный мост, соединяющий современное развитие домбровой музыки с ее классическим прошлым. Кроме того, ее творчество наглядно представляет высокий уровень женского исполнительства в прошлом. В настоящее время искусство Дины Нурпеисовой не только вдохновляет, но и служит примером для современных домбристок. Особую, непреходящую ценность имеют записи кюев Курмангазы, Даулеткерея и других в исполнении Дины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бисенова Г.* Дина кюйши. Алматы: Жалын, 2004. 276 с.

2. *Джумалиева Т.К.* Казахские акыны: Восток-Запад, в контексте единого культурного пространства. Алматы, 2010. 231 с.

3. *Елеманова С.А.* Казахское традиционное песенное искусство. Алматы: Дайк-пресс, 2000. 188 с.

4. *Казахская культура.* Энциклопедический справочник. Алматы: Аруна Ltd., 2005. 321 с.

5. *Кожахметова Ж.А.* Айтыс – искусство импровизации // Простор. 2008. № 6. С. 160–165.

6. *Кокишева М.Т.* Симфонический кюй: к вопросам истории и типологии жанра // Изв. НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. 2016. № 2. С. 299–306.

7. *Копбаева Л.Я.* Казахский кюй в контексте традиционных жанров музыки Средней Азии. дис. ... канд. иск. Москва, 1991. 189 с.

8. *Котлова Г.К.* Кюй в системе жанров композиторского творчества Казахстана. Алматы: Альянс-2, 2004. 244 с.

9. *Кузембаева С.А.* Лекции по истории казахской музыки. Алматы: Рауан, 2005. 232 с.

10. *Omarbayev Y., Khazretali T., Zulpikharova E., Kumganbayev Zh.* Muslim women under Soviet rule in Central Asia (Turkistan): Soviet gender practice // Woman in Russian Society. 2020. No. 4. P. 126–135.

11. *Сабырова А.С.* Зарождение и развитие музыкального искусства номадов в связи с историческими этапами культуры. Алматы, 2014. 396 с.

12. *Сейдимбек А.* Казахское искусство кюя. Астана: Кюлтегин, 2002. 832 с.

REFERENCES

1. Bisenova, G. *Dina kuishi* [Dina kuishi]. Almaty: Zhalyn, 2004. 276 p. (in Kazakh).

2. Dzhumalieva, T.K. *Kazakhskie akyny: Vostok-Zapad, v kontekste edinogo kulturnogo prostranstva* [Kazakh akyns: East-West, in the context of a single cultural space]. Almaty, 2010. 231 p. (in Russ.).

3. Elemanova, S.A. *Kazakhskoe traditsionnoe pesennoe iskusstvo* [Kazakh traditional song art]. Almaty: Dayk-press, 2000. 188 p. (in Russ.).

4. *Kazakhskaya kultura* [Kazakh culture]. Entsiklopedicheskiy spravochnik. Almaty: Aruna Ltd., 2005. 321 p. (in Russ.).

5. Kozhakhmetova, Zh.A. *Aitys – iskusstvo improvisatsii* [Aitys as the art of improvisation]. *Prostor* – Expanse, 2008, no. 6, pp. 160–165. (in Russ.).

6. Kokisheva, M.T. *Simfonicheskiy kui: k voprosam istorii i tipologii zhanra* [Symphonic kui: On the history and typology of the genre]. *Izv. NAN RK. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk* – Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Ser. Social Sciences and Humanities, 2016, no. 2, pp. 299–306. (in Russ.).

7. Kopbaeva, L.Ya. *Kazakhskiy kui v kontekste traditsionnykh zhanrov muzyki Sredney Azii* [Kazakh kui in the context of traditional genres of Central Asian music]. PhD Thesis in Art Criticism. Moscow, 1991. 189 p. (in Russ.).

8. Kotlova, G.K. *Kui v sisteme zhanrov kompozitorskogo tvorchestva Kazakhstana* [Kui in the system of genres of composers' creative work in Kazakhstan]. Almaty: Alyans-2, 2004. 244 p. (in Russ.).

9. Kuzembaeva, S.A. *Lektsii po istorii kazakhskoy muzyki* [Lectures on the history of Kazakh music]. Almaty: Rauan, 2005. 232 p. (in Russ.).

10. Omarbayev Y., Khazretali T., Zulpikharova E., Kumganbayev Zh. Muslim women under Soviet rule in Central Asia (Turkistan): Soviet gender practice. *Woman in Russian Society,* 2020, no. 4, pp. 126–135. (in English).

11. Sabyrova, A.S. *Zarozhdenie i razvitie muzykalnogo iskusstva nomadov v svyazi s istoricheskimi etapami kultury* [The origin and development of the musical art of the nomads in connection with the historical stages of culture]. Almaty, 2014. 396 p. (in Russ.).

12. Seydimbek A. *Kazakhskoe iskusstvo kuya* [Kazakh art of kui]. Astana: Kyultegin, 2002. 832 p. (in Russ.).

DOI 10.24412/2223-0564-2021-3-72-78
УДК 94(3/9)

М.А. Гизбулаев

АРАБСКИЕ ИСТОЧНИКИ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: «МУ'ДЖАМ АЛ-БУЛДАН» ЙАКУТА АЛ-ХАМАВИ О ДАГЕСТАНЕ[1]

Аннотация

В статье приводятся сведения по истории Дагестана VI–XII вв. на основе перевода, комментирования и сравнительного анализа выдержек из географического сочинения энциклопедического характера Йакута ал-Хамави (ум. 1229) معجم البلدان («Му'джам ал-булдан» – «Словарь стран»), относящихся к истории народов Северного Кавказа. Выполнено сопоставление сведений о Дагестане из сочинения Йакута «Му'джам ал-булдан» и сочинения ал-Истахри (ум. 961) كتاب المسالك والممالك («Китаб масалик ал-мамалик» – «Книга путей государств»), в частности, чтобы выяснить, едино ли происхождение материала у обоих авторов. Автором статьи также был привлечен перевод отрывков из сочинения Йакута «Му'джам ал-булдан», выполненный З.М. Буниятовым, который содержит стилистические недостатки и интерпретационные ошибки, а некоторые фрагменты из арабских текстов отсутствуют. Научная значимость данной работы определяется тем, что ее материалы могут быть использованы при дальнейших источниковедческих исследованиях, написании средневековой истории Северного Кавказа.

Ключевые слова: Йакут ал-Хамави, «Му'джам ал-булдан», сравнительный анализ, арабская география, источниковедение, история Кавказа

Magomed A. Gizbulaev

ARABIC SOURCES ON MEDIEVAL HISTORY OF THE NORTH CAUCASUS: *MU'JAM AL-BULDAN* OF YAQUT AL-HAMAWI ON DAGHESTAN

Abstract

This paper provides information on the 6th – 12th centuries Daghestan's history relating to the history of the peoples of the North Caucasus through translation, commentary and comparative analysis of excerpts from the Arabic geographical work of Yāqūt al-Ḥamawi's *Mu'jam al-buldān (Dictionary of Countries)* (died in 1229). It is noteworthy that some detailed information given alphabetically in the respective chapters of Yāqūt's work on regions, cities, localities is not found in other medieval authors' works. Interesting and original information about historical persons who bear nisba al-Babi, al-Lakzi is found in Mu'jam al-buldān. Moreover, the author used a critical approach to Z.M. Buniyatov's translation of excerpts from the given work of Yāqūt al-Ḥamawi, which contains not just stylistic flaws and interpretational errors, but some fragments are missing from the Arabic text. The results of this research work will greatly enrich researchers' understanding of the early medieval historical geography of Daghestan. Its materials can also be used in the process of further source study in writing the medieval history of the North Caucasus.

Key words: Yāqūt al-Ḥamawi, *Mu'jam al-buldān,* comparative analysis, Arabic historiography, source study, history of the Caucasus

Гизбулаев Магомед Андалавмагомедович, *кандидат исторических наук, независимый исследователь (Кудали), e-mail: awariyav@gmail.com*

Magomed A. Gizbulaev, *Cand.Sci. (History), Independent Researcher (Kudali), e-mail: awariyav@gmail.com*

[1] Данная статья подготовлена при финансовой поддержке гранта DAAD 2014 «A Study of Medieval Arabic Sources on the Historical Geography of Dagestan in the 7th –12th century».

© Гизбулаев М.А., 2021

Статья написана с целью освещения сведений по истории Дагестана VI–XII вв. на основе перевода, комментирования и сравнительного анализа выдержек из сочинения Йакута ал-Хамави «Му'джам ал-булдан», относящегося к истории народов Северного Кавказа.

В классической арабской географической литературе прослеживаются несколько основных жанров, а именно астрономо-математический, описательный и энциклопедический. Продолжателем энциклопедического жанра, в котором присутствовали географические сведения, был мусульманский географ, путешественник, литератор, поэт, филолог Шихабудийн Абу 'Абдаллах Йакут ибн 'Абдаллах ал-Хамави ал-Багдади ал-Руми. Он родился в 574 г.х./1179 в Малой Азии от родителей-греков, откуда его нисба ал-Руми. В детстве был захвачен в плен и продан в Багдаде сирийскому купцу по имени 'Аскар ибн Абу Насир Ибрахим ал-Хамави, кому он обязан своей еще одной нисбой ал-Хамави. 'Аскар воспитал его в исламских традициях, дал хорошее образование, освободил от зависимости в двадцатилетнем возрасте. После смерти 'Аскара наш автор занялся книжной торговлей, и с этого же времени началась его литературная деятельность. В частности, в городе Мерв он начинает собирать материалы для своего главного труда «Му'джам ал-булдан», работу над которым он закончил после своего возвращения в Мосул в 1224 г. Оттуда Йакут совершил свое последнее путешествие в Палестину и Египет в 1227 г., откуда он возвращается в Алеппо, где ещё продолжал редактировать свой монументальный труд и умер в 1229 г. [1, с. 547].

В настоящее время еще нет полного перевода «Му'джам ал-булдан» на какой-либо из европейских или восточных языков. Осуществлены только переводы отдельных фрагментов, в частности, на русский язык, по истории Средней Азии С.М. Богдановой-Березовской в 1939 г. [2], по истории Азербайджана – З.М. Буниятовым в 1983 г. [3], а также по истории Ходжента и его области – Б.А. Касымовой в 1987 г. [4]. В нашем исследовании мы использовали сочинение «Му'джам ал-булдан» Йакута, изданное в Бейруте в 1993 г. [5].

Первые сведения о Дагестане у Йакута – о Дербенте. Автор подробно описывает этот город, указывая на то, что в нем есть крепость, рынки, морской порт, оборонительная стена, вдоль которой расположены поселения из разных народностей и многое др.: «Баб ал-Абваб или «говорят просто ал-Баб: он же ад-Дарбанд или Дарбанд-Ширван. Баб ал-Абваб – город, до стен которого доходят иногда морские волны. Посреди его [города] есть пристань для судов. Это морская пристань, построенная у двух молов, возведенных в двух местах на берегу. Вход [в гавань] извилистый и здесь протянута цепь, так что ни войти, ни выйти из нее корабль без разрешения не сможет. Эти две стены построены из камня и свинца. Баб ал-Абваб находится на берегу Табаристанского [Каспийского] моря, оно же Хазарское. Этот город больше Ардабиля [по размерам занимаемой им территории] на 2 квадратные мили [517,9 гектаров]…»[2] [5, с. 302]. То же самое приведено у ал-Истахри [6, с. 110], кроме сообщения нашего автора о том, что город Баб ал-Абваб по размерам занимаемой им территории на 2 квадратные мили больше Ардабиля.

У Йакута далее идет описание Дербентской оборонительной стены: «…город имеет каменную стену, которая тянется с гор. Нет маршрута в его [Дербента] горной части, по которому можно было бы проникнуть в мусульманские страны. [Все это] из-за размытых горных дорог [после обильных дождей] и трудного пути, по которым можно было следовать из немусульманских стран в мусульманские. Несмотря на протяженность стены, часть ее заходит в море подобно «продольному носу», чтобы помешать судам подходить к стене. Он [город] прекрасно построен на твердом фундаменте, и его возведение [приписывают сасанидскому правителю] Хосрову Ануширвану[3]» [5, с. 302]. Эти сведения у ал-Истахри отсутствуют.

По сообщениям Йакута, Дербент – один из крупных и стратегически важных пограничных мусульманских городов. «Он окружен многочисленными врагами из разноязычных народностей. Рядом с городом есть большая гора, известная под названием *Зиъб* [«Волчья»], на вершине которой ежегодно собирают много дров, чтобы в случае опасности разводить огонь и предупреждать население Азербайджана, Аррана и Армении[4] о наступлении врагов, если они

[2] Здесь и далее перевод с арабского языка на русский автора статьи.

[3] Хосров I Ануширван (ум. 579) – царь Ирана с 531 г. Сын Кавада I. Его правление – период наибольшего могущества государства Сасанидов.

[4] У Буниятова только как «жителей Азербайджана и Аррана».

нападают неожиданно» [5, с. 302]. Эти сведения у ал-Истахри также отсутствуют.

Далее Йакут пишет, что «в горах, тянущихся от Баб ал-Абваба, живет более семидесяти народностей, каждая из которых говорит на своем языке, которого не понимает ее соседняя [народность]. Сасанидские правители придавали этому приграничному краю большое значение в виду его важности и внимательно следили за всеми его делами [из-за страха перед вторжением северных племен]. Поэтому для [обороны] этого места были назначены стражи из переселенцев из разных областей и из людей, пользующихся у них доверием. Этим людям разрешалось строить все, что они считали необходимым, только без предъявления стоимости [за расходы на строительство] к центральной власти, организации заговора против нее и контроля [над ее деятельностью], с целью для его [Дербентского прохода] охраны от разных тюркских племен, неверующих и других врагов» [5, с. 303]. У ал-Истахри этих данных нет, но они имеются в другой редакции у ал-Мас'уди [7, с. 62].

Затем даются сведения о народах, представители которых несли охранную службу вдоль Дербентской оборонительной стены по поручению сасанидского правителя Хосрова I Ануширвана, а именно: «В числе стражей, поставленных там, есть народ, именуемый Табарсаран [табасаранцы], а соседний с ними народ, то он известен как Филан, [затем] многочисленный и храбрый народ Лакз,[5] Лайзан, Шарван и др.…» [5, с. 303]. Ни у ал-Истахри, ни у ал-Мас'уди этих данных нет.

Далее у Йакута следует небольшое описание морского порта Дербента как самого крупного торгового центра на Восточном Кавказе: «Баб ал-Абваб – морской порт на этом море, и сюда приходят [чтобы вести торговлю] с севера жители Хазарии, Сарира, Шандана (в тексте Синдана), Хайдака (в тексте Хайзана), Грузии, Руклана, Зирехгерана [Кубачи] и Гумика [Кумуха]... Только в нем и в его сельских населенных пунктах выделывают такие одежды изо льна, каких нет ни в Арране, ни в Армении[6], ни в Азербайджане. Здесь растет шафран и находится невольничий рынок, где представлен раб [любого возраста и пола] для продажи» [5, с. 303.]. То же самое приведено у ал-Истахри [6, с. 110]. Далее следуют сведения о том, что по соседству с Дербентом «лежит небольшая по своим размерам мусульманская страна, именуемая Маскат.[7] А за ней следует страна, именуемая Лакз, население которой многонационально по составу. Они обладатели хороших нравов, [крепкие] по телосложению, процветающих селений, заселенных районов, в которых проживают независимые жители, именуемые ал-Хамашира. Над ними есть правители *мулук*, которые не создают им никаких затруднений [в чем-либо]» [5, с. 303]. Эти сведения у ал-Истахри отсутствуют. Что касается жителей, именуемых Хамашира, то нам представляется, что это арабская форма множественного числа для обозначения потомков Хашрама ал-Сулами, которого, по словам ал-Балазури, Марван ибн Мухаммад назначил правителем Лакза в 739 г. [8, с. 130–136].

Рассказывая о народах и политических образованиях на Восточном Кавказе, Йакут сообщает о том, что между лакзами и Баб ал-Абвабом находится страна Табарсаран-шаха: «Они [табасаранцы] тоже обладают такими особенностями, как смелость, могущество, множеством населенных пунктов, кроме того, что [политическое образование] Лакз больше по численности населения и шире по размерам территории. А выше них [табасаранцев] лежит небольшая по размерам территория Филан [локализация которой противоречива]» [5, с. 303]. Эти сведения у ал-Истахри отсутствуют.

Далее Йакут сообщает: «На берегу этого [Каспийского] моря недалеко от Маската лежит небольшой укрепленный город Шабаран, который также имеет множество сельских населенных пунктов» [5, с. 304]. В прошлом эти две области часто становились яблоком раздора между правителями Шарвана и эмирами Баб ал-Абваба.

Что касается единицы расстояния между хазарским городом Итиль и Баб ал-Абвабом, то Йакут сообщает, что «она равна 12 дням пути, от Самандара до Баб ал-Абваба, то она равна 4 дням пути, от Сарира до Баб ал-Абваба, то она равна 3 дням пути» [5, с. 304]. То же самое приведено у ал-Истахри [6, с. 132]. Кроме того,

[5] Лакз охватывал территорию Южного Дагестана, занимаемую лезгинами, агулами, цахурами, рутулами, отчасти аварцами.

[6] У Буниятова слово «Армения» пропущено.

[7] Маскат – историческая область, расположенная вдоль западного побережья Каспийского моря до реки Самур, разделена границей Дагестана и Азербайджана.

один дневной переход был равен приблизительно 38–40 км.

У Йакута далее идет перечень защищенных укреплений *хусун* в кавказском регионе, где он указывает 11 названий: «Баб Сул باب صول [8], Баб Алан اللّان باب [крепость в Дарьяльском ущелье], Баб Шабаран باب الشابران, Баб Лазика لاذقة باب,[9] Баб Барика باب بارقة, Баб Самсаджан باب سمسجن,[10] Баб Сахиб ал-Сарир صاحب السرير باب [крепость на Хунзахском плато], Баб Филан-шах باب فيلان شاه, Баб Тарунан باب طارونان, Баб Табарсаран-шах باب طبرسرانشاه, Баб Лайзан-шах (в тексте – Иран-шах)[11] باب إيران شاه » [5, с. 304]. Из текста понятно, что эти географические названия известны Йакуту от Абу Бакра Ахмада ибн Мухаммада ал-Хамадани, тот же список и у Ибн Хордадбеха [9, с. 63–70].

Интересные и оригинальные сведения об исторических лицах в нисбе ал-Баби встречаются в тексте Йакута. Так, по указателю перечень начинается: «Зухайр ибн На’им ал-Баби, Ибрахим ибн Дж’афар ал-Баби, Хасан ибн Ибрахим ал-Баби, Хилал ибн ’Ала ал-Баби, Зухайр ибн Мухаммад ал-Баби, Мухаммад ибн Хишам ибн ал-Валид ибн ’Абдулхамид Абулхасан, известный как Ибн Абу ’Имран ал-Баби, Хабиб ибн Фахд ибн ’Абдулазиз Абулхасана ал-Баби, Мухаммад ибн Абу ’Имран ал-Баби ал-Сакафи» [5, с. 306]. Сведения о дагестанских исторических лицах в тексте Йакута приводятся от следующих информантов: ’Абдулгани ибн Са’ид, ’Иса ибн Мухаммад ибн Мухаммад ал-Багдади, Абу Са’ид ’Абдуллах ибн Са’ид ал-Ашадж ал-Кинди, Мус’ар ибн ’Али ал-Барза’и, Мухаммад ибн Муслим ал-Хаваризми и др.

В «Му'джам ал-булдан» есть новые сведения о Каспийском море, где дается описание моря, его наименования в прошлом, а также названия стран, которых оно омывает, и рек, которые впадают в него: «Хазарское море – «оно же Табаристанское, Джурджанское и Абаскунское. Оно большое и широкое, которое с другими [морями] не соединяется. Оно еще называется Хорасанским и Джиланским, возможно, [в прошлом] некоторые называли его Хорасанским кругом[12]. Хамза сказал, что по-персидски оно называется *Зарах Акфуда* زراه أكفوده, а также его называют как *Акфуда Дарйа* (Море синее) أكفوده درياو. Аристотель называет его Арканией (Арганафтикой) أرقانيا, возможно, [в прошлом] некоторые называли его Хорезмским морем, но это неверно, ибо Хорезмское (Аральское) море совсем другое и о нем будет сказано в своем месте, *Инша Аллах*. На [берегу этого моря] находится Баб ал-Абваб, он же Дарбанд, как мы уже описали его в своем месте [в тексте]. С восточной стороны к морю подходят Муганские и Табаристанские горы и гора Джурджан. Оно тянется до самого Дихистана, где находится [город] Абаскун, затем поворачивает на восток, в сторону земель тюрок, и на север – к стране хазар. В это море впадает много больших рек, в числе которых Кура, Аракс и Итиль (Волга)» [5, с. 342].

Далее Йакут, ссылаясь на данные X в. ал-Истахри, продолжает описывать Каспийское море: «С восточной стороны оно частично омывает берега Дейлема, Табаристана, Джурджана, Хорезма, с западной стороны Алании оно омывает [земли] от горы *Кабк* до границ Сарира…» [5, с. 342]. Кроме того, он сообщает, что «…из Баб ал-Абваба до Самандара занимает 4 дня пути, откуда до реки Итиль 7 дней пути по степи…» [5, с. 343].

Что касается подробных сведений о городах и политических образованиях региона, то их больше, чем у ал-Истахри. Так, «…хазарский город Баланджар лежит за Баб ал-Абвабом. Они [историки] передают, что он был освобожден ‘Абдурахманом ибн Раби’ой. [Тогда как] ал-Балазури сообщает, что [он был освобожден] Салманом ибн Раби’ой ал-Бахили, который вышел за его пределы, где встретил его хакан/каган[13] со своим войском. [Однако] за пределами Баланджара он [Салман] пал мученической смертью

[8] В настоящее время отождествляется с Топрах-кала, развалины которого сохранились вблизи Дербента.

[9] Местность, населенная лазами, занимает значительную территорию от устья р. Чорох до Черноморского побережья современной Западной Грузии и Турции.

[10] Теперь развалины крепости Дзамисцихе на правом берегу р. Куры против Сурама.

[11] Скорее всего, это поселок Лагич в современном Азербайджане.

[12] У Буниятова в форме глагола настоящего времени «а некоторые его иногда называют Хорасанским кругом и Хорезмским морем».

[13] Царский титул, появившийся в Северо-Восточной Азии у народов тюркского племени, он существовал у хазар, вообще, был широко распространен.

вместе со своими воинами, которых было 4 000» [5, с. 489]. Йакут указывает источник информации – ал-Балазури, но не сообщает, что сведения относятся к 29 г.х./ 650, именно в этом году, по сведениям Халифа ибн Хаййата, погиб Салман ибн Раби'а [17, с. 22–27]. Однако, судя по сообщениям ат-Табари, вместо Салмана в Баланджаре был убит его брат 'Абдурахман ибн Раби'а в 32 г.х./653 [12, с. 304], что нам представляется наиболее правильным. Об этом же пишет и наш автор: «…После этого они [хазары] набрались мужества и вступили в бой [с мусульманами], в ходе которого пал мученической смертью ‘Абдурахман ибн Раби’а. [В это же время] боевое знамя [мусульман] берет его брат [Салман], который [уже в качестве предводителя] продолжает вести бой [против хазар] до тех пор, пока он не смог [забрав тело с поле боя] похоронить своего брата [‘Абдурахмана] в окрестности Баланджара. После этого он вернулся с оставшихся [в живых] мусульман до места, откуда ведет дорога в [иранский] Гилян» [5, с. 489].

Далее у Йакута упоминаются оригинальные сведения относительно дагестанского мусульманского правоведа из Хунлика, который жил и творил в Бухаре: «**Хунлик** خُنْلِيق – область в Дарбанд-Хазаране دربند خزران, недалеко от Баб ал-Абваба. Оттуда родом является известный шафиитиский правовед Хаким ибн Ибрахим ибн Хаки ал-Лакзи ал-Хунлики ал-Дарбанди. Он в свое время обучался мусульманскому праву у ал-Газали в Багдаде, там же он изучал и выучил множество хадисов. Затем он переехал жить в Бухару, там же скончался в месяц Ша‘абан 538 г.х./1144» [5, т. 2, с. 394].

Затем даются сведения о политическом образовании Шандан: «область, прилегающая к стране хазар, в которой проживают люди разных национальностей Кабка [Северо-Восточного Кавказа]. Правитель этой области принял ислам еще в период правления [Аббасидского халифа] ал-Муктадира [Абу Фадль Джа’афар ибн ‘Абдуллах ал-Муктадир Биллах (895–932)]» [5, т. 3, с. 368]. Эти сведения у ал-Истахри отсутствуют. Следует отметить, что в تاريخ باب الابواب («Тарих Баб ал-Абваб» –«История Баб ал-Абваба») [13] Шандан описывается как центр, создававший немало проблем мусульманам.

У Йакута далее идет описание самого крупного и влиятельного политического образования в Кабке, где он сообщает, что правитель Сарира – это потомок исторического шаха Бахрама V Гура из династии Сасанидов: Сарир – «огромное государство, расположенное между землями Алан и Баб ал-Абваб, где находятся 18 000 населенных пунктов и куда ведут только два пути: дорога в страну хазар и дорога в страну Арминийа». Точно такие же данные приводятся у Ибн Факиха [13, с. 586].

«Сарир – название государства, а не города. Население Сарира исповедует христианство. Говорят, что трон [правителя Сарира] принадлежал некоторым из числа персидских [Сасанидских] правителей и он из золота. Когда прекратило свое существование их государство, то некоторые из представителей персидских правителей, как мне передали, это были потомки Бахрама Гура [بهرام جور], которые перенесли его в [государство] Сарир. Власть там до сих пор принадлежит его потомкам. Говорят, что трон этот служил некоторым из числа персидских правителей [Хосроев] на протяжении многих лет. Между государством Сарир и городом Самандар 2 фарсаха [12 км] расстояния. Между ними перемирие. Также между [правителем] Сарир и мусульманами перемирие, но тем не менее каждый из сторон находится настороже по отношению друг к другу» [5, т. 3, с. 219]. Эти сведения встречаются у ал-Истахри [6, с. 130].

После описательной части Сарира автор переходит к перечислению и описанию других политических образований и населенных пунктов Северного Кавказа, в первую очередь, Самандара. Следует отметить, что автор подробно описывает этот город, указывая на то, что в нем есть сады, мечети и многое др. Рассказывая о Самандаре, Йакут сообщает: «Самандар – место, где находилась столица хазарского государства. Однако, вскоре после ее завоевания Салманом ибн Раби’ой столица была перенесена в город Итиль. Расстояние между ними занимает 7 дней пути [около 266 км]. Город Самандар находится между Итилем, городом правителя хазар, и Баб ал-Абвабом. Там находится множество садов, принадлежащих ему [Самандару]. Даже говорят, что главную часть плодов в этих садах составляет виноград, они содержат в себе около 4 000 виноградников. [Самандар] доходит до границ [территории] Сарира. Среди людей, которые там [в Самандаре] проживают, есть мусульмане со своими мечетями. Их дома построены из бруса с выпуклыми крышами. Их [жителей Самандара] правитель является иудеем *йахудий* и находится в родстве с правителем

хазар. От них [жителей Самандара] до границы Сарира 2 *фарсаха* [12 км] расстояния. Между ними и Сахиб [правителем] Сарира перемирие. Из Самандара до Итиля занимает 8 дней пути [около 304 км], а из Самандара до Баб ал-Абваба 4 дня пути [около 152 км]» [5, т. 3, с. 253]. То же самое приведено у ал-Истахри [6, с. 130].

Далее у Йакута следует небольшое описание другого города – Шабаран: «Город в одном из округов Аррана. Возведен Ануширваном. Некоторые относят его к округам Дарбанда. Между Шабараном[14] и городом Шарваном около 20 *фарсахов* [120 км]» [5, т. 3, с. 303]. Эти сведения у ал-Истахри отсутствуют.

У Йакута далее идет описание страны Филан, расположенной по соседству с землями Дербента, где он указывает ее население как христиан в составе государства Сарир: Филан – «страна, которая расположена вблизи (административной территории) Баб ал-Абваба. [В прошлом] область [Филан] являлась [в тексте автор ошибочно написал в форме настоящего времени – является] одной из административных единиц Хазарии (*вилайа мин навахи ал-Хазар*). Ее правителя называют *Филан-шах*, а население состоит из христиан. У них свой родной язык. По словам ал-Мас'уди, название *Филан-шах* – это [титул], который носит правитель Сарира, на этом основании говорят, что Филан является областью Сарира [т.е. в середине X в.]» [5, т. 4, с. 286].

Нужно отметить, что сведения о политическом образовании Лакз, приведенные Йакутом, упоминаются впервые. Так, в 5-м томе «Му'джам ал-булдан» говорится, что Лакз – «небольшая страна [лежит] после Дарбанда и граничит с Хазараном. Говорят, что названия Лакз, Хазар, Сакалаб, Баланджар восходят к сыновьям Йафета сына Нуха [Ной], каждый из которых, после того как освоив [для жизнедеятельности] место, называл его своим именем. [Большинство] население Лакза – мусульмане. Они говорят на своем языке. Они обладают могуществом и [физически] крепки. [Кроме того] среди них также есть и христиане. [Также] оттуда родом известный мусульманский правовед Муса ибн Йусуф ибн Хусейн ал-Лакзи, известен как Хасан ад-Дарбанди, который был еще жив в 502 г.х./1109, у которого среди других обучался Шахдар Абу Мансур» [5, т. 5, с. 22].

Следует отметить, что с Дербентом также связана творческая деятельность и отца Хасана ад-Дарбанди Йусуфа ибн Хусейна ал-Лакзи, известного историографа династии Аглабидов, правителей Дербента, и знатока хадисов, мусульманского правоведа *шафиитского* направления. Он является автором хроники دربند نامه («Дарбанд-наме»), которая до недавнего времени считалась компилятивным сочинением Мухаммада ал-Аваби ал-Акташи (XVII в.) [14].

И, наконец, последние сведения об интересующем нас регионе касаются Маската: Маскат – «область *рустак* [совокупность сельских поселений] находится на берегу Хазарского моря недалеко от Баб ал-Абваба. Ее население состоит из мусульман [в нескольких] поколениях. Они обладают могуществом и [физически] крепки. Она [Маскат] лежит между Баб ал-Абвабом и Лакзом. Первым, кто основал ее [как город], был Хосров Ануширван сын Кубада, после того как он основал Баб ал-Абваб» [5, т. 5, с. 127].

Таким образом, для изучения средневековой истории Дагестана сведения арабских авторов представляют особую ценность, в частности, сочинение Йакута ал-Хамави «Му'джам ал-булдан» заслуживает дальнейшего углубленного изучения. В отличие от предыдущих арабских авторов, в работе Йакута информации о населенных пунктах Дагестана немного. Что касается подробных сведений об областях, городах, населенных пунктах, которые присутствуют по алфавиту в соответствующих указателях в тексте Йакута, то они не встречаются у других авторов, кроме как за некоторым исключением. Интересные и оригинальные сведения об исторических лицах в *нисбе* ал-Баби, ал-Лакзи имеются в сочинении Йакута.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ahmad S.M.* "Yaqut al-Hamawi", Dictionary of Scientific Biography. New York: Charles Scribner's Sons, 1976.Vol. 14. P. 546–548 (*Ахмад С.М.* «Йакут ал-Хамави», Словарь научной биографии. Нью-Йорк: Чарлз Скрибнерз и сыновья, 1976. Т. 14. С. 546–548).

2. *Богданова-Березовская С.М.* Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.; Л.: АН СССР, 1939. 612 с.

3. *Буниятов З.М.* Йакут ал-Хамави. Му'джам ал-Булдан: (Сведения об Азербайджане). Хамдаллах Казвини. Нузхат-ал-кулуб: (Материалы по

[14] Развалины средневекового Шабарана находятся в 25 км к юго-востоку от г. Кубы (Азербайджан).

Азербайджану). Баку: Элм, 1983. 65 с.

4. *Касымова Б.А.* Сведения Якута ал-Хамави о Ходженте // Известия Академии наук Таджикской ССР. Серия: востоковедение, история, филология. 1987. № 1 (5). С. 42–45.

5. معجم البلدان ياقوت بن عبد الله الحموي *الرومي*1993 ط. صادر (*Йакут ал-Хамави.* Му'джам ал-булдан («Словарь стран»). В 5 т. Бейрут: Дар садир, 1993).

6. المسالك والممالك *الاصطخري* 1961 ط. وزارة الثقافة (*ал-Истахри.* Китаб масалик ал-мамалик («Книга путей государств»). Каир: Тиба'а визара ал-сакафа, 1961. 207 с.).

7. مروج الذهب ومعادن الجوهر *للمسعودي* ط دارالهجرة (*ал-Мас'уди. Мурудж ал-захаб ва маадин ал-жавхар* («Промывальни золота и рудники самоцветов»). Т. 1. Каир: Дар ал-хиджра, 1409. 473 с.).

8. *Гизбулаев М.А.* Арабские источники по средневековой истории Дагестана // Вопросы истории. 2018. № 7. С.130–136.

9. *Гизбулаев М.А. Китаб ал-масалик ва-л-мамалик* Ибн Хордадбеха и *Китаб ал-булдан* ал-Йа'куби: арабские географические источники о средневековой истории Дагестана // Проблемы востоковедения. 2017. № 4 (78). С. 63–69.

10. كتاب البلدان *ابن فقيه*. *Bibliotheca geographorum arabicorum,* V. Leiden: E.J. Brill, 1885. 649 p. (Ибн Факих. Китаб ал-Булдан («Книга о странах»). «Библиотека арабской географической литературы». Т. 5. Лейден: Брилл, 1885. 649 с.).

11. *Гизбулаев М.А. Та'рих* Халифы ибн Хаййата как источник по истории Дагестана VII–VIII вв. // Вестник СПбГУ. 2016. № 13 (4). С. 22–27.

12. تاريخ الرسل والملوك *الطبري* (*Ат-Табари.* Тарих ар-русул вал-мулук («История пророков и царей»). В 11 т. Т. 4. Бейрут: Дар ат-турас, 2010).

13. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X–XI вв. М.: Восточная литература, 1963. 266 с.

14. *Прозоров С.М.* Ал-Лакзи Юсуф // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 1. М.: Восточная литература РАН, 1998. 159 с.

REFERENCES

1. Ahmad, S.M. *"Yaqut al-Hamawi", Dictionary of Scientific Biography.* New York: Charles Scribner's Sons, 1976.Vol. 14. P. 546–548.

2. Bagdanova-Berezovskaya, S.M. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii. T. 1. VII–XV vv. Arabskie i persidskie istochniki* [Materials on the History of the Turkmens and Turkmenia. Vol. 1. The VII–XV Centuries. Arabic and Persian Sources]. Moscow; Leningrad: The USSR Academy of Sciences, 1939. 612 p. (in Russ.).

3. Buniyatov, Z.M. *Yaqut al-Hamawi. Muijam al-buldan: (Svedeniya ob Azerbayjane)* [Yaqut al-Hamawi. *Muijam al-buldan:* (Reports on Azerbaijan)]. *Hamdallah Kazwini. Nuzhat al-qulub: (Materiali po Azerbayjanu)* [Hamdallah Kazwini. *Nuzhat al-qulub:* (Material about Azerbaijan)]. Baku: Elm Publ., 1983. 65 p. (in Russ.).

4. Kasimova, B.A. *Svedeniya Yaquta al-Hamawi o Khodjente* [Yaqut al-Hamawi's Reports on Khodjent]. *Izvestiya Akademii nauk Tadjikskoi SSR. Seriya: vostokovedenie, istoriya, filologiya – Bulletin of the Academy of Sciences of the Tajik SSR. Oriental Studies, History, Philology Series.* No. 1 (5), 1987, pp. 42–45 (in Russ.).

5. Yaqut al-Hamawi. *Muijam al-buldan ("Slovar' stran")* [A Dictionary of Countries]. Beirut: Dar sadir, 1993.Vol. 1–5 (in Arabic).

6. Al-Istakhri. *Kitab masalik al-mamalik ("Kniga putey gosudarstv")* [Routes of the Realms]. Cairo: Tiba'a vizara, 1961. 207 p. (in Arabic).

7. Al-Mas'udi. *Muruj adh-dhahab wa ma'adin al-jawhar. T. 1* [Meadows of Gold and Mine of Gems. Vol. 1]. Cairo: Dar al-khijra, 1409. 473 p. (in Arabic).

8. Gizbulaev, M.A. *Arabskie istochniki po srednevekovoy istorii Dagestana* [Arabic Sources on Medieval History of Daghestan]. *Voprosi istorii – Issues of History* Journal. 2018 (7), pp. 130–136 (in Russ.).

9. Gizbulaev, M.A. *Kitab al-masalik wa-l-mamalik Ibn Khordadbekha i Kitab al-Buldan al- Ya'kubi [Kitab al-masalik wa-l-mamalik* by Ibn Khordadbeh and *Kitab al-Buldan* by al-Ya'kubi: Arabic Geographical Sources on the Medieval History of Daghestan]. *Problemy vostokovedeniya – The Problems of Oriental Studies* Journal. 2017. No. 4 (78), pp. 63–69 (in Russ.).

10. Ibn al-Faqih. *Kitab al-Buldan ("Kniga o stranakh"). "Bibliotheca geographorum arabicorum", V* [A Book about Countries. Bibliotheca geographorum arabicorum, V]. Leiden: E.J. Brill, 1885. 649 p. (in Arabic).

11. Gizbulaev, M.A. *Ta'rikh Khalify ibn Khayyata ka istochnik po istorii Dagestana VII–VIII vv. [Ta'rikh* by Khalif ibn Khayyat as a Source for Daghestan's History in the 7th – 8th Centuries]. *Vestnik SPbGU – Herald of the Saint Petersburg State University* Journal. 2016. No. 13 (4), pp. 22–27 (in Russ.).

12. At-Tabari. *Tarikh ar-rusul wa'l muluk* [A History of Prophets and Tzars]. Vol. 1–11. Beirut: Dar at-turas, 2010. (in Arabic).

13. Minorsky, V.F. *Istorya Shirwana i Derbenta X–XI vv.* [History of Shirwan and Darband in the 10th – 11th Centuries]. Moscow, 1963. 266 p. (in Russ.).

14. Prozorov, S.M. *Al-Lakzi Yusuf* [Al-Lakzi Yusuf]. In: *Islam na territorii byvshei Rossiyskoi imperii. Entsiklopedicheskii slovar'. Vyp. 1* [Islam in the Territory of the Former Russian Empire. An Encyclopaedic Dictionary. Issue 1]. Moscow: Vostochnaya literatura, Russian Academy of Sciences, 1998. 159 p. (in Russ.).

DOI 10.24412/2223-0564-2021-3-79-83
УДК 82.282

Л.Х. Казыева

МОТИВ ДОМА В РАССКАЗЕ А. ГЕНАТУЛИНА «ИЗБА»

Аннотация

В статье дается обоснование термина мотив, раскрывается феномен дома и дороги. Во введении даётся историческое обоснование мотива дома. В работе используются методы литературно-критического анализа, культурно-исторический подход, сравнительно-сопоставительный метод. Целью данной работы является наблюдение за тем, как память повествователя связана с поиском себя в этом мире, как складывается судьба человека, оставившего отчий дом и размышляющего о связи поколений. Кроме того, рассматривается композиции рассказа и его характерные особенности. Особое внимание уделено пространственно-временной организации произведения. Автор статьи обращается к сквозным мотивам памяти, сна и цветовой символике деталей быта. К теме преодоления смерти Анатолий Генатулин обращается в рассказе неоднократно, и это также является предметом нашего исследования. Далее мы наблюдаем за тем, как проявляется в рассказе «Изба» явление сакральности – сакральность дома передаётся через образ матери. В данной статье анализируется несколько небольших, но ёмких тем: суеверия народа и национальная идентификация башкир. Автор провёл наблюдение над структурой рассказа: «Изба» А. Генатулина являет собой представления древних людей об устройстве Вселенной. В лирические отступления об истории появления в башкирских избах печи автор включает грустные рассуждения о погибших детях по вине неграмотных знахарей. В заключении автор приходит к выводу о «трансцендентном смысле» всего творчества писателя.

Ключевые слова: Анатолий Генатулин, дом, дорога, топос, феномен, мотив, образы, сакральность

Liana H. Kazyeva

THE IMAGE OF A HOUSE IN THE STORY BY ANATOLY GENATULIN «IZBA»

Abstract

The article provides substantiation for the term «motif» and reveals the phenomenon of a house and a road. The introduction contains a historical background to the motif of a house. Also, this article uses the method of literary-critical analysis, cultural-historical approach and comparative-correlation method. The purpose of this research is to see how the memory of the narrator is connected with the search for himself in this world and how the fate of a person who left his father's house and reflects on the connection between generations develops. The article also discusses the composition of the story and its characteristic features. Particular attention is paid to the spatial and temporal organization of the story. The author of the article considers the cross-cutting motifs of memory, dream and colour symbolism of everyday details. Anatoly Genatulin often refers to the theme of overcoming the death in the story, and this is also the subject of the research. The author of the article explores how the phenomenon of sacredness manifests itself in the story «Izba» (the sacredness of a house is transmitted through the image of the narrator's mother). The article analyzes several small but meaningful themes: the superstitions of the people and the national identification of the Bashkirs as an ethnos. The author has examined the structure of the story and concludes that Genatulin's «Izba» represents the most ancient ideas about the order of the Universe. In his lyric digressions about the history of the emergence of the stove in the Bashkir village houses, the writer adds sad thoughts about the children who died due to

Казыева Лиана Хамидовна, соискатель, Бирский филиал Башкирского государственного университета (Бирск), e-mail: Kazyeva1974@mail.ru

Liana H. Kazyeva, *PhD Candidate, Birsk Branch of Bashkir State University (Birsk), e-mail: Kazyeva1974@mail.ru*

© Казыева Л.Х., 2021

ignorant healers. As a result, the author of the article comes to the conclusion about the «transcendental meaning» of the entire creative work of the writer.

Key words: Anatoly Genatulin, house, road, topos, phenomenon, motif, images, sacredness

Введение. Под мотивом следует понимать «пятно» – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т.д.; единственное, что определяет мотив, – это его репродукция в тексте, так что в отличие от традиционного сюжетного повествования, где заранее более или менее определено, что можно считать дискретными компонентами («персонажами» или «событиями»), здесь не существует заданного «алфавита» – он формируется непосредственно в развертывании структуры и через структуру» [5, с. 30]. Мотивы художественных произведений помогают читателю разъяснить «художественный текст изнутри, оставаясь в его суверенных сюжетно-фабульных пределах и одновременно непредумышленно, как бы ненароком выглядывая из текста в мир вокруг него» [7, с. 12]. Мотив дома в русской литературе существует давно, в отечественном литературоведении принято считать точкой отчёта творчество Пушкина, Гоголя, Чехова, Достоевского и т.д. Во многих произведениях образ дома дан вторым планом, на первое место выступают сюжетные линии героев с их жизненными перипетиями. Особняком стоит рассказ нашего современника Анатолия Генатулина «Изба», размышления автора об истории дома и о связи поколений.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ. Рассказ «Изба» А. Генатулина начинается с воспоминания повествователя о томящем, преследующем его сне о старой избушке, в которой его ждёт давно умершая мать. Читатель проникается чувством страха героя, тем более что он и не думает его скрывать: «Я очень боюсь этой избы, вернее, боюсь встретиться в ней с матерью» [6, с. 271]. Вступление с описанием сна позволяет лучше понять характер героя, помогает ярче представить среду, нравы и быт, сформировавшие характер автора. Эта своеобразная тайна, рассказанная миру, становится неким откровением для читателя, над которым необходимо задуматься. Рассказ навевает грустные размышления о судьбе дома, о судьбе человека, ушедшего искать счастья далеко от отчего порога, в «сне» сконцентрировано чувство горечи от давно потерянного во времени простого человеческого счастья, сосредоточенного в маленькой семье из четырёх человек. «Изба моего детства, дедовская изба, где родился и вырос мой отец, помнится мне тёплым, уютным, надёжным гнездом» [6, с. 272], – вспоминает герой, для него дом – это центр Вселенной.

Традиционный крестьянский дом является наглядным воплощением так называемого стихийного космизма, свойственного народу. Стихийный космизм – это народное понимание мира, представления о том, что весь мир живой, единый, и что он тесно взаимосвязан с человеком. Автор подтверждает эту мысль следующим образом: «мне всегда казалось, что избы в нашей деревне чем-то похожи на людей, на своих хозяев. И в нашей избе с двумя окнами – глазами на улицу я увидел нечто родное, материнское, что-то от выражения её лица, скорбного взгляда» [6, с. 285]. Автор интуитивно композиционно выстраивает свой рассказ по представлению древних об устройстве Вселенной. Нова для читателя история о первых дымных башкирских сувалах, заменявших печь до середины девятнадцатого века. Рассказывая о появлении в башкирских избах русских печей, автор уходит в грустные рассуждения о погибших по невежеству знахарей детях и добавляет эпизод-воспоминание о родителях. За печью следует описание стен, и если принять во внимание, что изба «представляла собой Вселенную – с небесным сводом, земным и подземным миром, а также – с четырьмя сторонами», то автор после подробного описания стен переходит к описанию «небесного свода», потолка. Потолок одушевлён: «…интересной жизнью живёт потолок», «чудятся мне очертания какой-то невиданной земли с горами, реками, озёрами», «землю эту от края до края пересекает горный хребет-матица» [6, с. 275]. В центре матицы, как в центре небесного свода «подвешена семилинейная лампа с эмалированным, как тарелка абажуром» [6, с. 285]. К одухотворённой живым огнём печи автор переходит после описания потолка. Печь должна была служить надежной преградой на пути злых и темных сил, которые грозили ворваться в человеческое жилье. «Подземное царство смерти» – подпол видится маленькому человеку таинственным и страшноватым: «из тёмных углов глядят зловещие шевелящиеся тени», «мне кажется, что под полом живёт кто-то невиданный, холодный и угрюмый» [6, с. 276].

А. Генатулин описывает жилище как модель Вселенной, таким, каким его видели наши предки. «Одним из наиболее значимых простран-

ственных ориентиров в произведениях А. Генатулина становится дом. Отношение к родному дому проявляет характер персонажа, его человеческую сущность» [2, с. 5]. Феномен Дома-жилища в рассказе «Изба» А. Генатулина можно обрисовать следующей пространственно-временной структурой: в доме объединяются время и место, это ведёт к формированию вневременного сознания, к единению временного и вечного, национального и мирового. «Я… боюсь встретиться в ней (избе) с матерью. Потому что знаю, помню: она давно умерла…» [6, с. 271]. Для большинства живущих на земле людей дом является близким и родным образом, так как в данный образ вложены тёплые и светлые воспоминания, которые сопровождают человека порой всю жизнь, часто всплывая в виде отдельных деталей во снах. С образом дома связаны уют, тепло, чувство безопасности, родные, нежность, понимание. Дом в рассказе А. Генатулина предстаёт как категория вечная. Память повествователя, постоянная встреча с родным домом во снах являются сквозными мотивами рассказа «Изба» А. Генатулина.

В контексте сна повествователя происходящее в рассказе «Изба» сюрреалистично; через дымку сновидения медленно проступают детали, сначала выпукло крупные, затем более мелкие – части интерьера избы. Фабульно-сюжетная линия как таковая в произведении выражена не ярко, происходящее находится между жизнью реальной и потусторонним миром. Постепенно в памяти автора-повествователя детализируется прошлое предков, как плавный переход в вечное. Родительский дом для повествователя является местом особым, потому что преодолевает пространство и время: в памяти живы воспоминания, оживают детали благодаря снам: «Каждый раз повторяется один и тот же сон» [6, с. 271]. И эта постоянная память о доме, о предках доказывает лишний раз, что есть нечто непреложное, настоящее в преходящем, и, казалось бы, суетном мире. Память автора-повествователя, блуждая по нехитрым деталям быта, выдаёт яркую желтую и красную символику, общеизвестную в лингвокультурологии, трактуемая как священная. И это не случайно. Для повествователя детские воспоминания сродни священным: «оранжевые языки пламени», «жёлтый огонь лампы», «цветастый (красный угол перины», и здесь же (вовсе не случайно) «облик матери» [6, с. 273].

В памяти о матери, отце, прапрадеде, далёких предках повествователь выделяет некое вечное, постоянное, что для него самого и является жизнью. Эти сны – память соединяют в настоящем тех, кто уже давно по ту сторону бытия с миром настоящим, сегодняшним; только благодаря снам автор-повествователь преодолевает границы времени и пространства. Давно нет в живых предка, который поселился здесь «ещё во времена Салавата», «но была изба – это главное» [6, с. 273]. Перечисляя эволюцию жизни предков и самого дома, автор-повествователь как бы исподволь преодолевает тему смерти.

С топосом изба у А. Генатулина тесно связана тема дороги. Сначала внешний мир видится герою с чердака: «Что за теми горами? Какая жизнь? Какие люди?» [6, с. 283]. Как повествователь увидит мир вживую – читатель узнает из других автобиографических произведений А. Генатулина. С темой дороги в данном рассказе тесно связан архетипический мотив – история о блудном сыне. Память о родовом гнезде помогает повествователю преодолеть пространственные и временные пласты и вернуться на родную землю.

В «Избе» внимание героя концентрируется в пространстве жилища, который был гнездом для не одного поколения семьи повествователя. С мотивом дома связан мотив страха, отражающий состояние героя: «Я очень боюсь этой избы…» [6, с. 271]. Этот страх не связан с реальной жизнью, он передаёт беспомощность героя перед онтологическими вопросами. Дом всё стоит, а истинный хозяин, живя на чужбине, видит его только во снах.

Пространство избы показано настолько детально, что звуки, запахи, соединяясь, трансформируются в этом контексте в осязаемый плотный вещный мир. Образы дома и времени, соединённые в рассказе «Изба», гармонично соотносятся с этим периодом жизни, которое включает в себя и земное, и потустороннее, и вечное. Дом, изба, хата – это то обжитое место, которое надо защищать от вторжения враждебного чужого. Это жилище является символом единения рода и семьи, связи поколений, потому оно сакрально. Сакральность дома передаётся через образ матери, через олицетворение образа дома: «в нашей избе с двумя окнами – глазами на улицу я увидел нечто родное, материнское…» [6, с. 285]. Мать, являясь центром семейного очага, незримо присутствует в произведении от начала до конца. Символом, олицетворяющим главенствующую роль матери в доме, является печь: «Как будто… всё ещё хлопочет без устали возле давно остывшей печи…» [6, с. 272], «…сердитый вид

хлопочущей возле печи матери» [6, с. 275].

Сакральность дома автора-повествователя передаётся через тщательное описание внутреннего убранства жилища, не случайно он с особенной любовью описывает детали, всплывающие в памяти: нары, сундук, стены «с круглыми глазами сучков», потолок, печь, подпол, окна, чердак. В конце произведения герой вводит в воспоминания ожившие тени родных. Особое место занимает описание нечистой силы и способы борьбы с ней местной знахарки. Настроение повествователя в ходе повествования меняется от слегка равнодушного до проникновенно лирического. Огромная любовь автора-повествователя выражается в признании любви к старой избе деда: «…мне она казалась всем мирозданием, огромным, непостижимым и добрым, приютным» [6, с. 282] до возвращения в родной аул в реальной действительности [6, с. 285].

Анализируя пространство жилища в рассказе «Изба» А. Генатулина, можно сказать, что это уютное место, где мирно сосуществуют родные, где они чувствуют себя комфортно: «изба…помнится мне теплым, уютным надёжным гнездом» [6, с. 272]. Знаками этого пространства являются сувал, печь, лампа, песни матери, родные. Причём родные не просто есть в этом пространстве, они его неотъемлемая часть. Дом характеризуется в рассказе «Изба» как тёмный, но уютный, тёплый и спокойный. Не случайно, вспоминая историю возникновения избы, повествователь использует метафору: «уютное гнездо моего детства», «уютный полумрак». Языковые средства писателя отражают то, что есть в сознании, а оно формируется родной культурой. Таким образом, можно утверждать, что Дом, Печь – это специфические национальные концепты. «Базовые концепты – это концепты-универсалии …представленные в научном сознании в форме этических терминов и логических операторов и в художественном произведении реализующиеся как базовые художественные концепты» [4, с. 53].

Печь, стены, нары, потолок и подпол связывают внутренний мир дома и мир внешний. Данные образы приобретают в рассказе связующую сюжетно-композиционную роль завязки, кульминации и развязки. Помимо детального описания внутреннего убранства избы повествователь отдельно останавливается на воспоминаниях, связанных с миром звуков. Звуки также связывают два мира – внутренний и внешний: «Печальные песни матери, крик петуха за стеной, собачий лай, грохот повозки и особенно скрип ставен…» [6, с. 275], «снизу, как из другого мира, доносятся до меня звуки…» [6, с. 283].

Изба в одноимённом рассказе А. Генатулина вбирает в себя много атрибутивных образов, которые по-своему характеризуют повествователя и сам интерьер. Это – печь, нары, потолок, матица, окна, подпол и более мелкие образы – сундук, перина, лампа, шерстяной палас, перина. Дом, помимо хозяев, населяют и сверчки, и телята, и гусыня, и кот, и демонические силы – домовой, бисура (кикимора) и джен. Они тоже входят в семантическое пространство избы. Они все создают домашний уют, творят домашний космос. С появлением джена связана смерть матери и сиротское детство повествователя: «изба наша окончательно утратила жилой уют» [6, с. 285].

В рассказе «Изба» значительную роль играет «пограничная зона» – окна, чердак и дверь. «Окно между наблюдателем и окружающим миром становится границей между двумя мирами. Оно может разъединять или объединять внешнее пространство большого мира и внутреннее пространство малого мира» [1, с. 128]. Окна впускают внешнее: мир за окном «манит» и «пугает» героя, мир являет себя: «…по праздникам по улице аула проходит демонстрация» [6, с. 285]. В рассказе «Изба» повествуется о двух жилищах: старой дедовской («тёплое гнездо моего раннего детства») и новой, построенной отцом («в которой… мучило меня сиротство»). Объединяющей и важной доминантой жилищ становится печь. Печь даёт тепло обитателям дома, дарит уют, является центральным образом в организации избы.

Философское значение рассказа заключается в восклицании повествователя: «Вот здесь стояла наша изба, вот здесь я родился!..». «Изба» А. Генатулина выражает мечту автора о том блаженном времени, которое было когда-то давно, но которое уже не вернуть. Память повествователя связана с поиском себя в этом мире, с поиском душевного покоя, гармонии, успокоения, а также с поиском национальной тождественности. Истоки счастья повествователю видятся в далёком детстве.

Рассказ А. Генатулина «Изба» автобиографичен, повествователь так же, как и автор, долгое время жил вдали от Родины, но родовая память оказалась сильнее, и в частых снах является ему одно и то же: «Каждый раз повторяется один и тот же сон. Снится, будто после долгих лет разлуки я возвращаюсь в родной аул…» [6, с. 271]. Мотив дома в рассказе «Изба» соединяется с мотивом дороги: «Что за теми горами? Какая жизнь? Какие люди?» [6, с. 283]. «В древней-

ших представлениях людей мотив пути оказывается неразрывно связанным с мотивом дома. Это объясняется тем, что мифологическая модель мира обладает особой пространственной организацией. В ее основе лежит оппозиция космоса – пространства, относительно безопасного для человека, и хаоса – «не – пространства», враждебного людям» [3, с. 103]. Таким образом, писателю удаётся преобразовать временное, сиюминутное в Вечное: «Был тот маленький пятачок земли на склоне холма, где мой далёкий предок заложил основание нашей избы. Изба врастала в землю как дерево корнями» [6, с. 273]. Память о предках позволяет преодолеть географическое и временное пространство и окунуться целиком в атмосферу уюта и семейного счастья: «…в избе уже прибрано, у печи поёт самовар, хлеб, вынутый из печи, сложен на полку и прикрыт чистым полотенцем» [6, с. 276]. Воскрешая в памяти давно ушедших родителей, писатель обращается к теме преодоления смерти через пространство избы, где собираются прапрапрадед, прапрабабка, родители… Сакральность родного дома, где «встретились» живые и мёртвые передаётся через семантику весеннего пейзажа, преодолевающего небытие: «Ясное весеннее утро», «всё это как бы насквозь высвечено и уютно согрето янтарным весенним солнцем» [6, с. 278]. В произведении А. Генатулина «Изба» происходит мягкая смена настроений автора-повествователя: от тягостного страха и беспокойства до умиротворения и грусти, в финале звучат нотки светлой печали и надежды.

Заключение. Родной дом становится для повествователя той отправной точкой, с которой начинается любовь к Отчизне. Все дороги ведут к дому, к Родине. Реализм писателя А. Генатулина связан с изображением родной избы в двуединстве – жизнь и смерть – в этом заключается «трансцендентный смысл» всего творчества писателя. Значимость дома в создании картины мира вырисовывается автором убедительно и эмоционально. Возвращаясь в памяти к родным истокам, черпая в сакральном энергию жизни, автор-повествователь прикасается к живительному источнику Рода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллина А.Ш.* Мотив одиночества в романе «Загон» А. Генатулина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2009. № 1. С. 124–129.

2. *Абдуллина А.Ш.* Архетип дома в прозе А. Генатулина // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 12. С. 5–9.

3. *Абдуллина А.Ш.* Время и пространство в романе «Загон» Т. Гиниятуллина // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 1. С. 100–104.

4. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. Пер. с англ. А.Д. Шмелева, под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

5. *Гаспаров Б.М.* Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993. С. 30–31.

6. *Генатулин А.Ю.* «Изба»/ «Сто шагов на войне». М.: «Советский писатель», 1983. 286 с.

7. *Прозоров В.В.* Мотивы в сюжете. Другая реальность. Саратов: Лицей, 2005. 206 с.

REFERENCES

1. Abdullina, A.Sh. *Motiv odinochestva v romane «Zagon» A. Genatulina* [The motive of loneliness in the novel “Animal Pen” by A. Genatulin]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya – Bulletin of the Moscow Region State University, 2009, no. 1, pp. 124–129 (in Russ.).

2. Abdullina, A.Sh. *Arkhetip doma v proze A. Genatulina* [Archetype of a house in A. Genatulin’s prose]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk State University, 2008, no. 12, pp. 5–9 (in Russ.).

3. Abdullina, A.Sh. *Vremya i prostranstvo v romane “Zagon” T. Giniyatullina* [Time and space in the novel “Animal Pen” by T. Giniyatullin]. Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of the Bashkir University, 2008, vol. 13, no. 1, pp. 100–104 (in Russ.).

4. Wierzbicka, A. Semantic universals and description of languages. Russian edition. A.D. Shmelev (transl.), T.V. Bulygina (ed.). Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1999. 780 p. (in Russ.).

5. Gasparov, B.M. *Iz nablyudeniy nad motivnoy strukturoy romana M.A. Bulgakova «Master i Margarita»* [From observations on the motif structure of the novel by M.A. Bulgakov “The Master and Margarita”]. Literaturnyye leytmotivy. Ocherki po russkoy literature XX veka [Leitmotifs in literature. Essays on Russian literature of the 20th century]. Moscow, 1993, pp. 30–31 (in Russ.).

6. Genatulin, A.Yu. Izba. [Izba]. In: Sto shagov na voyne [One hundred steps in the war]. Moscow: Sovetskiy pisatel, 1983. 286 p. (in Russ.).

7. Prozorov, V.V. *Motivy v syuzhete: Drugaya realnost* [Motifs in the plot: Another reality]. Saratov: Litsey, 2005. 206 p. (in Russ.).

DOI 1 10.24412/2223-0564-2021-3-84-88
УДК 82-1/-9

С.С. Байбулатова

НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПОЭМЕ Р. БИКБАЕВА «ПИСЬМО МОЕМУ НАРОДУ»

Аннотация

В данной статье рассматриваются нравственно-этические проблемы в поэме народного поэта Башкортостана Р.Т. Бикбаева «Письмо моему народу» (1982). Возникшие в 1980–1990-х годах социально-экономические проблемы российского общества коренным образом затронули нравственно-этические вопросы. Кроме того, этот период характеризуется подъемом национального самосознания народов страны, их стремлением обратиться к истокам своей истории и культуры. Поэма воспринимается как поэтическое воззвание с призывом о сохранении родного языка и культуры. Жанровая и стилевая особенности произведения отсылают читателя к первоистокам национальной литературы – к форме стихотворного обращения в жанре хитап. По утверждению поэта, в том, что “поколенье безъязыкое грядет” виноваты и семья, и школа, и самое главное – это равнодушие людей. Авторская позиция особенно актуально звучит в наши дни. Например, снижение статуса национальных языков может отрицательно повлиять на социально-политическую обстановку в стране. Родной язык тесно взаимосвязан с национальной культурой, а последняя – с нравственно-этическими принципами. Человек, который забывает свои корни, превращается в манкурта, у него исчезают такие понятия, как патриотизм и любовь к Отчизне и родной земле. По мнению автора произведения, для того, чтобы в обществе были крепкие нравственные устои, необходимо придерживаться и всячески развивать национальные традиции.

Ключевые слова: башкирская поэзия, традиция, поэтическое обращение, Р. Бикбаев, нравственность

Salima. S. Baybulatova

MORAL AND ETHICAL PROBLEMS IN RAVIL BIKBAYEV'S POEM «A LETTER TO MY PEOPLE»

Abstract

This article examines the moral and ethical problems in the poem by People's Poet of Bashkortostan Ravil Bikbaev «Khalyma khat» (1982; «A Letter to My People»). Socio-economic problems that emerged in 1980-1990 fundamentally affected moral and ethical issues. In addition, this was a period of the rise in the national self-consciousness of the peoples of our country, their desire to turn to the origins of their history and culture. The poem can be considered a poetic appeal during the perestroika period with a plea for the preservation of the native language and culture. Even the genre and style feature of the work refers the reader to the primary sources of national literature - the form of poetic appeal of the hitap. The author accuses our entire society: family, school, parents, and, most importantly, our indifference for the fact that “a tongueless generation is coming”. The author's position is especially relevant today. The decline in the status of national languages can negatively affect the socio-political situation. The native language is directly interconnected with culture, and the latter - with moral and ethical principles. A person who has forgotten his roots turns into a mankurt, such a concept as patriotism and love for the native land disappears from him. In the poet’s opinion, in order to have high moral values in our society, we should adhere to national traditions and support them in every way.

Key words: Bashkir poetry, tradition, poetic appeal, Ravil Bikbaev, morality

Байбулатова Салима Сулпановна, *аспирант Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального научного центра Российской академии наук (Уфа), e-mail: baibulatovasalima@yandex.ru*

Salima S. Baybulatova, *graduate student of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa), e-mail: baibulatovasalima@yandex.ru*

© Байбулатова С.С., 2021

1980–1990-е годы – особый период в нашей истории. В первую очередь, он связан с политическими, и, как следствие, с социально-экономическими проблемами. Социально-экономические проблемы, естественно, затронули нравственно-этические нормы. Кроме того, это период подъема национального самосознания народов Советского Союза, их стремление обратиться к истокам своей истории и культуры. Поэтому данный этап развития отечественной литературы представляет собой особый интерес для исследователей как один из переходных периодов. Здесь мы видим такие явления, как традиция и новаторство, обращение к актуальным и ранее запретным темам. Одним из наиболее ярких представителей башкирской художественной словесности этого периода был народный поэт Башкортостана Р.Т. Бикбаев (1938–2019).

Творческий путь Р.Т. Бикбаева начинается со студенческих лет (с 1957 г.), а первое крупное произведение – поэма «Вокзал» – увидел свет в 1962 г. В ней он показал себя как самобытного поэта с лирико-философским мироощущением. Уже тогда он затрагивает такие вопросы, как судьба страны, своей малой родины и современников. Из года в год его творчество развивалось и обогащалось. Лирико-философские размышления дополнялись историзмом мышления и стремлением к философскому обобщению. Для его творчества «… характерно глубокое постижение действительности, особое внимание к острым социальным, политическим, философским и экологическим проблемам современности, стремление проникнуть в душевный мир народа» [1, с. 548].

Особое место в творчестве поэта занимают темы родного языка, культуры и исторического прошлого народа. Наиболее остро они отражены в поэтическом монологе «Халҡыма хат» (1989; «Письмо моему народу», поэмах “Һыуһаным, һыуҙар бирегеҙ! (1989; «Жажду – дайте воды!», “Баҙар балтаһы” (1993; «Базарный топор») и др.

Поэму «Халҡыма хат» («Письмо моему народу») можно считать поэтическим воззванием башкирскому народу в период перестройки с мольбой о сохранении родного языка, культуры и истории. Даже жанровая и стилевая особенность произведения отсылает читателя к первоистокам национальной литературы – хитап, форме стихотворного обращения к народу.

В башкирской культуре с древнейших времен существовала традиция в трудные времена обращаться к соплеменникам с образной речью, в котором просто и доходчиво разъясняли или доводили до них насущные проблемы и призывали решать их. В народной памяти остались имена таких мастеров словесности, как Байык-сэсэн, Салават Юлаев, Сафуан Якшыгулов, Шайхзада Бабич, Шафик Аминев-Тамъяни, Гали Ходаяров и др. Например, Байык-сэсэн, который воевал против царских карателей в рядах войск С. Юлаева, в 1812 г. обращается к своим сородичам с призывом выступить против французских захватчиков. Здесь мы видим нравственную чистоту наших далеких предков – они жизненные идеи ставили выше и умели забывать свои обиды перед общим врагом.

Для жанра хитап характерно такое явление: он становится особенно популярным и актуальным в период социально-политических потрясений. Это связано с тем, что автор как бы напрямую, лично обращается к каждому читателю или слушателю. Его рассвет в башкирской поэзии приходится на революционные годы и годы Гражданской войны (1917–1919). Например, в стихотворении “Ер” (1917; “Земля”) Ш. Бабич обращаясь к башкирам, так просто и лаконично объяснил важность земли для них:

Земля – счастье башкир,
Земля – трон его счастья.
Если отстоим землю, то будущее
Лучезарно и светло.
Сохраним землю – сами сохранимся.
Другого нет пути [12, с. 25].

Наибольшую известность в национальной поэзии получило поэтическое обращение Ш. Бабича “Башҡорт халҡына көйлө хитап...” (1919; “Стихотворное обращение к башкирскому народу по поводу соглашения с большевиками”), которое оказало огромное влияние на переход башкирского правительства на сторону большевиков. В ней автор стремится объяснить суть башкирского национального движения и причины присоединения к большевикам. В годы Великой Отечественной войны широкую известность получила поэма Р. Нигмати “Үлтер улым, фашисты!” (1944; «Убей, сын мой, фашиста!»). Обращение своему народу содержится и произведениях Р. Гарипова. В стихотворении “Туған тел” (“Родной язык”) автор бросил клич народу, глубоко переживая за свой родной язык:

Чьим сыном без него назваться мне бы,
Чтоб общий подвиг с братьями вершить?
Есть у меня с ним и земля и небо,
Я без него – безвестный, без души [2, с. 11].

Сюжет поэмы-монолога «Письмо моему народу» начинается со вступительного слова “Наша общая боль”, в котором поэт указывает причину создания произведения. Во время поэтического праздника, посвященного С. Юлаеву, автору передали письмо неизвестной башкирской девушки, которая писала, что она не умеет разговаривать и писать на родном языке. Причину она объясняла тем, что родители в детстве записали ее в класс с русским языком обучения, мотивируя это тем, что изучать родной язык сейчас уже непрестижно. Изучая все предметы в школе и вузе на русском, она окончательно забыла свой родной язык. Владея двумя иностранными языками, она не знает ни языка, ни историю, ни культуру и традиции своего народа [3. с. 287–288].

Таким образом, письмо неизвестной башкирской девушки стало основополагающим фактором, по причине которой поэт обращается с монологом к своему народу:

Язык родной! И в радости и в горе
Звездою путеводной светишь ты.
Я горд за твой животворящий корень,
За нынешний твой день сжигает стыд [7, с. 212].

Как справедливо отмечено, “...стихотворное обращение «Письмо моему народу» Р.Т. Бикбаева – это своего рода летопись не только периода перестройки, но и современности, когда его призыв не теряет своей актуальности и в наши дни. Ведь судьба национального языка становится судьбой нации, защиты и гарантии ее будущего” [4, с. 90].

Родной язык – это не только язык матери, это – и язык народа, его история, культура, философия и мировоззрение. У него, как и у башкирского народа, есть тысячелетняя славная история. Судьба, история и будущее народа неразрывно связана с его языком:

Судьба народа впишется в века
Лишь правдою живого языка... [7, с. 213].

Р. Бикбаев еще в 1969 г. писал следующее: «Человек должен преклоняться перед тремя вещами. Перед прошлым своей страны, сегодняшним днем и будущим. Современность и будущее – два крыла человека» [4, с. 2].

Однако сравнение с историческим прошлым не в пользу современного положения башкирского общества: молодежь забывает свой родной язык и свои национальные корни. Только славное историческое прошлое народа дает ему некоторый оптимизм в будущем:

Я – сын башкира. След тысячелетий
Оставлен мною в памяти земли,
Чтоб в неразрывной связи поколений
Речь и страна погибнуть не могли [7, с. 213].

Обращение к жанру башкирского народного творчества кубаиру так же несет в себе двоякую функцию – с одной стороны, усиливает ритмическую интонацию и мелодичность произведения, а, с другой, – напоминает слушателям о прошлом народа, который несмотря на никакие трудности, не отрекся от родного языка:

Им отрезали языки и уши,
На эшафоты возводили их...
Нас тевкелевы в пламени сжигали,
Давили душу сводами тюрьмы,
Нам языки из глотки вырывали,
И все же, все ж не онемели мы! [8, с. 126] (подстрочный перевод)

Не оставляет поэта равнодушным отношение к родному языку некоторых родителей, в результате которого появляются в обществе манкурты.

По мнению поэта, это не только равнодушие, оно равноценно преступлению против своих детей.

Быть может, дух народный испарился
Или поменьше чести стало в нас?
Восславить жизнь младенец в жизнь явился –
Над ним родитель радостно склонился,
Чтоб языка лишить его тотчас [7, с. 214].

Они, сами стыдясь своего родного языка, заставляют учить ребенка другой язык в ущерб родному, и при этом гордятся “познаниями” своего чада. Впоследствии ребенок стыдится родной речи, своей нации.

По мнению автора, во многом это было связано с государственной языковой политикой в СССР. В начале 60-х гг. XX в. в стране было закрыто большинство национальных школ, обучение в основном велось только на русском языке. По этой причине выросло несколько поколений людей, не знающих родного языка, отторженных от него и забывших о национальной гордости. Возможно, это было одним из этапов создания “единой советской нации” – человека, не знающего своего родного языка, с размытым национальным самосознанием. Такое отношение к языку по инерции продолжается и в наши дни. Обвиняя руководителей страны, «порождавших» народы без национальностей, поэт обращается к современникам:

Не утешайтесь, что не всем башкирам
Такую чашу выпало испить…
Скажите, как народам-братьям жить,
Когда язык их так смогли избить

Безмозглые чинуши-командиры? [7, с. 215].

Таким образом, поэт, как и Р. Фахретдинов, призывает своих сородичей просыпаться от "спячки", не расслабляться и надеяться, что не все еще забыли свои корни. Это звучит как предостережение не только к своим современникам, но и будущему поколению.

Губительная политика советского правительства в области языковой политики не дает покоя поэту: все больше молодых людей, отвергнувших свой родной язык:

Печальная гнетет меня забота:
Ужели благо, если для кого-то
Чужой роднее чем родной язык?
Ужели благо, если розы ваши
Сорняк заглушит тяжестью стеблей?
Во благо ль, если детвора – чуваши,
Марийцев дети, ребятишки наши
Уже стыдятся нации своей? [7, с. 214–215].

В том, что "поколенье безъязыкое грядет" автор обвиняет все наше общество: семью, школу, родителей, наше равнодушие. Не государство виновато, как стремятся показывать некоторые наши общественники, а мы сами, наша беспринципность и беспечность.

Без родственников – полусирота,
Тысячекратно – без родимой речи.
Проснись, народ, и разомкни уста,
Очнись от безучастности беспечной! [7, с. 216].

Авторская позиция особенно актуально звучит в наши дни. Родной язык непосредственно взаимосвязан с культурой, а последняя – с нравственно-этическими принципами. Человек, который забыл свои корни, превращается в манкурта, у него исчезают такие понятия, как патриотизм и любовь к Родине и к родной земле. Поэтому патриотическое воспитание всегда идет во взаимосвязи с краеведением. Там, где сильны национальные традиции, выше нравственные устои и историческая память. Таким образом, такой подход к национальным культурам, который мы сегодня имеем, может привести к потере целых поколений, которые забудут о таких категориях, как Родина, родная земля, честь и нравственность.

Как указывает автор, нам нельзя забывать о собственной ответственности в воспитании детей без национального самосознания. Здесь он ставит знак равенства между родным языком матери и Землей-матушкой, которая дает силу, опору и надежду только тем, кто не забыл родные истоки:

В глаза ребенку равнодушно глядя,
Мы к пропасти бездонной подошли.
Кто с материнским языком не в ладе.
Лишен участья матери-земли! [8, с. 127] (подстрочный перевод).

Именно поэтому нам сегодня необходимо пересмотреть свои стереотипы и бросить все свои усилия на сохранение родного языка, мелодии. Только сохранив эти вечные ценности, мы сможем сохранить свою страну:

Дорога наша нынче нелегка,
Но горизонт светлеет перед нами.
Из родника живого языка
Напейтесь люди, полными глотками [7, с. 216].

Таким образом, в обращении "Письмо моему народу" Р. Бикбаев призывает нас "скинуть с себя одеяло" равнодушия, проснуться и мыслить глубже о будущем народа, языка, родной земли. Истощение природы, загрязнение источников, моральное "обнищание" приводят к забвению народных традиций, потере уважения к старшему поколению. Он гордится прошлым, анализирует современное его состояние и тревожится за будущее родного народа. Автор поднимает не только тему родного языка, идея-тематика намного шире – через языковой вопрос он затрагивает такие проблемы, как духовность и нравственность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тимербаева Р.А.* Поэтика и проблематика поэмы Р. Бикбаева «Жажду – дайте воды!» // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 548–551.

2. *Гарипов Р.* Горицвет. Стихи / Авторизованный перевод с башкирского. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1969. 91 с.

3. *Бикбаев Р.Т.* Наша общая боль // Заветное слово. Уфа: Скиф, 2008. 304 с.

4. *Даутова Р.* Хитапы в системе жанров манифестационно-публицистической лирики Р.Т. Бикбаева // Проблемы востоковедения. 2019. №1. С. 87–92.

5. *Бикбаев Р.Т.* Автобиография. Стихи. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1969. 94 с. (на башк. яз.).

6. *Бикбаев Р.* Заветное слово. Уфа: Скиф, 2008. 304 с.

7. *Галин С.А., Галина Г.С., Кузбеков Ф.К., Кузбекова Р.А., Попова Л.Н.* Культура Башкортостана. Учебник для 10 класса. Уфа: Китап, 2009. 304 с.

8. *Бикбаев Р.* «Утолить бы жажду». Поэмы, стихи. Уфа: Китап, 1991. 159 с. (на башк. яз.).

9. История башкирской литературы. В 6-ти т. Т. 1. Средневековый период. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1990. 608 с. (на башк. яз.).

10. История башкирской литературы. В 6-ти т. Т. 2. Литература XIX–начала XX веков. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1990. 582 с. (на башк. яз).

11. *Кунафин Г.С.* Башкирская поэзия XIX–начала XX в. Уфа: Гилем, 2011. 480 с.

12. *Бабич Ш.* «Мы сами – башкиры». Стихи, поэмы, фельетоны, статьи, ежедневники. Уфа: Китап, 1994. 640 с. (на башк.яз.).

REFERENCES

1. Timerbaeva, R.A. *Poetika i problematika poemy R. Bikbaeva «Zhazhdu – dayte vody!»* [Poetics and Problems of R. Bikbaevs poem «I Am Thirst – Give Me Water!»]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* – Bulletin of the Bashkir University, 2015, vol. 20, no. 2, pp. 548–551 (in Russ.).

2. Garipov, R. *Goritsvet. Stikhi* [Adonis flower. Poems and verses]. Authorized translation from Bashkir. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1969. 91 p. (in Russ.).

3. Bikbaev, R.T. *Nasha obshchaya bol* [Our common pain]. Zavetnoe slovo [The sacred word]. Ufa: Skif, 2008. 304 p. (in Russ.).

4. Dautova, R. *Hitapy v sisteme zhanrov manifestatsionno-publitsisticheskoy liriki R.T. Bikbaeva* [Poetic appeals in the system of genres of manifestation-publicistic lyrics by R.T. Bikbaev]. *Problemy vostokovedeniya* – Problems of Oriental Studies, 2019, no. 1, pp. 87–92 (in Russ.).

5. Bikbaev, R.T. *Avtobiografiya. Stikhi* [Autobiography. Poetry]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1969. 94 p. (in Bashkir).

6. Bikbaev, R. *Zavetnoe slovo* [The sacred word]. Ufa: Skif, 2008. 304 p.

7. Galin, S.A., Galina, G.S., Kuzbekov, F.K., Kuzbekova, R.A., Popova, L.N. *Kultura Bashkortostana* [Culture of Bashkortostan]. Textbook for grade 10. Ufa: Kitap, 2009. 304 p. (in Russ.).

8. Bikbaev, R. *«Utolit by zhazhdu». Poemy, stikhi* [«I would like to quench my thirst». Poems and verses]. Ufa: Kitap, 1991. 159 p. (in Bashkir).

9. *Istoriya bashkirskoy literatury* [History of Bashkir literature]. In 6 vols. Vol. 1. The Medieval period. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1990. 608 p. (in Bashkir).

10. *Istoriya bashkirskoy literatury* [History of Bashkir literature]. In 6 vols. Vol. 2. Literature of the 19th – early 10th centuries. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1990. 582 p. (Bashkir).

11. Kunafin, G.S. *Bashkirskaya poeziya XIX – nachala XX v.* [Bashkir poetry in the 19th – early 10th centuries]. Ufa: Gilem, 2011. 480 p. (in Russ.).

12. Babich, Sh. *«My sami – bashkiry». Stikhi, poemy, felyetony, statyi, ezhednevniki* [«We are Bashkirs ourselves.» Verses, poems, feuilletons, articles, diaries]. Ufa: Kitap, 1994. 640 p. (in Bashkir).

АКАДЕМИКУ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ИСЯНБАЕВУ МАЗГАРУ НАСИПОВИЧУ – 85 ЛЕТ

Заслуженный деятель науки РФ (1998) и БАССР (1986), академик АН РБ (2002), доктор экономических наук (1987), профессор (1993) Мазгар Насипович Исянбаев родился 15 сентября 1936 г. в д. 2-е Иткулово Баймакского р-на БАССР. Окончил Башкирский государственный университет (1963). В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экономическая эффективность отраслевых производственных комплексов в промышленных узлах (на примере химических комплексов промышленных узлов Башкирской АССР)», в 1987 г. – докторскую диссертацию на тему «Методологические проблемы формирования и функционирования хозяйственных комплексов республик и областей (на примере республик и областей Урало-Поволжского региона)».

Трудовую деятельность начал в 1963 г. младшим научным сотрудником в Отделе экономических исследований БФАН СССР (ныне Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН), с 1971 г. – старший научный сотрудник, с 1973 г. – зав. сектором ОЭИ БФАН СССР, с 1977 по 1981 и с 1985 по1990 гг. – одновременно зам. заведующего отделом по науке БФАН СССР, в 1990–1993 гг. – заведующий отделом социально-экономических проблем Президиума Верховного Совета БАССР, в 1994–1997 гг. – советник Председателя Верховного Совета и Государственного Собрания–Курултая РБ по экономическим проблемам, в 1997 г. – заведующий отделом (сектором) проблем региональной экономики ИСЭИ УНЦ РАН, в 2013 г. – главный научный сотрудник ИСЭИ УФИЦ РАН, с 2019 г. – главный научный сотрудник ИСИ РБ.

Будучи членом Координационного совета Башкирского, Уральского и Коми филиалов АН СССР (1974–1985 гг.), Уральской сессии Научного совета АН ССР (1990) принимал активное участие в разработке приоритетных направлений социально-экономического развития Уральского экономического района.

Основное направление научной деятельности посвящено совершенствованию методологических основ формирования и функционирования хозяйственных комплексов республики как региональных подсистем единого народно-хозяйственного комплекса страны. Мазгар Насипович – автор более 500 научных трудов, в том числе свыше 70 книг и монографий, посвященных актуальным проблемам экономики. Его труды, среди которых: «Экономическая эффективность отраслевых производственных комплексов в промышленных узлах» (М., 1977), «Методологические основы формирования хозяйственных комплексов республик» (Уфа, 1992), «Развитие реформы и становление новых экономи-

ческих отношений в Республике Башкортостан» (Уфа, 2000; соавт.), «Методологические основы региональной структурной политики» (Уфа, 2006), «Проблемы устойчивого и эффективного социально-экономического развития Республики Башкортостан» (Уфа, 2009), «Экономические подрайоны Республики Башкортостан» (Германия, 2015), «Проблемы эффективной специализации и комплексного социально-экономического развития регионов» (Уфа, 2016, в 7 т.), «Проблемы структурной модернизации региональных социально-экономических систем» (Уфа, 2017) получили большое признание у отечественных и зарубежных ученых.

Под научным руководством и при непосредственном участии М.Н. Исянбаева разработаны комплексные научно-технические программы по проблемам управления экономическим и социальным развитием РБ в условиях рыночных отношений и модернизации регионов.

Его основные теоретико-методологические положения и практические рекомендации научных исследований были использованы Советом Министров СССР, СОПС при Госплане СССР, Госпланом РСФСР, отраслевыми научно-исследовательскими и проектными институтами, научными советами АН СССР, плановыми и хозяйственными органами. Результаты многолетних исследований внедрены в практику и используются в настоящее время при разработке долгосрочных прогнозов социально-экономического развития Республики Башкортостан.

Под руководством Мазгара Насиповича подготовлены и защищены 20 кандидатских и 1 докторская диссертация. Им создана научная школа по региональной экономике и социально-экономической политике.

Многолетняя плодотворная деятельность М.Н. Исянбаева отмечена республиканскими и российскими наградами. Он – заслуженный деятель науки РФ (1998) и БАССР (1986), награжден почетными грамотами Президиума АН СССР (1974), БФАН ССР (1976), Почетной грамотой РБ, Государственного Собрания–Курултая РБ (2006), Кабинета министров РБ (2001), Академии наук РБ (2015), орденом «Салавата Юлаева» (2011 г.), бронзовой медалью ВДНХ СССР (1977), Юбилейной медалью 100 лет образования Республики Башкортостан (2018), Памятным знаком «Государственное Собрание–Курултая РБ» (2020).

Сердечно поздравляем Мазгара Насиповича с юбилеем, желаем крепкого здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов!

Президиум Академии наук РБ,
Отделение социально-гуманитарных
наук и технологий АН РБ

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России «Подписные издания» – 33074